

АБС
3-948

Марат
ЗУБКО

ШВЕДСКАЯ

ЕРТИКАЛЬ

ЗНБ ВГУ

0001007487

Владимир Ленин

Марат ЗУБКО

ШВЕДСКАЯ ВЕРТИКАЛЬ

Москва
Издательство
политической
литературы
1989

Гиздат,

В этой книге подробно рассказывается история возвращения Владимира Ильича Ленина из Швейцарии в революционную Россию весной 1917 года. В ней использованы яркие воспоминания участников путешествия, соратников Ленина, которые десятилетиями замалчивались. Уточняются эпизоды хроники драматической и опасной поездки, которые в прошлом были фальсифицированы или искажены.

Автор, работавший корреспондентом «Известий» в Скандинавских странах, собрал также новые материалы, дополнил известные факты.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

З $\frac{0103020000-165}{079(02)-89}$ 57—80

ББК 13.50

ISBN 5—250—00307—9

© ПОЛИТИЗДАТ, 1989

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

ДВА ВВОДНЫХ МОМЕНТА

1. Во время работы над книгой у автора не раз возникал сакраментальный вопрос: если бы в апреле 1917 года Владимиру Ильичу Ленину, жившему тогда в эмиграции в Швейцарии, не удалось добраться до России, произошло бы в дни Великого Октября все так, как и случилось?

Предвижу, что кое-кто упрекнет меня в абстрактном драматизме. Я и сам готов признать, что основания для такого упрека имеются. И все же... Давайте порассуждаем. Конечно, социалистическую революцию в России готовил не один Ленин. Были партия большевиков и соратники Ильича, были созревший к схватке за власть рабочий класс и его союзник — крестьянство, были революционно настроенные солдатские массы. Все так. Но на весах того исторического момента следует положить и такие факторы: колоссальный авторитет Владимира Ильича, его неукротимую волю, стратегическую и тактическую прозорливость, страстную агитацию необходимости проведения восстания; а еще существование не только в других партиях, но даже в среде большевиков и (что еще опаснее) в ЦК партии колеблющихся людей, выступавших, по сути дела, против взятия власти.

Давайте вспомним широко известное: Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев 16(29) октября на расширенном заседании ЦК РСДРП(б), поставившем на очередь

дня проведение вооруженного восстания, выступили против. Опубликование ими в газете меньшевистского направления заявления о несогласии с решением ЦК о вооруженном восстании явилось разглашением планов партии.

На том заседании ЦК за резолюцию о вооруженном восстании голосовало: «за» — 19, «против» — 2, воздержавшихся — 4. Казалось бы, не будь Ленина в стране, что бы изменилось? Ну было бы «за» не 19 человек, а 18... Ясно, однако, что мы имеем дело не с голый арифметикой. Без титанической работы Ленина за перерастание Февральской буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, за курс на проведение вооруженного восстания ситуация в Центральном Комитете могла быть иной.

Не забудем, что Л. Д. Троцкий, тоже член ЦК, настаивал на том, чтобы восстание не проводилось до открытия II съезда Советов. А было еще меньшевистско-эсеровское бюро ВЦИК. Много представителей этих партий заседало в Петроградском Совете. В общем, противников было немало. Не случайно Владимир Ильич до самого дня восстания не переставал убеждать всех.

Из письма В. И. Ленина членам ЦК, написанного 24 октября (6 ноября) 1917 года:

«Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно.

Изю всех сил убеждаю товарищей, что теперь все висит на волоске...»¹

Все это говорится, чтобы еще раз подчеркнуть чрезвычайную важность для нашей революции, нашей страны, для всех нас самого факта возвращения В. И. Ленина из эмиграции в революционную Россию

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 435.

в апреле 1917 года. Мне кажется, что ту поездку мы зачастую воспринимаем несколько облегченно: нужно было — и вернулся. И быть по-другому не могло.

А ведь могло! Путешествие было очень опасным, гарантий в его благополучном исходе не было никаких. Была только вера в правильность расчета, который строился на существовании острых противоречий между блоками воевавших между собой империалистических государств. В пути Ленин подвергался угрозе быть арестованным, а то и хуже того — застреленным.

Об этой поездке, от исхода которой во многом зависело развитие революционного процесса в России, и пойдет речь в книге.

Один из главных ее героев — Фриц Платтен, бывший в то время секретарем швейцарской социалистической партии, позже дал такую оценку этому путешествию: «Всем исследователям современности, всем будущим историкам российской революции, всем биографам Ленина придется остановиться специально на вопросе о том, при каких условиях совершился переезд Ленина в Россию, а также вообще на вопросе, какое значение для судеб русской революции имело возвращение русских эмигрантов».

2. Решаясь на возвращение в революционную Россию через воевавшую с ней Германию, Владимир Ильич хорошо понимал, что рискует быть обвиненным в сговоре с германским империализмом. Но он надеялся, что международный рабочий класс и революционное движение проявят здравомыслие. Так в конце концов и получилось. Но Антанта и противники большевиков в России сотворили миф о том, что Ленин-де был вывезен из эмиграции германским кайзером в опломбированном вагоне и что он, мол, совершал революцию на немецкие деньги.

Этот давно разоблаченный миф пытаются время от времени реанимировать на Западе, и сейчас, деся-

тилетия спустя, там стремятся исказить образ Ленина как вождя пролетарской революции и как человека.

Цель этой книги состоит еще и в том, чтобы рассказать о реальных событиях тех дней на основе документальных данных с использованием как новых материалов, разысканных сравнительно недавно, так и тех, которые возвращаются к нам из незаслуженного забвения.

ГЛАВА I

«ШВЕЙЦАРСКАЯ ЗАПАДНЯ»

Март — апрель 1917 года

Возвращаться в Россию! И немедленно!

Такова была первая реакция Ленина на сообщение о том, что в России произошла Февральская революция и царское самодержавие свергнуто. Это была долгожданная революция, ведь борьбе с царизмом Владимир Ильич и партия большевиков отдали столько сил, энергии, жизни товарищей. Восторгу и ликованию Ленина не было предела.

Но как вернуться в Россию?

Это оказалось делом чрезвычайной сложности. Волею судьбы Владимир Ильич оказался в апреле 1917 года в нейтральной Швейцарии, по ту сторону фронтов первой мировой войны, перепавших Европу с севера на юг. Это была, по сути дела, западня.

...Из своих неполных 54 лет Ленину провел в эмиграции пятнадцать. Впервые он вынужден был покинуть пределы царской России в 1900 году, когда ему было 30 лет. Во время революции 1905 года Владимир Ильич возвратился на родину, но с 1907-го опять потянулось время вынужденной эмиграции.

Начало первой мировой войны застало его в Поронино, расположенном в той части Польши, которая тогда входила в состав Австро-Венгрии, то есть на «вражеской территории». Он был арестован, но затем освобожден, получил разрешение на выезд в Краков. Потом он с Н. К. Крупской пересбрался в Вену, а оттуда смог отправиться в Швейцарию.

Владимир Ильич жил в Женеве, Цюрихе, бывал в других швейцарских городах.

В начале 1917 года он вместе с Надеждой Константиновной снимал комнату в квартире владельца сапожной лавки Каммерера, расположенной по Шпигельгассе, 14, в старом городе Цюриха. Тогда это был район, в котором жили люди с малым достатком. Длинный каменный переулок выглядел темным и неуютным. Условия в квартире были скромные, в комнате, где жил Владимир Ильич, не хватало света, даже днем приходилось включать лампу, но Ленину здесь нравилось.

Вот как описывала этот дом и его атмосферу Н. К. Крупская:

«Старый мрачный дом, стройки чуть ли не XVI века, двор вонючий. Можно было за те же деньги получить гораздо лучшую комнату, но мы дорожили хозяевами. Семья была рабочая, они были революционно настроены, осуждали империалистскую войну. Квартира была поистине интернациональная: в двух комнатах жили хозяева, в одной — жена немецкого солдата-булочника с детьми, в другой — какой-то итальянец, в третьей — австрийские актеры с изумительной рыжей кошкой, в четвертой — мы, россияне. Никаким шовинизмом не пахло, и однажды, когда около газовой плиты собрался целый женский интернационал, фрау Каммерер возмущенно воскликнула: «Солдатам нужно обратить оружие против своих правительств!»¹

Как всегда, Владимир Ильич много работал: писал, дискутировал, вел обширную переписку. 9(22) января его пригласили выступить перед собранием рабочей молодежи в Народном доме в Цюрихе с докла-

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5 т. М., 1984. Т. 1. С. 421.

дом о революции 1905 года в России. В этом докладе Ленин, в частности, сказал: «Нас не должна обманывать теперешняя гробовая тишина в Европе. Европа чревата революцией»¹.

Г. Е. Зиновьев, который тоже находился в эмиграции и жил в Цюрихе, свидетельствовал: «Чуя приближение грозы, Владимир Ильич особенно томился в последние месяцы... Никогда раньше не тянуло в Россию с такой силой. Истосковались по русской речи, по русскому воздуху. Предчувствие революционной грозы заставляло томиться с особой силой»².

Известие о революционной грозе, разразившейся в России, застало Владимира Ильича в интернациональной квартире на Шпигельгассе. Дело было после обеда 2(15) марта 1917 года. Владимир Ильич собрался было отправиться в библиотеку, а Надежда Константиновна едва закончила заниматься посудой, когда в дверь неожиданно постучали. Вбежал М. Г. Бронский, польский социал-демократ.

— Вы ничего не знаете?! — воскликнул он. — В России революция!

Бронский рассказал все, о чем он прочитал в телеграммах, выпущенных в тот день экстренным выпуском. Ильич конечно же решил прочитать все сам. Он оделся и вместе с Надеждой Константиновной чуть ли не бегом отправился к городской набережной цюрихского озера. Там находилась редакция газеты «Нойе цюрихер цайтунг», по тем временам самого информированного издания. Последний номер газетчики всегда вывешивали в витрине на стене здания.

Вот он, экстренный выпуск. Да, в России революция! Царь Николай II действительно отрекся от пре-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 327.

² Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. М., 1925. С. 118.

стола! Владимир Ильич по нескольку раз прочитал телеграммы из Петрограда.

Ленин направляет телеграмму Зиновьеву в Берн и просит его немедленно приехать в Цюрих. Послания ушли к И. Ф. Арманд в Кларан и М. Г. Цхакая в Женеvu.

Дальнейшее повествование в этой главе будет сопровождаться выдержками из сохранившихся писем Ленина, которые не только помогут создать более точную документальную картину происходивших событий, но и более наглядно покажут, как Владимир Ильич метался в поисках выхода из «швейцарской западни» и как нелегко было найти, а потом решиться на осуществление, наверное, единственно возможного в тех условиях варианта возвращения в революционную Россию.

Из письма В. И. Ленина И. Ф. Арманд из Цюриха в Кларан 15(2) марта 1917 года:

«Мы сегодня в Цюрихе в ажитации: от 15.III есть телеграмма в «Zürcher Post» и в «Neue Zürcher Zeitung», что в России 14.III *победила* революция в Питере после 3-дневной борьбы...

Я вне себя, что не могу поехать в Скандинавию!! Не прощу себе, что не рискнул ехать в 1915 г.!»¹

Необходимо сказать, что в первые сообщения о революции в России не все поверили. Многие в русской колонии в Цюрихе отнеслись к новостям скептически, считая, что это не что иное, как очередная выдумка прогермански настроенных газет. Подобные сообщения о «политических взрывах» в России бывали и прежде. Владимир Ильич тоже считал, что необходимо дожидаться подтверждения первых телеграмм из Петрограда, но он, как писал, в частности, М. М. Харитонов (в то время секретарь цюрихской секции большевиков, участник поездки в Россию через Германию),

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 399.

«про себя, видимо, решил, что на этот раз «Цюрихер пост» сообщила правду».

Несмотря на сомнения, тот день был радостным и долгожданным для всех русских революционеров. Его описал в своих воспоминаниях тоже находившийся в эмиграции и проживавший в Швейцарии большевик С. Ю. Багоцкий.

По пути в городскую библиотеку он встретил Владимира Ильича. Это было на площади Пфауэн. Ленин стоял там у газетного киоска и возбужденно, по словам Багоцкого, листал газеты. Судя по всему, искал дополнительную информацию о событиях в России. Теперь уже он спрашивает:

— Вы еще не видели утренних газет? Смотрите! — сказал он и протянул Багоцкому газету, на которой выделялся аншлаг: «Революция в России»¹.

Вдвоем они отправились в русскую читальню, которая была клубом политических эмигрантов в Цюрихе. В обычные дни Владимир Ильич избегал заходить туда: там всегда было много любителей теоретических рассуждений из числа эсеров и меньшевиков, книжный же фонд был весьма скромный. Но теперь другое дело — вдруг кто-то знает что-то сверх того, что опубликовано в швейцарских газетах?

Нетрудно себе представить, что читальня гудела, как разворошенный улей. Ленина, по словам Багоцкого, сразу же забросали вопросами. Спутник Владимира Ильича записал в своих воспоминаниях такие его слова:

«Роль царизма бесповоротно кончена... Нам придется иметь дело с кадетами, которые, конечно, захотят продолжать войну вместе с союзниками. Необходимо собрать все свои силы и бросить их

¹ См.: Багоцкий С. О встречах с Лениным в Польше и Швейцарии. М., 1971. С. 56.

против кидетов, чтобы поменьше им оседлать пролетариат»¹.

Кое-кто из присутствовавших пытался звонить в редакцию газеты, чтобы узнать, есть ли новые сведения из Петрограда, но подробностей никаких не было.

Приведем воспоминания соратника В. И. Ленина Г. Е. Зиновьева, опубликованные в 1925 году:

«Помню несколько часов ходьбы по залитым весенним солнцем улицам Цюриха. Мы бродили с Владимиром Ильичем бесцельно, находясь под впечатлением нахлынувших событий, строя всевозможные планы, поджидая новых телеграмм у подъезда редакции «Новой цюрихской газеты», строя догадки на основе отрывочных сведений...

Надо ехать. Дорога каждая минута. Но как проехать в Россию? Империалистическая бойня достигла апогея, шовинистические страсти бушуют во всю мощь. В Швейцарии мы отрезаны от всех воюющих государств. Все пути заказаны, все дороги отрезаны. Вначале мы как-то не отдавали себе в этом отчета. Но уже через несколько часов стало ясно, что мы сидим за семью замками, что прорваться будет нелегко. Рванулись в одну сторону, в другую сторону, послали ряд телеграмм, — ясно: не вырваться...

Как только выяснилось, что в ближайшие дни, во всяком случае, уехать не удастся, Владимир Ильич садится за свои известные «Письма из далека». В нашей маленькой группе начинается интенсивная работа по определению нашей линии в начавшейся революции. Ряд писаний Владимира Ильича, относящихся к этому времени, достаточно известен. Вспоминаю несколько горячих споров в Цюрихе, в небольшом ресторанчике и однажды в квартире Владимира Ильича, по вопросу о том, можем ли мы уже сейчас дать ло-

¹ См.: Багоцкий С. О встречах с Лениным в Польше и Швейцарии. С. 56—57.

зунг низвержения правительства Львова. Некоторые тогдашние «левые» настаивают на том, что большевики обязаны выступить немедленно с этим лозунгом. Владимир Ильич решительно против. «Терпеливо и настойчиво разъяснять», сказать народу всю правду, но вместе с тем уметь дождаться завоевания большинства революционного пролетариата и т. д.— вот наша задача»¹.

В этих строках зафиксированы несколько важных позиций. Одна из них в том, что «уже через несколько часов» Ленин и его соратники поняли, что прорваться на родину будет нелегко. Но главное, на мой взгляд, в другом: как только Владимир Ильич понял, что быстро выехать в Россию не удастся, он приступил к выработке оценки свершившейся революции и к определению задач пролетариата и партии большевиков.

Если быть точным, Ленин начал эту важную работу не с «Писем из далека», а с двух посланий А. М. Коллонтай, через которую, а она тогда жила в Осло, поддерживалась связь заграничной части ЦК партии с большевиками в России.

Из письма В. И. Ленина А. М. Коллонтай из Цюриха в Христианию (Осло) 16(3) марта 1917 года:

«Сейчас получили вторые правительственные телеграммы о революции 1(14).III в Питере. Неделя кровавых битв рабочих и Милюков+Гучков++Керенский у власти!! По «старому» европейскому шаблону...

Ни за что... по типу второго Интернационала! *Ни за что с Каутским!..* Республиканская пропаганда, борьба против империализма, *по-прежнему* революционная пропаганда, агитация и борьба с целью *международной* пролетарской революции и завосвания власти

¹ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 117—118.

«Советами рабочих депутатов» (а не кадетскими жуликами)»¹.

Из письма В. И. Ленина А. М. Коллонтай из Цюриха в Христианию (Осло) 17(4) марта 1917 года:

«Вширь! Новые слои поднять! Новую инициативу будить, новые организации во всех слоях и им *доказать*, что *мир* даст лишь вооруженный Совет рабочих депутатов, если он возьмет власть»².

«Письма из далека» относятся к самым выдающимся произведениям Владимира Ильича, они имели большое значение для разработки нового политического курса партии большевиков. Ленин писал их с расчетом на публикацию в «Правде», которая снова стала выходить в свет в Петрограде с 18 марта. К сожалению, публикация писем была задержана: первое из них, как известно, было напечатано лишь в день приезда Ильича в город на Неве. Важно, однако, что сформулированные в них основы программы и тактики были развернуты в Апрельских тезисах и других произведениях сразу по возвращении в Россию.

Примечательно, что до того, как Ленин начал работать над «Письмами из далека», 18 марта, в день Парижской коммуны, он выступил с интересной темой. Это было в городе Шо-де-фон. Ленинский реферат назывался «Пойдет ли русская революция по пути Парижской коммуны?». Н. К. Крупская писала, что Владимира Ильича очень занимали вопросы о том, как применить опыт Парижской коммуны, как не повторить ее ошибок. Более подробно об этом выступлении рассказывал большевик Харитонов, который председательствовал на этом реферате, а потом вместе с Владимиром Ильичем возвращался в Россию через Германию:

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 399—400.

² Там же. С. 403.

«Очень досадно, что этот реферат никем не был записан и не сохранился в печатном виде. Впечатление от этого реферата было колоссальное. Владимир Ильич не только поставил общую задачу о завоевании власти рабочим классом, но и указал форму этой власти. Уже в этом первом своем выступлении после Февральской революции Владимир Ильич развил идею о системе Советов и Советской власти — идею, ставшую основным содержанием борьбы рабочего класса в России на протяжении всех восьми месяцев от Февраля до Октября. Владимир Ильич тогда уже указал на главные трудности в предстоящей борьбе, остановился на более опасных моментах и дал характеристику деятелям революции.

Помню прекрасно, как Вл. Ильич рисовал А. Ф. Керенского, которого он назвал актером революции, человеком фразы, но которого он в то же время считал наиболее опасным человеком для революции на первых ее порах»¹.

Далее Харитонов писал, что Владимир Ильич жадно хватал каждую новую весть из России, что он «проглатывал» огромное количество немецких, французских, английских, русских и других газет и мысленно пытался составить себе картину того, что происходило в Петрограде и других городах на родине. А эта ситуация с каждым новым днем становилась все более оптимистической. Газеты сообщали, что Февральская революция принесла амнистию всем политическим противникам царизма — из-за границы возвращались эмигранты, а из российских отдаленных мест ссыльные. Стоит ли говорить о том, как болезненно Ленин переживал в эти дни свою оторванность от революционной России? Никогда в тот год

¹ Записки Института Ленина. М., 1927, Т. 2. С. 142.

Ленин не был таким нервным и возбужденным, как в мартовские дни.

Он же — Харитонов — записал и сохранил для нас, потомков, еще одну важную страничку жизни русской колонии в Цюрихе. Когда первые телеграммы из Петрограда, сообщавшие о революции в России, подтвердились, жизнь русской колонии, рассказывал он, совершенно изменилась: почти все побросали обычные занятия и целыми днями толпились в русской читальне и около нее, жадно набрасываясь на каждую новую весточку с родины, на каждый свежий номер газеты.

В те дни швейцарский молодежный союз, откликаясь на события в России, решил организовать митинг в Народном доме. Доклад швейцарцы предложили сделать Ленину. Но вдруг выяснилось, что одновременно они пригласили и одного из видных меньшевиков — А. Мартынова. Узнав об этом, Владимир Ильич наотрез отказался от выступления. Харитонов, через которого шли переговоры об этом митинге, пытался уговорить Ленина, но тот был непреклонен:

«Вы, видимо, меньшевиков еще недостаточно хорошо знаете. Если я выступлю здесь на одном митинге с меньшевиком Мартыновым, то содержание моей речи станет известно в России значительно позже, а о самом факте нашего совместного выступления заграничные меньшевики протелеграфируют в Россию, а там Дан и компания сумеют использовать этот факт в целях объединения большевиков с меньшевиками. Раз Ленин и Мартынов объединились за границей, то нам в России и подавно следует объединиться и т. п. Самая большая опасность, которая угрожает русской революции, — это объединение с меньшевиками»¹.

¹ Записки Института Ленина. Т. 2. С. 141.

Насколько же прозорлив был Ленин! И осторожен в своих действиях даже в условиях общей эйфории, вызванной новостями о долгожданной революции!

Да, мысль Ильича все время возвращалась к вопросу о том, как найти путь к возвращению в Россию.

Из письма В. И. Ленина И. Ф. Арманд из Цюриха в Кларан 18(5) марта 1917 года:

«Пишу в дороге: ездил на реферат... Мечтаем все о поездке. Если едете домой, заезжайте сначала к нам. Поговорим. Я бы очень хотел дать Вам поручение в Англии узнать тихонечко и верно, мог ли бы я проехать»¹.

Мысль об отъезде в Россию, вспоминал Багоцкий, захватила всех. Правда, уже тогда нашлись скептики, которые призывали проявить осторожность: а вдруг повторятся события 1905 года? Но эти люди не могли поколебать уверенности большинства в необходимости возвращения на родину. Тем более что стало известно: жившие в эмиграции в Швеции и Норвегии большевики решили уехать на родину.

Вечером 18 марта члены бюро эмигрантских касс созвали общее собрание, которое приняло решение провести в Цюрихе через два дня общешвейцарский съезд эмигрантов.

Съезд состоялся. Он выбрал комитет по возвращению политэмигрантов и исполнительную комиссию, в которую вошли пять человек. Председателем стал С. Семковский, секретарем — С. Багоцкий.

Комиссия сразу начала выяснять возможности отъезда. Для начала связались с эмигрантскими комитетами во Франции, Англии и Швеции. И ко всеобщему разочарованию, получили неутешительные известия, выяснилось, что власти стран Антанты пропускают в Россию лишь социал-шовинистов, занимавших в воп-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 403.

росах войны и мира позицию «Воевать до победного конца!». Интернационалистам же, выступавшим за прекращение империалистической войны, пути в Россию, Париж и Лондон закрыли.

В исполнительную комиссию, по свидетельству С. Багоцкого, стекались такие факты.

Российская миссия в Берне считала, что «в настоящее время пути для проезда в Россию нет и гарантий беспрепятственного следования в Россию она предоставить не может».

Копенгагенский эмигрантский комитет сообщил, что русское консульство в Дании выдавало проходные свидетельства, с которыми приходится идти в английскую охранку, где проверялось, не числилось ли данное лицо в списках военных шпионов. В эти списки умышленно было внесено много имен товарищей-интернационалистов.

Парижский эмигрантский комитет писал, что в Россию разрешили выехать эсеру Бунакову и группе его друзей, а интернационалистам объявлено: для них возможности выезда нет.

Вскоре стало известно, что военные представители Англии, Франции и России — союзники по войне — составили в Париже списки, куда вошло 600 человек, которым въезд в Россию был закрыт. Первыми в этом списке стояли большевики!

Из письма В. И. Ленина А. М. Коллонтай из Цюриха в Христианию (Осло) 17(4) марта 1917 года:

«Мы боимся, что выехать из проклятой Швейцарии не скоро удастся»¹.

У читателя наверняка возникает вопрос: а только ли через Францию и Англию был возможен проезд в Россию? Признаюсь, он заинтересовал и меня, когда вплотную занялся историей возвращения Ленина из

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 402.

эмиграции в Петроград. Взглянем на карту Европы за 1917 год. Швейцария... На севере и востоке она граничила с Германией и Австро-Венгрией, на западе — с Францией. Но ведь есть еще юг, а там Италия. Да, она выступала в войне на стороне Антанты, но может быть, следовало предпринять попытку пробиться в этом направлении?

Наверное, попытаться можно было, но куда? Пассажирского сообщения между Италией и Россией в годы войны не было. В Средиземном, Эгейском и Черном морях велись боевые действия. К тому же Турция и Болгария воевали на стороне Германии и Австро-Венгрии, Балканы были в огне сражений. Через Иран? Но Суэц в руках англичан. Круглым путем через Гибралтар и Атлантику в Скандинавию? Но кто повезет через моря и океан, воды которых бороздят враждебные корабли и подлодки?

Нет, южное направление отпадало. Связи с Россией в годы войны осуществлялись через Англию и то с помощью боевых кораблей, которые доставляли нужный груз и нужных людей либо в нейтральные Скандинавские страны (далее сушей), либо на север России.

Итак, с одной стороны — враждебные России Германия и Австро-Венгрия, с другой — Антанта, союзница царской России, но враждебные большевикам Англия и Франция. Где же выход? Есть ли он? Не матовая ли это ситуация?

Ленин понимал всю сложность положения и потому строил самые отчаянные и рискованные планы. Со слов очевидцев мы знаем, что таких планов было несколько и что они прорабатывались всерьез. Чтобы понять весь драматизм ситуации, следует познакомиться с вариантами возможного прорыва в Россию. Вот они.

Первый вариант. Наверное, это был самый отчаян-

ный из всех обсуждавшихся планов! Он предполагал пробираться в Россию через Германию по... контрабандистской тропе. О существовании такого варианта рассказала Н. К. Крупская. По ее словам, Ленин просил Бронского выяснить возможность этого чрезвычайно опасного путешествия.

План, судя по всему, обсуждался в деталях, поскольку к делу был подключен живший в Стокгольме большевик Я. С. Ганецкий. Бронский через некоторое время получил от него вот такую телеграмму:

«Вышлите фотографию дяди в Берлин Георгу Скларацу, Тиргартенштрассе, 9»¹.

Телеграмма, как видим, была слегка закодирована. Под «дядей» подразумевался Владимир Ильич... Скларац вскоре сам объявился в Цюрихе, но от его услуг пришлось отказаться. Во-первых, выяснилось, что контрабандист мог довести Ленина только до Берлина, а во-вторых, стало известно, что он каким-то образом связан с А. Парвусом, с которым Ленин не хотел иметь ничего общего.

Мало того что этот член Социал-демократической партии Германии во время войны стал активным социал-шовинистом. Он к тому же проворачивал крупные спекуляции и наживался на военных поставках. Так что контрабандист, представленный Парвусом, вполне мог быть германским шпионом.

«Пользоваться услугами людей, имеющих касательство к издателю «Колокола», я, конечно, не могу»², — писал через несколько дней Ганецкому Владимир Ильич (Парвус выпускал в свет журнал «Ди глоке» — «Колокол»).

Второй вариант. Соратник Ленина — член РСДРП с 1898 года В. А. Карпинский, принимавший непосред-

¹ Иванов А. Фриц Платтен. М., 1963. С. 37.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 418.

ственное участие в обсуждении вопросов возвращения Ленина в Россию, рассказывал, что Владимир Ильич готов был отправиться через территории Германии или Австро-Венгрии и фронты сражений нелегально на... самолете. При том-то развитии авиации!

План сложный: нужно было где-то достать самолет, найти и подкупить швейцарского летчика. На это требовались деньги, и очень большие. Где их взять? К тому же сам полет на столь большое расстояние вызывал сомнение. От этого плана пришлось отказаться. Его можно было строить разве что с отчаяния, считал Карпинский.

Третий вариант. Он был тоже связан с огромным риском, но все же был более реальным. И состоял вот в чем: Владимир Ильич задумал вместе с Г. Е. Зиновьевым проехать через территорию Германии по паспортам граждан одного из нейтральных скандинавских государств. Сложность состояла не столько в том, чтобы найти людей, которые согласились бы одолжить свои паспорта, сколько в другом — при проверке документов в поезде или на станции Ленина или Зиновьева могли спросить что-то по-шведски или по-норвежски, а они этих языков не знали. На этот случай Владимир Ильич решил, что им следует притвориться... глухонемыми.

Письмо Ленина Ганецкому в Стокгольм с изложением этого плана утеряно. Сам Ганецкий писал о письме так:

«Получаю вдруг телеграмму от Владимира Ильича с сообщением, что выслано мне весьма важное письмо, получение которого просит подтвердить по телеграфу. Через три дня приходит конспиративное письмо. В нем маленькая записка Владимира Ильича и две фотографии — его и тов. Зиновьева. В записке приблизительно следующее: ждать больше нельзя. Тщетны все надежды на легальный проезд. Нам с Григорием

необходимо во что бы то ни стало немедленно добраться в Россию. Единственный план следующий: найдите двух шведов, похожих на меня и Григория. Но мы не знаем шведского языка, поэтому они должны быть глухонемые. Посылаю вам на всякий случай наши фотографии...»

Вероятность попасть в проверку была велика. Не забудем, что шла война, что Германия была наводнена шпионами стран Антанты, которые часто действовали под видом граждан нейтральных стран. Нетрудно представить, что было бы, если бы Ленин хоть чем-то вызвал подозрение и его стали бы допрашивать. Предположим, он смог бы убедить немцев, что они имеют дело с глухонемым, но ведь они были вправе попросить его что-то написать по-шведски. Значит, Владимиру Ильичу следовало симулировать еще и слепоту. Это уже слишком!

«При ближайшем рассмотрении план этот оказывался столь же фантастическим, как и первый», — писал тот же В. А. Карпинский.

Отступление. Здесь у автора появилась необходимость отойти от последовательного хронологического рассказа и опять вернуться к воспоминаниям Ганецкого. Полагаю, что внимательный читатель уже запнулся на них, воскликнув: «Откуда там взялся Зиновьев? Почему речь идет о двух фотографиях?»

Да, в настоящих воспоминаниях Ганецкого именно так все и было, а мы с вами на протяжении многих последних десятилетий читали то, что теперь можно назвать фальсифицированными мемуарами.

Ныне хорошо известно, что в период культа личности Сталина история нашего государства и история нашей партии были грубо извращены: в частности, из них были удалены, как якобы несуществовавшие, фамилии людей, ложно объявленных «врагами народа», а многие события оказались изложенными в угоду од-

ному человеку, присвоившему себе право называться «великим кормчим».

Эта фальсификация коснулась и документальной хроники возвращения группы русских революционеров, которую возглавил Ленин. Отрывок из воспоминаний Якова Ганецкого здесь приведен по тексту журнала «Пролетарская революция» за 1924 год, то есть до политической редакции. Когда же после необоснованных обвинений и сфабрикованных процессов из учебников и других книг стали вымарывать фамилии Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева, А. И. Рыкова, Н. И. Бухарина и других соратников В. И. Ленина, в мемуарах Я. С. Ганецкого и иных очевидцев той поездки по швейцарско-шведской вертикали появилось новое изложение «исторических» событий.

В результате из истории с глухонемыми шведами исчез Зиновьев, исчезла его фотографическая карточка и пропал второй глухонемой швед, паспорт которого понадобился бы, если бы Зиновьев вместе с Лениным действительно отправились в путь по этому варианту.

Еще одна подделка. В связи с намерением Ленина проехать через Германию по паспорту шведского глухонемого гражданина во многих советских изданиях приводились слова Н. К. Крупской:

«Заснешь, увидишь во сне меньшевиков и станешь ругаться: сволочи, сволочи!»

А в книге Фрица Платтена «Ленин. Из эмиграции в Россию», изданной в 1925 году «Московским рабочим», имеется другая версия слов Н. К. Крупской:

«Я посмеялась. Не выйдет. Можно во сне проговориться. Приснятся ночью кадеты, будешь сквозь сон говорить: сволочь, сволочь. Вот и узнают, что не швед»¹.

¹ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 114.

Теперь в советской исторической хронике восстанавливается правда действительных событий, имен их настоящих участников. И я это тоже делаю в меру своих сил в рамках затронутой темы.

Четвертый вариант. Он строился на использовании грима, парика и опять чужих документов, но на этот раз одного из соратников по эмиграции. Короче, Владимир Ильич предполагал выдать себя за другого, используя, к примеру, документы Карпинского. С ними он предполагал пойти в консульства Франции и Англии для получения разрешения на проезд.

Из письма В. И. Ленина В. А. Карпинскому из Цюриха в Женеву 19(6) марта 1917 года:

«Я всячески обдумываю способ поездки. Абсолютный секрет — следующее. Прошу ответить мне тотчас и, пожалуй, лучше экспрессом (авось партию не разорим на десяток лишних экспрессов), чтобы спокойнее быть, что никто не прочел письма.

Возьмите на свое имя бумаги на проезд во Францию и Англию, а я поеду *по ним* через Англию (и Голландию) в Россию.

Я могу одеть парик.

Фотография будет снята *с меня* уже в парике, и в Берн в консульство я явлюсь с Вашими бумагами уже в парике.

Вы тогда должны скрыться из Женевы минимум на несколько недель (до телеграммы от меня из Скандинавии): на это время Вы должны запрятаться архисерьезно в горах, где за пансион *мы за Вас заплатим, разумеется*»¹.

Из письма В. И. Ленина И. Ф. Арманд из Цюриха в Кларан 19(6) марта 1917 года:

«Вот что можно и должно сделать тотчас в Кларане: приняться искать паспорта (а) у русских, кои

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 403—404.

согласились бы дать свой (не говоря, что для меня) на выезд теперь другому лицу; (β) у швейцарок, или швейцарцев, кои могли бы дать русскому.

Анну Евг. и Абрама надо заставить *тотчас* идти в посольство, брать пропуск (если не дадут, жаловаться *телеграфно* Милюкову и Керенскому) и ехать или, если не ехать, дать нам ответ на основании *дела* (а не слов): как дают и берут пропуск»¹.

На этот вариант, наверное, можно было в большей степени положиться, чем на первые три. Расчет строился на том, что в английских и французских дипломатических службах чиновники могли не знать в лицо ни Ленина, ни того товарища, по документам которого он собирался отправиться в путь. Но поразмыслив, Ленин и его соратники пришли к такому выводу: да, незнание англичан и французов можно предположить, ну а швейцарская полиция? Ей-то все хорошо известны, и она конечно же следила за возможными передвижениями эмигрантов-революционеров. Не приходилось сомневаться, что нужные сведения она передаст Франции или Англии. А это значит, что большевик с подложными документами будет непременно арестован на границе. И этот план был забракован.

Любопытно, что параллельно с этим вариантом возник еще один, но уже не для Ленина, а для жещин-революционерок. Он состоял в том, чтобы использовать фиктивный брак с каким-либо гражданином Швейцарии. В результате такого брака можно было оформить швейцарский паспорт и получить право на легальный проезд через Германию. В. Карпинский утверждал, что подобный план очень нравился Владимиру Ильичу.

Из письма В. И. Ленина С. Н. Равич (Ольге) из Цюриха в Женеву 27(14) марта 1917 года:

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 405.

«Ваш план замужества мне кажется весьма разумным, и я буду стоять (в ЦК) за выдачу Вам 100 frs: 50 frs в зубы адвокату и 50 frs «удобному старичку» за женитьбу на Вас!

Ей-ей!! Иметь право въезда и в Германию и в Россию!

Ура! Вы придумали чудесно!»¹

Надо сказать, что Ленин долго не отказывался от поиска возможности легально вернуться в Россию через Англию. В Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в Москве хранится рукописное письмо Владимира Ильича, которое тоже имеет большое значение для нашего разговора. На письме, к сожалению, не указаны ни адресат, ни дата отправления. Предполагается, что оно было направлено либо Ганецкому в Стокгольм, либо Арманд в Кларан ориентировочно до 30 марта 1917 года. Вот его текст:

«Прошу сообщить мне по возможности подробно, во-1-х, согласно ли английское правительство пропустить в Россию меня и ряд членов нашей партии, РСДРП (Центральный Комитет), на следующих условиях: (а) Швейцарский социалист Фриц Платтен получает от английского правительства право провезти через Англию любое число лиц, независимо от их политического направления и от их взглядов на войну и мир; (б) Платтен один отвечает как за состав провозимых групп, так и за порядок, получая запираемый им, Platten'ом, вагон для проезда по Англии. В этот вагон никто не может входить без согласия Платтена. Вагон этот пользуется правом экстерриториальности; (в) из гавани в Англии Платтен везет группу пароходом любой нейтральной страны, получая право известить *все* страны о времени отхода этого специального парохода; (г) за проезд по железной

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 416

дороге Платтен платит по тарифу, по числу занятых мест; (д) английское правительство обязуется не препятствовать нанятию и отплытию специального парохода русских политических эмигрантов и не задерживать парохода в Англии, давая возможность проехать быстрее путем.

Во-2-х, в случае согласия, какие гарантии исполнения этих условий даст Англия и не возражает ли она против опубликования этих условий»¹.

На мой взгляд, это письмо чрезвычайно важно. И вот почему. Изложенные в нем условия возможного проезда через Англию, как мы увидим чуть ниже, весьма близки к тем, которые разрабатывались в германском варианте поездки. И главное действующее лицо тут то же самое — Фриц Платтен. Это значит, что письмо составлялось во время уже начавшихся переговоров с Германией. Можно даже сказать точнее: на том их этапе, когда к ним подключили Фрица Платтена.

Следовательно, Владимир Ильич долго не оставлял надежду на то, что с Англией все-таки удастся договориться. И тогда не понадобилось бы это опасное и чреватое возможностью обвинений в сговоре с кайзером путешествие через Германию. Но надеждам не было суждено сбыться.

Пятый вариант. Это тот самый план, который удалось реализовать и благодаря которому Ленину и другим русским революционерам все-таки удалось вырваться из швейцарской западни. Но автором плана были не Ленин и не Зиновьев, не другие большевики, а один из лидеров меньшевиков — Л. Мартов.

По плану необходимо было добиться обмена германских подданных, интернированных в России, на русских, оказавшихся в Швейцарии, и разрешение

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 417—418.

Берлина на их легальный проезд на родину через Германию. Карпинский утверждал, что Ленин сразу же «ухватился за эту мысль, немедленно придав ей конкретную, практически и политически приемлемую форму». Владимир Ильич при этом рекомендовал, чтобы за реализацию плана стали хлопотать прежде всего беспартийные и даже социал-патриоты, но никак не большевики, которым он советовал держаться пока в стороне.

Из письма В. И. Ленина В. А. Карпинскому из Цюриха в Женеву 19(6) марта 1917 года:

«План Мартова хорош: за него *надо* хлопотать, только *мы* (и Вы) не можем делать этого прямо. *Нас* заподозрят. Надо, чтобы, кроме Мартова, беспартийные русские и патриоты-русские обратились к швейцарским министрам (и влиятельным людям, адвокатам и т. п., что и в Женеве можно сделать) с просьбой *поговорить* об этом с послом германского правительства в Берне. Мы ни прямо, ни косвенно участвовать не можем; наше участие *испортит* все. Но план, сам по себе, *очень* хорош и *очень* верен»¹.

Но претворить в жизнь это предложение оказалось не так-то просто, в частности из-за разногласий в среде эмиграции.

Дело в том, что план Мартова состоял из двух частей — так, во всяком случае, свидетельствует Харитонов. Он включал: а) переговоры с правительством Германии о проезде группы русских революционеров, б) телеграфное обращение к Временному правительству и Петроградскому Совету с предложением устроить обмен группы русских революционеров, застрявших в Швейцарии, на такое же число немцев, интернированных в России.

Ясно, что Мартов хотел прикрыться решением Вре-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 406.

менного правительства и Петроградского Совета. Но будет ли этими органами дано согласие на такую поездку? Предоставим слово Харитонову:

«Владимир Ильич прекрасно знал, что Милюков и Гучков, которые возглавляли тогда Временное правительство, согласия на проезд эмигрантов ни за что не дадут. От Чхеидзе и Керенского, тогдашних руководителей Петроградского Совета, Владимир Ильич тоже ничего хорошего не ждал, однако он не возражал против официального обращения, сказав себе и нам: «Пусть хлопочут, а мы тем временем подготовим иным путем поездку и поедем»¹.

Вслед за этим был предпринят осторожный зондаж позиции германской стороны. Еще один участник поездки — Карл Радек рассказывал: по поручению Ленина он и Пауль Леви (тогда немецкий социал-демократ, участник Циммервальдской конференции, находившийся проездом в Швейцарии) обратились к знакомому им корреспонденту немецкой газеты «Франкфуртер цайтунг». Его фамилия, по словам К. Б. Радека, кажется, была Дейнгард. Так вот, они просили его конфиденциально выяснить у посла Германии в Швейцарии Ромберга, пропустит ли Германия через свою территорию в Россию русских эмигрантов в обмен на германских подданных.

Карл Радек утверждал, что Ромберг, после встречи с корреспондентом, запросил министерство иностранных дел и получил ответ, в котором содержалось принципиальное согласие на предложение эмигрантов.

Это был явный успех! Теперь необходимо было приступить к конкретным действиям. В тот же день 19 марта, когда Ленин писал свое письмо Карпинскому, состоялось собрание представителей всех русских и польских партий, примкнувших к Циммервальдско-

¹ Записки Института Ленина. Т. 2. С. 143—144.

му объединению, на котором обсуждался вопрос о том, как русским революционерам выехать из Швейцарии. План Мартова был признан всеми участниками совещания как наиболее приемлемый. Было решено просить одного из лидеров швейцарской социал-демократической партии — Роберта Гримма вступить в контакты с правительством Швейцарии для получения разрешения на проезд.

Гримм согласился и начал переговоры с членом Союзного Совета Швейцарии Л. Гофманом, который ведал политическим департаментом (министерством иностранных дел). Но вскоре от Гофмана последовал отказ на том основании, что правительство не может взять на себя роль официального посредника из-за того, что страны Антанты сочтут эти действия как нарушение швейцарского нейтралитета.

Явная неудача, что и говорить! Прикрыть переговоры с немцами официальными швейцарскими властями было бы очень кстати. Но все же это был не провал. Через Багоцкого Гримму передали новую просьбу обратиться к представителям Германии в частном порядке.

На следующий день в доме профсоюзов в Цюрихе собрались представители партийных групп русской политической эмиграции. Багоцкий выступил с сообщением о ходе переговоров. Разгорелась дискуссия, в ходе которой выяснилось, что отказ правительства Швейцарии стать посредником в переговорах внес замешательство в ряды меньшевиков, эсеров и других групп. Они высказались за то, чтобы все-таки получить согласие Временного правительства или Петроградского Совета рабочих депутатов на реализацию плана проезда через Германию. Ленин пытался повлиять на обсуждение:

«Все мы убеждены, что мы, интернационалисты, не сможем ехать через Англию. Ни Милюков, ни Петро-

градский Совет рабочих депутатов, в своем большинстве состоящий из социал-патриотов, нам в этом не захотят помочь. Они заинтересованы, чтобы мы подольше здесь сидели и не мешали им вовлекать российский пролетариат в продолжение начатой царизмом империалистической войны. Наш долг — не допустить этого. Чего вы боитесь? Будут говорить, что мы воспользовались услугами немцев? Все равно и так говорят, что мы, интернационалисты, продались немцам, так как мы не хотим поддерживать империалистическую политику буржуазии Франции и Англии. Откладывая поездку, мы нанесем вред рабочему движению, так как без нас социал-патриоты втянут рабочих в войну с немцами в интересах буржуазных кругов Антанты»¹.

Но и эти аргументы не помогли. Большинством голосов совещание поручило Мартову выехать в Берн и высказать Гримму просьбу не форсировать переговоры с германским послом.

Багоцкий вспоминал, что после собрания они с Владимиром Ильичем долго гуляли по улицам Цюриха. Ленина угнетала чрезмерная осторожность сторонников тактики выжидания: «Ни один разумный человек не усомнится, что мы едем в Россию не по поручению немцев... Просто преступно сидеть здесь сложа руки, когда мы так нужны пролетариату в России»².

Несколько дней Ленин выжидал...

Из письма В. И. Ленина И. Ф. Арманд из Цюриха в Кларан 23(10) марта 1917 года:

«Вале сказали, что через Англию вообще нельзя (в английском посольстве).

Вот если *ни* Англия, *ни* Германия *ни за что* не пустят!!! А это ведь возможно!»³

¹ Багоцкий С. О встречах с Лениным в Польше и Швейцарии. С. 61—62.

² Там же. С. 63.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 409.

Из письма В. И. Ленина И. Ф. Арманд из Цюриха в Кларан между 25(12) и 31(18) марта 1917 года:

«В Россию, должно быть, *не* попадем!! Англия *не* пустит. Через Германию не выходит»¹.

Чувствуете, какое отчаяние овладело Владимиром Ильичем? Сутки проходили за сутками, а сдвигов в лучшую сторону все не было и не было. Меншевики во главе с Мартовым продолжали настаивать на необходимости получения согласия Временного правительства. В Петроград посылались запросы, но ответ на них не поступал. Потом уже, когда группа революционеров добралась до Петрограда, стало известно, что телеграммы вообще не были получены. Скорее всего их перехватывали английские власти или агенты охранки Временного правительства. Позднее прояснилась и позиция петроградских меньшевиков, от них в конце концов пришел ответ: «Пока не ехать. Ждать».

Ленин прекрасно понимал, что испрашивать у Временного правительства «полномочий на обмен» не имело никакого смысла.

Из письма В. И. Ленина Я. С. Ганецкому из Цюриха в Стокгольм 30(17) марта 1917 года:

«Англия ни за что не пропустит ни меня, ни интернационалистов вообще, ни Мартова и его друзей, ни Натансона и его друзей. Чернова англичане вернули во Францию, хотя он имел все бумаги для проезда!! Ясно, что злейшего врага хуже английских империалистов русская *пролетарская* революция не имеет. Ясно, что приказчик англо-французского империалистского капитала и русский империалист Милюков (и К^о) способны пойти *на все*, на обман, на предательство, на все, на все, чтобы помешать интернационалистам вернуться в Россию. Малейшая доверчивость в этом отношении и к Милюкову, и к Керенскому (пу-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 414.

стому болтуну, агенту русской империалистской буржуазии по его объективной роли) была бы прямо губительна для рабочего движения и для нашей партии, граничила бы с изменой интернационализму...

На сношения Питера с Стокгольмом не жалейте денег!!

Очень прошу, дорогой товарищ, телеграфировать мне о получении этого письма и вообще держать меня во всех отношениях au courant (в курсе дел.— *Авт.*). Надеюсь, помогут в этом и шведские друзья»¹.

Позиции наконец прояснились: надежды на участие в поездке меньшевиков больше не было. Забили отбой и другие группы политической эмиграции, первоначально голосовавшие за план Мартова. Действия меньшевиков глубоко возмущали Владимира Ильича.

Из письма В. И. Ленина Цюрихской секции большевиков 2 или 3 апреля (20 или 21 марта) 1917 года:

«От себя добавлю, что я считаю сорвавших общее дело меньшевиков *мерзавцами* первой степени, «боящихся» того, что скажет «общественное мнение», т. е. социал-патриоты!!! Я еду (и Зиновьев) *во всяком случае*»².

В этих условиях ничего другого не оставалось, как продолжать переговоры без меньшевиков. На этом настаивал Владимир Ильич. Он, по свидетельству Харитонов, предлагал отказаться от услуг Гримма, так как переговоры затягивались и «поведение Гримма стало подозрительным».

Имеется и еще одно интересное воспоминание. Оно принадлежит Радеку, который приводил следующее высказывание Ленина: «Надо во что бы то ни стало устранить Гримма от этих переговоров. Он способен из-за личного честолюбия начать какие-нибудь раз-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 418—423.

² Там же. С. 427.

говоры о мире с Германией и впутать нас в грязное дело»¹.

Поведение Гримма вскоре выяснилось до конца: он сообщил Ленину, что не считает возможным вести переговоры с германскими властями до того, как будет получен ответ от Временного правительства.

Кто же мог стать доверенным лицом в этих условиях? Выбор Ленина и его товарищей выпал на секретаря швейцарской социал-демократической партии Фрица Платтена.

Фриц Платтен — яркая фигура в международном рабочем движении. И Владимир Ильич, и Надежда Константиновна хорошо его знали — он относился к левому крылу швейцарской социал-демократической партии, был партийцем-интернационалистом. Ленин часто встречался с ним в «Айнтрахте» — Социалистическом просветительском союзе, созданном еще в 1888 году, а также в Народном доме в Цюрихе. Н. К. Крупская считала, что ему можно полностью доверять, он был «...сыном рабочего, был простым горячим парнем, пользовался большим влиянием в массах»².

Почему же к услугам Платтена не обратились с самого начала? Думаю, что кандидатура Гримма возникла на первом этапе переговоров лишь потому, что в тех условиях желателен был человек, не связанный с левыми кругами. Тем более что он должен был действовать от целого ряда фракций русской эмиграции. Когда же большевики остались практически одни, нужен был человек, которому бы они по-настоящему доверяли.

¹ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 125.

² Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 423.

ГЛАВА II

МИССИЯ ФРИЦА ПЛАТТЕНА

2—9 апреля 1917 года

О предложении большевиков Платтен рассказывал на страницах книги «Ленин. Из эмиграции в Россию».

В 11 часов утра 2 апреля Платтену позвонили по телефону в секретариат партии и попросили прибыть в рабочий клуб «Айнтрахт». Когда он пришел туда, застал за обедом небольшую группу революционеров, среди которых были Ленин и Радек. Вместе они отправились для конфиденциальной беседы в комнату правления. Там Владимир Ильич сделал ему предложение взять на себя функции доверенного лица политических эмигрантов.

Сам Платтен так описывал эту сцену:

«Товарищ Платтен,— начал Ленин,— вы знаете, что Grimm, председательствовавший на Циммервальдской конференции, по поручению русских политических эмигрантов ведет переговоры с германским посланником Ромбергом о пропуске русских эмигрантов через Германию. Дело не двигается с места. Мы уверены, что Grimm саботирует. Он прислушивается к нащептываниям меньшевиков, которые все еще тщетно надеются на получение согласия Временного правительства, т. е. Милюкова. Мы Grimmу не доверяем. Мы просим вас быть нашим доверенным лицом в этом деле, взять на себя переговоры с Ромбергом. Мы уполномочиваем вас говорить с Ромбергом прямо от моего имени»¹.

¹ О Ленине. Воспоминания зарубежных современников. М., 1962, С. 159.

После недолгих размышлений Платтен выразил согласие. А размышлял он вот над чем:

«Как перед Лениным, так и передо мною вставал вопрос о политическом значении этого шага. У меня возникло сомнение, смогу ли я оказать Ленину эту партийную услугу, не отказавшись от своей должности секретаря швейцарской социал-демократической партии. Я должен был задать себе вопрос, не будет ли благодаря этой поездке моя дальнейшая партийная деятельность значительно затруднена. Я глубоко сознавал, что мой долг — оказать всяческое содействие возвращению в Россию моих политических друзей. Отбросив всякие колебания, я решил взять на себя эту роль доверенного лица»¹.

Гримм был против того, чтобы роль посредника перешла к Фрицу Платтену. Им пришлось объясниться. Разговор, как вспоминал Платтен, был «коротким и решительным». Гримму пришлось уступить.

После этого дело пошло быстро. На 4 апреля Платтен запросил аудиенцию у посла Германии Ромберга. Она была дана, и посредник по поручению Ленина и Зиновьева представил германской стороне перечень условий, на которых русские политэмигранты предлагали организовать их проезд через Германию. Условия эти, по словам Платтена, вырабатывались в комнате Ленина, которую он снял в номерах при Народном доме по прибытии в Берн, где находилось посольство. Приводим текст условий:

«1. Я, Фриц Платтен, руковожу за своей полной личной ответственностью переездом через Германию вагона с политическими эмигрантами и легальными лицами, желающими поехать в Россию.

2. Вагон, в котором следуют эмигранты, пользуется правом экстерриториальности.

¹ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 35.

3. Ни при въезде в Германию, ни при выезде из нее не должна происходить проверка паспортов или личностей.

4. К поездке допускаются лица совершенно независимо от их политического направления и взглядов на войну и мир.

5. Платтен приобретает для уезжающих нужные железнодорожные билеты по нормальному тарифу.

6. Поездка должна происходить по возможности безостановочно в беспересадочных поездах. Не должны иметь место ни распоряжение о выходе из вагона, ни выход из него по собственной инициативе. Не должно быть перерывов при проезде без технической необходимости.

7. Разрешение на проезд дается на основе обмена уезжающих на немецких и австрийских пленных и интернированных в России. Посредник и едущие обязуются агитировать в России, особенно среди рабочих, с целью проведения этого обмена в жизнь.

8. Возможно кратчайший срок переезда от швейцарской границы до шведской, равно как технические детали должны быть немедленно согласованы»¹.

Говорят, что посол Ромберг пришел в изумление, ознакомившись с этими условиями, и сказал Платтену:

— Позвольте, кажется, не я прошу разрешения на проезд через Россию, а господин Ульянов и другие просят у меня разрешения проехать через Германию. Это мы имеем право ставить условия...

Что и говорить, условия проезда через Германию, выдвинутые Лениным и другими политэмигрантами, впрямь были довольно жесткими. Особо ультимативный характер, отмечал Платтен, имел пункт второй — об экстерриториальности вагона, но он был крайне

¹ Цит. по: *Иванов А. Фриц Платтен*, С. 39—40.

необходим: революционеры уже тогда предполагали, что их проезд через Германию даст возможность сторонникам Антанты поднять «бешеную клеветническую кампанию», поэтому необходимо было избежать «всякого контакта с немцами». Экстерриториальность должна была защитить путников, по их мнению, от таких контактов.

Ромберг сказал также Платтену: в дипломатическом мире не принято, чтобы частные лица диктовали правительству условия проезда через его страну, и подобная позиция уезжающих может затормозить получение разрешения на проезд. На это замечание посла Платтен ответил, что уезжающие находятся в исключительном положении и что он имеет поручение сообщить господину Ромбергу следующее: эмигранты лишены будут возможности предпринять путешествие, если будет внесено какое-либо изменение или будет аннулирован какой-либо из пунктов.

Надо полагать, у посла Ромберга не хватило проницательности, чтобы понять суть маневров Берлина в отношении просьбы высшие очень скромной группы политэмигрантов. Тем не менее отдадим ему должное: он согласился переправить условия проезда германскому правительству. В Берлине же размышляли недолго: уже через два дня в Берне была получена депеша, гласившая о том, что власти Германии безоговорочно согласны на проезд через страну группы русских политэмигрантов на выдвинутых ими условиях.

Чем же руководствовалась кайзеровская Германия, принимая такое решение? Давайте обратимся к воспоминаниям Карпинского. Они помогут нам понять образ мышления революционеров и причину того, почему они сделали основную ставку на германский вариант проезда, выбрав его как единственно возможный в том калейдоскопе политических противоречий.

«...Политическая проницательность и революционная выдержка,— писал Карпинский,— помогли Владимиру Ильичу вырваться из швейцарской западни. Хладнокровный анализ привел его к следующему заключению.

Одна группа воюющих держав — Франция, Англия, Россия и другие — не пропускает большевиков в Россию. Это понятно. Антанта боится, что революционная пролетарская партия в России получит сильное подкрепление и своей решительной борьбой против империалистической войны ослабит фронт этой группы держав. Она прямо заинтересована в том, чтобы не пропускать большевиков в Россию.

Но ведь другая группа воюющих держав — Германия, Австро-Венгрия и прочие — нисколько в этом не заинтересована. Наоборот, ей выгодно всякое ослабление враждебной группировки.

Отсюда вывод: партия революционного пролетариата, непримиримо враждебная обеим империалистическим группировкам, должна использовать противоречие между их интересами в своих целях»¹.

Расчет Ленина оказался точным. Страны Антанты владели в 1917 году на фронтах мировой войны общей стратегической инициативой. Положение Германии было тяжелым, ее ресурсы все больше и больше истощались. Платтен писал о том, что у Германии была надежда разгромить Россию или заключить с ней сепаратный мир и в результате этого перебросить ряд дивизий на западный фронт, что дало бы возможность Берлину предпринять генеральный штурм Парижа до вступления в войну Америки. Последняя, как известно, объявила войну Германии 6 апреля 1917 года.

¹ Карпинский В. А. Владимир Ильич Ленин — вождь, товарищ, человек. М., 1968. С. 10—11.

Судя по всему, в Берлине в те дни готовы были использовать любую возможность, для того чтобы уйти от поражения. Разумеется, правящие круги Германии хорошо знали, что большевики выступали против империалистической войны, а раз так, полагали в германской столице, то приезд Ленина в Россию усилит антивоенные настроения среди русского народа и ослабит позиции России в войне против Германии.

Но, как показала история, это был всего лишь тактический расчет, но не стратегический. И в этом был просчет властей Германии. Ленин, большевики выступали за превращение империалистической войны в гражданскую войну трудящихся против буржуазии. Они выступали за поражение русского правительства в войне, полагая, что такой же политики должны придерживаться революционные партии рабочего класса всех стран, участвовавших в военных действиях.

Нельзя сказать, что в Берлине не понимали той дальней стратегической угрозы, которую представляла и для германской буржуазии деятельность революционеров-интернационалистов, но, надо думать, там надеялись на благополучный исход. Интерес в этом смысле представляют признания немецкого генерала Эриха Людендорфа, считавшегося идеологом германского империализма и фактически руководившего вместе с Гинденбургом в то время всеми военными действиями германской армии. В своих воспоминаниях он рассказывал о том, что с военной точки зрения проезд Ленина через Германию имел свое оправдание, так как Россия должна была пасть. Но германское правительство обязано было следить за тем, чтобы не погибнуть вместе с ней.

Трудно сказать, что на самом деле думал Людендорф именно в апрельские дни 1917 года: эта книга написана была позже, не исключено поэтому, что автор мог внести в свои оценки известные коррективы.

Но и из того, что написано, можно понять, что руководители кайзеровской Германии прежде всего думали о выгодах военного порядка.

Так это было или иначе, ясно одно: правящие круги империалистической Германии просчитались. Приезд Ленина в Россию способствовал резкой активизации подготовки пролетарской революции, она свершилась в ноябре 1917 года, то есть всего через семь месяцев после событий, о которых мы ведем речь! Революционный порыв охватил и другие страны, в том числе и Германию. Кайзеру пришлось бежать из страны, а генерал Людендорф вынужден был эмигрировать в Швецию.

Но это будет потом. Пока же политэмигранты готовились к опасному путешествию. 6 апреля от немецкого посла Ромберга была получена следующая телеграмма: «Дело улажено в желательном смысле. Отъезд из Готтмадингена, по всей вероятности, состоится в субботу вечером. Прошу завтра, в пятницу, в 9 часов телефонировать».

Немецкие власти назначили отъезд на 9 апреля. Они заявили, что могут обеспечить местами в вагонах партию эмигрантов в 60 человек.

Большевики и другие эмигранты, решившие ехать в Россию, воспрянули духом. Наконец-то переговоры завершились! И завершились благоприятно!

Начались лихорадочные сборы. 7 апреля всем эмигрантским секциям были разосланы телеграммы. Они ушли в Цюрих, Лозанну, Женеву и другие города, где жили русские политические эмигранты. В тексте телеграмм значилось: всем отъезжающим прибыть ночными и утренними поездами в Цюрих 9 апреля.

О дате отъезда были извещены и меньшевики, их еще раз запросили, не хотят ли они принять участие в поездке. Но Мартов ответил, что они «считают себя связанными принятым решением», что они не поедут,

так как надеются на Временное правительство, которое добьется обмена эмигрантов на интернированных немцев. Это было их последнее слово. Ленин предпринимал усилия к тому, чтобы склонить все-таки другие группы эмигрантов или отдельных лиц к участию в поездке. Так было бы легче, по словам Харитонов, отбиваться от «шовинистической травли». Переговоры, к примеру, велось с А. В. Луначарским, который в то время входил в группу газеты «Вперед». Но успеха эти переговоры не принесли.

В тот же день — 7 апреля — В. И. Ленин организовал совещание с представителями левых социал-демократов Франции, Швейцарии, Польши, Германии, на котором подробно посвятил их в обстоятельства отъезда политэмигрантов в Россию через воевавшую с ней Германию. В заявлении, принятом на совещании, выражалось понимание положения русских революционеров в Швейцарии и согласие с тем, что иного пути вернуться в Россию, кроме как через Германию, у них не было. Вот это заявление:

«Инжесподписавшиеся ознакомились с тем, какие препятствия правительства Согласия ставят отъезду русских интернационалистов на родину. Они ознакомились с тем, на каких условиях германское правительство согласилось пропустить товарищей через Германию в Швецию.

Не сомневаясь в том, что германское правительство спекулирует на одностороннее усиление антивоенных тенденций в России, мы заявляем:

Русские интернационалисты, которые в течение всей войны вели самую резкую борьбу против империализма вообще и германского империализма в особенности, отправляются теперь в Россию, чтобы служить там делу революции, помогут нам поднять и пролетариев других стран, и в особенности пролетариев Германии и Австрии, против их правительств. При-

мер героической борьбы русского пролетариата послужит лучшим поощрением для пролетариев других стран. Поэтому мы, нижеподписавшиеся, интернационалисты Франции, Швейцарии, Польши, Германии, считаем не только правом, но и долгом наших русских товарищей воспользоваться той возможностью проехать в Россию, которая им предоставляется.

Мы желаем им лучших успехов в их борьбе против империалистской политики русской буржуазии, которая является частью нашей общей борьбы за освобождение рабочего класса, за социальную революцию.

Берн, 7 апреля 1917 года.

Пауль Гартштейн (Германия); Анри Гильбо (Франция); Ф. Лорио (Франция); Бронский (Польша); Ф. Платтен (Швейцария)»¹.

Итак, группа влиятельных европейских социалистов зафиксировала: в сложившихся условиях проезд через Германию — не только право, но и долг русских товарищей! Одобрив эту поездку и Заграничная коллегия Центрального Комитета Российской социал-демократической рабочей партии. Это чрезвычайно важные детали. Они говорят о том, что о поездке знали все, кому об этом следовало знать, ни о каком «сговоре» с империалистическими кругами Германии не было и не могло быть речи.

Невозможность проезда легальным путем через Англию и Францию подтвердила история с возвращением в Россию Троцкого. Он плыл на пароходе из Америки, но, когда попал в британский порт Галифакс, был задержан. Его освободили только через месяц (!) лишь под сильнейшим нажимом Петрограда...

Владимир Ильич и Надежда Константиновна жили уже не на Шпигельгассе, 14: сапожник Каммерер переехал в другой дом, но расположенный там же, в

¹ Цит. по: *Иванов А. Фриц Платтен*. С. 41—42.

старом городе. Новый адрес — Кульманнштрассе, 10. Из воспоминаний Н. К. Крупской:

«Каммереры, у которых мы нанмали комнату, сняли квартиру в новом доме. В новой чистой и светлой квартире нам отведена была большая, удобная комната. Но жить в ней пришлось лишь пару дней»¹.

Нужно было быстро готовиться к отъезду. Конечно же за годы эмиграции у Владимира Ильича и Надежды Константиновны накопился хотя и небольшой, но все же запас вещей. Теперь пришла пора решить, что взять с собой в Россию, а что оставить здесь, в Швейцарии. Отобрали самое необходимое, уложили книги, кое-что оставили хозяевам.

Швейцарский писатель и журналист Морис Пианзола, занимавшийся изучением пребывания В. И. Ленина в Швейцарии, приводил в своей книге диалог, состоявшийся между Лениным и хозяином квартиры — сапожником Каммерером:

«На прощанье я пожелал ему счастья и сказал: «Надо надеяться, что в России Вам не придется так много работать, как здесь, г-н Ульянов!» Он ответил задумчиво: «Я думаю, г-н Каммерер, мне придется работать в Петербурге еще больше!»

— Ну, ну,— сказал я,— больше, чем здесь, Вы так или иначе не сможете писать. Найдете ли Вы там сразу комнату? Ведь там, наверное, сейчас жилищный кризис?

— Комнату-то я получу в любом случае,— ответил г-н Ульянов,— только я не знаю, будет ли она такой же тихой, как Ваша, г-н Каммерер!»²

8 апреля в Берне было проведено собрание эмигрантов-большевиков, на котором, в частности, было

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 439.

² Пианзола М. Ленин в Швейцарии. М., 1958. С. 113.

одобрено «Прощальное письмо к швейцарским рабочим». Его текст написан Лениным. В письме выражалась глубокая признательность за товарищеское отношение к русским эмигрантам и давалась оценка политической обстановки в Европе. «Превращение империалистской войны в войну гражданскую становится фактом,—делался вывод в письме.—Да здравствует начинающаяся пролетарская революция в Европе!»¹

Утром 9 апреля В. И. Ленин и Н. К. Крупская выехали из Берна в Цюрих, откуда намечался общий выезд группы. К 11 часам, по свидетельству Платтена, все приготовления были закончены: цюрихское управление вокзалов было предупреждено об отъезде, а на станции Готтмадинген на немецкой стороне стояли наготове два пассажирских вагона второго класса. Платтен рассказывал, что он просил заменить категорию вагонов на третий класс, так как у эмигрантов не было средств для оплаты второго класса.

Посол Ромберг сообщил также Платтену, что правительством Германии отдано распоряжение пограничным властям не чинить отъезжающим каких-либо препятствий, не пытаться получить сведения об участниках поездки и что атташе посольства Германии в Берне Шюллеру поручено передать группу политэмигрантов в Готтмадингене офицеру, который будет сопровождать ее по германской территории.

Ромберг дал заверение в том, что на границе не будет никакой проверки документов, багаж без всякого контроля запрут в багажном отделении.

Участники поездки собрались на прощальный обед в цюрихском ресторане «Церингергоф». Впрочем слова «прощальный обед» звучат, наверное, слишком громко: обед был очень скромным. Но все были воз-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 94.

буждены так, что компания за столом, по словам Платтена, походила на разворошенный муравейник.

Возбуждение, впрочем, не помешало обсудить последние вопросы. Один из них — об отношении к эмигранту Блюму. Кто же такой Блюм и почему его дело обсуждалось перед отъездом?

Блюм тоже хотел поехать в Россию, но репутация у него в среде политэмигрантов была неважная, с ним не все были готовы разделить риск путешествия. Харитонов рассказывал, что Блюм объявился в Швейцарии незадолго до начала первой мировой войны. Ни в одной революционной фракции он не состоял, но называл себя то плехановцем, то интернационалистом. Прямых доказательств не было, но некоторые считали, что Блюм связан с царской охранкой. Решение вопроса вынесли на голосование. Большинством в три голоса победила точка зрения тех, кто предлагал с Блюмом не связываться.

Там же, в ресторане, на общее суждение было вынесено заявление о том, что каждый участник принимает ответственность за поездку на себя. Ленин первым подписал его. Затем поставили подписи и другие. Приводим текст этого заявления:

«Я, нижеподписавшийся, удостоверяю своей подписью:

1. что условия, установленные Платтенем с германским посольством, мне объявлены;

2. что я подчиняюсь распоряжениям руководителя поездки Платтена;

3. что мне сообщено известие из «Petit Parisien», согласно которому русское Временное правительство угрожает привлечь по обвинению в государственной измене тех русских подданных, кои проедут через Германию;

4. что всю политическую ответственность за мою поездку я принимаю на себя;

5. что Платтеном мне гарантирована поездка только до Стокгольма.

9 апреля 1917 г.
Берн—Цюрих»¹.

Подлинник этого документа сохранил Фриц Платтен. Позже, когда ему удалось попасть в Советскую Россию, он передал его советской стороне.

В путь отправлялись тридцать два человека (включая женщин и двух детей). В числе большевиков, в частности, значились: В. И. Ленин, Н. К. Крупская, Г. Е. Зиновьев, З. И. Лилина, И. Ф. Арманд, Г. И. Сафаров, В. С. Сафарова, Г. А. Усиевич, С. Н. Равич, А. Е. Абрамович, Ф. Гребельская, Д. С. Розенблюм, А. Линде, М. Г. Цхакая, Н. Бойцов, М. М. Харитонов, А. А. Сковно.

В группу отъезжающих вошли К. Б. Радек и Г. Я. Сокольников, а также несколько человек, объединявшихся вокруг газеты «Наше слово»: И. Мирингоф, М. Мирингоф, Е. Кон.

Остальные участники поездки преимущественно входили во Всеобщий еврейский рабочий союз (Бунд)².

Харитонов вспоминал, что Владимир Ильич проявлял особую заботу о том, чтобы все члены большевистской секции смогли уехать (кроме тех, кто оставался по необходимости). За два или три дня до отъезда он, Харитонов, получил от Ленина письмо, в котором содержалась просьба разыскать находившегося в эмиграции рабочего Линде и обязательно предупредить, чтобы он смог подготовиться к поездке.

Буквально в последнюю минуту решался вопрос о продуктах, которые необходимо было взять на дорогу. В цюрихском потребительском кооперативе был сделан заказ (это была чрезвычайная льгота!) на

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 524—525.

² Записки Института Ленина. Т. 2. С. 145.

съестные припасы на 10 дней пути. В день отъезда их нужно было выкупать, а нужных денег у политэмигрантов не оказалось. Как же быть? Предоставим слово Фрицу Платтену:

«Денег, в которых мы, как о том клеветали враги, утопали, мы совершенно не имели. В последнюю минуту мы не сумели бы выкупить съестные припасы, если бы правление швейцарской социалистической партии не открыло нам кредита на 3000 франков под поручительство Ланга и Платтена».

В 14.30 9 апреля вся группа направилась к цюрихскому вокзалу... Последние минуты пребывания в городе, который был местом пристанища для многих русских политэмигрантов, в том числе для Владимира Ильича Ленина. Они шли по улицам Цюриха, по замечанию Платтена, «нагруженные, по русскому обычаю, подушками, одеялами и прочими пожитками».

Платтен не преминул записать такое:

«Кто в Западной Европе в 1917 году осмелился бы предсказать, что эти «голяки» в ободранных костюмах, все пожитки которых можно было бы увязать в головной платок, сделаются вождями и руководителями страны со 130-миллионным населением?»¹

В тот день, а он был ясным и солнечным, на огромном вокзале Цюриха царила спокойная обстановка, людей было мало. До войны там гудели толпы немцев, французов, англичан и даже американцев, а теперь какие туристы? Лишь швейцарцы кое-где направлялись к посздам.

На перроне, возле которого стоял поезд, отправлявшийся к германской границе, собрался народ: были не только русские, которые пришли проводить отъезжающих, но и швейцарские рабочие. Среди последних — много молодежи, это те, с которыми Ленин вел

¹ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 45.

занятия. Они входили в кружок, который был создан при журнале «Фрайе югенд». Потом они составили костяк Коммунистической партии Швейцарии.

Неожиданно для всех тут произошло продолжение истории с эмигрантом Блюмом, которое Платтен описал со слов корреспондента газеты «Нойе цюрихер цайтунг»:

«Вдруг мы увидели, как Ленин сам схватил этого человека, успевшего пробраться в вагон немного раньше назначенного времени, за воротник и вывел его с ни с чем не сравнимой самоуверенностью обратно на перрон»¹.

Потом уже, после Октябрьской революции, как писал Харитонов, подозрения в отношении Блюма подтвердились: он был приговорен Ревтрибуналом к пяти годам лишения свободы.

На вокзал прибыли и социал-патриоты, которые выступали против того, чтобы революционеры отправлялись в путь через враждебную России Германию. Среди них была меньшевичка «Димка» (И. Г. Смидович), которая устроила небольшой скандал. Фриц Платтен вспоминал: «В ее меньшевистской голове мы представлялись изменниками «Интернационала»...

15.10... Последний гудок паровоза. Поезд тронулся в путь. Раздалось дружное «Ура!».

Шел двадцать шестой день с того момента, когда В. И. Ленин прочитал в швейцарских газетах экстренные сообщения о революции в России. Много это или мало? Конечно же много, если учесть, что сам Ильич считал, что дорога каждая минута: он, отдавший делу подготовки революционных преобразований в России массу сил, энергии, должен быть там, где шла борьба за новую Россию.

В то же время, наверное, это было не так уж мно-

¹ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 43.

го, учитывая сложность ситуации. Вспомним, с каких фантастических планов начинал Ленин проработку вариантов прорыва в Россию! Он готов был идти через Германию на родину по контрабандистской тропе!

...Поезд набирал скорость. Что ждет путников впереди? Этого не знал никто. Немцы могли выполнить соглашение с Платтенем, а могли наплевать на него и арестовать всю группу политэмигрантов, расправиться с ними. Кто бы им помешал в этом?

Тридцать два человека усзжали в неизвестность. Первую помощь, на которую они могли рассчитывать, можно было получить только на шведском берегу.

Телеграмма В. И. Ленина Я. С. Ганецкому в Стокгольм 7 апреля (25 марта) 1917 года:

«Окончательный отъезд в понедельник... Линдхаген, Стрём непременно в Треллеборг»¹.

Но на пути к Швеции нужно было еще пересечь всю территорию Германии и переправиться через Балтийское море.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 431.

ГЛАВА III

ПУТЬ ЧЕРЕЗ ШВЕЙЦАРИЮ И ГЕРМАНИЮ

9—12 апреля 1917 года

ПЛОМБИРОВАННОГО ВАГОНА НЕ БЫЛО

А что было? Был обыкновенный вагон категории «микст» (смешанный), состоявший из мест второго и третьего класса. Три двери из четырех были прочно закрыты, для входа и выхода оставалась одна — четвертая, неподалеку от нее на полу вагона была проведена мелом черта. Через нее никто не имел права переступать: ни русские политэмигранты (со своей стороны), ни любые представители германских властей (со стороны двери). Исключение было сделано только для Фрица Платтена, который мог переходить через черту. Вагон этот, как отмечалось выше, пользовался правом экстерриториальности. Но обо всем по порядку...

На пути к германской границе поезд сделал несколько остановок. Одну из них — в небольшом древнем городке Шафхаузен, известном старой крепостью «Минотавр», построенной на высокой скале, возвышающейся над этим поселением. На местном вокзале путники перешли из швейцарского вагона в немецкий, в котором поехали дальше. Это была первая пересадка. А сколько их будет впереди на этом многодневном пути по швейцаро-шведской вертикали! Никаких инцидентов в Шафхаузене отмечено не было.

Вскоре прибыли на конечную швейцарскую станцию Тайнген. Там был расположен пограничный пункт и таможня.

Швейцарские пограничные власти были извещены об условиях проезда группы русских политэмигрантов, и они не стали проверять паспорта. Но таможенники были скрупулезны: шла война, в соседней Германии население голодало, и в Швейцарии старались не допускать массового вывоза продуктов.

В общем, таможенники определили, что съестные припасы у русских путешественников превышали норму. Принять во внимание особые обстоятельства поездки они не захотели и часть продуктов изъяли. Естественно, революционеры были поставлены в тяжелое положение, ведь только через трое суток они доберутся до Швеции, где их смогут выручить шведские друзья.

И вот, наконец, швейцаро-германская граница. А далее — земля враждебной Германии. В воспоминаниях современников не сохранилось описания момента пересечения границы. О чем думали политэмигранты, напряженно вглядываясь сквозь окна вагона в немецкий пейзаж?

Поезд медленно вкатил в первый германский город — Готтмадинген... Здесь должна была состояться церемония встречи русских революционеров немецкими властями. И тут должно было выясниться, дадут ли им возможность следовать дальше или задержат на неопределенное время.

В связи с приездом группы эмигрантов в здании станции Готтмадингена, как писал Фриц Платтен, был освобожден зал третьего класса. Сюда и привел Платтен вместе с атташе посольства Германии в Берне Шюллером русских путешественников. Они были представлены двум офицерам германского генерального штаба Планитцу и Бюрингу, которые должны были сопровождать всю группу в поездке по германской территории.

Предоставим слово еще одному очевидцу — Радеку. Вот как он описывал одну из первых встреч на земле Германии:

«Нас ожидали немецкие офицеры. Они указали нам зал таможни, в котором должны были пересчитать число живых «снарядов», транспортируемых ими в Россию. Паспорта спрашивать на основе договора они не имели права. Поэтому в таможне мужчин и женщин разделили по обе стороны стола, чтобы по дороге кто-нибудь из нас не улетучился или, подменив русского большевика немецкой барышней, не оставил в Германии зародыш революции. (Я имел большое влечение проделать это, к чему, как австриец, имел даже моральное право, но Ильич был против.) Мы стояли молча, и чувство было очень жуткое. Владимир Ильич стоял спокойно у стены, окруженный товарищами. Мы не хотели, чтобы к нему присматривались»¹.

Что же было дальше? Процедура «знакомства» оказалась на редкость простой. Путники должны были показать офицерам листочки бумаги, которые им раздал Платтен: на них стояли цифры 1, 2, 3, 4, 5... и так до номера 32. Не проверяя документов, немцы хотели убедиться только в одном — количестве людей или живых «снарядов», как пронизировал Радек. Багаж у политэмигрантов тоже не досматривали. Кажется, все проходило без осложнений.

Убедившись в том, что количество отъезжающих соответствовало числу тридцать два, пограничники пригласили их в тот самый вагон «микст» второго и третьего класса, о котором шла речь в начале этой главы. Напряжение путников несколько спало.

Самое крайнее купе к входной двери заняли офицеры Планитц и Бюринг.

¹ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 126.

Интересно, что Бюринг, по его же воспоминаниям, получил задание сопровождать русских революционеров от самого генерала Людендорфа. Он знал русский язык, но ему было предписано скрывать это, говорить только по-немецки и подслушивать разговоры пассажиров.

Стали размещаться в вагоне и политэмигранты. Фриц Платтен писал, что «женщины и дети заняли мягкие места, мужчины разместились в третьем классе». Радек уточняет: Владимира Ильича вместе с Надеждой Константиновной поместили в отдельном купе, чтобы он смог спокойно работать; далее заняли места Сафаров с женой, Ольга Равич, Инесса Арманд и он, Карл Радек.

В путь отправились не сразу. Вагон простоял всю ночь на станции Готтмадинген. И всю ночь он был под охраной немецких ополченцев. Только утром вагон подцепили к поезду, следовавшему в Берлин.

Поездка через Германию началась.

Прежде чем дальше последовать за революционерами, остановимся более подробно на самом вагоне, в котором они тронулись в путь. Выше было рассказано: вагон пользовался правом экстерриториальности, но не был полностью закрыт, тем более запломбирован. Но ведь сам Фриц Платтен в 1925 году писал, что «мы сели в опломбированный вагон II—III класса». И раздел Радека в книге Платтена «Ленин. Из эмиграции в Россию» тоже назывался «В пломбированном вагоне». В чем же дело?

Во-первых, пломбы к вагону применялись: на тех трех дверях вагона, которые были наглухо закрыты, действительно висели пломбы! Был запломбирован и багаж политэмигрантов¹. Но это конечно же не значит, что сами революционеры были в «пломбирован-

¹ См.: Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 46, 49.

ном вагоне». Помните? Четвертая дверь была открыта. Так почему же все-таки сами участники поездки использовали термин «пломбированный вагон»?

Мне кажется, что тем самым они хотели лишь подчеркнуть факт полного отсутствия во время проезда через Германию каких бы то ни было контактов с внешним миром. А потом недруги Ленина и большевиков использовали этот термин, сочинив версию о том, что Ленин-де был вывезен в Россию германским кайзером в plombированном вагоне.

Не случайно Харитонов в 1927 году высказал такую точку зрения: неправильно, что некоторые товарищи пишут о «пломбированном вагоне», не беря эти слова в кавычки.

...Итак, вагон категории «микст» с тремя запертыми дверями из четырех двигался по территории Германии. Какие же картины предстали взору русских политэмигрантов? Надежда Константиновна Крупская рассказывала:

«Мы смотрели в окно вагона, поражало полное отсутствие взрослых мужчин: одни женщины, подростки и дети были видны на станциях, на полях, на улицах города»¹.

Да, империалистическая война, в которую ввергли Германию ее правящие круги, дорого обошлась и немецкому народу. Страна была на грани истощения. Особо сильное впечатление на путников произвел Франкфурт. Был конец рабочего дня, и многие люди спешили к пригородным поездом. Мимо вагона, в котором находились революционеры, проходили, как писал Платтен, изможденные люди с потухшим взором. Он добавлял:

«Это траурное шествие, как молния, осветило нам положение Германии и пробудило в сердцах ехавших

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 440.

эмигрантов надежду на то, что уже недалек тот час, когда народные массы в Германии восстанут против господствующих классов».

Картины увиденного поразили и Зиновьева:

«Помню жуткое впечатление замерзшей страны, когда мы ехали по Германии. Берлин, который мы видели из окна вагона, напоминал кладбище»¹.

Весьма характерный эпизод приключился во Франкфурте, где вагон с политэмигрантами был поставлен на запасной путь. Трудно сказать почему, но в город ушли сразу и Планитц, и Бюринг. Возможно они понадеялись на Платтена, который, по их расчетам, должен был остаться в вагоне. Но и тот отправился на какую-то встречу. Возвращаясь, он зашел в буфет и увидел, что там продавалось пиво. Решив угостить революционеров, он попросил немецких солдат, обсуждавших в здании вокзала новость о появившихся на станции русских, выступавших за мир, помочь ему отнести им пиво.

Они взяли кружки и понесли к вагону. Радек рассказывал, что солдаты прошли к вагону, несмотря на то что платформа была оцеплена стражниками.

«Они набросились на нас с неслыханной жадностью, допрашивая, будет ли мир и когда»², — писал Радек.

Когда Планитц и Бюринг вернулись, солдат около вагона уже не было. Кстати, был и второй случай, когда оба офицера покидали вагон. Это произошло уже в Берлине. Поезд прибыл на Потсдамский вокзал, где, по словам того же Радека, было много «штатских шпионов». По этой ли причине или по другой, но Планитц и Бюринг решили позволить себе заглянуть в ресторан. Когда они снова появились на платформе,

¹ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 46, 120.

² Там же. С. 128.

то, к своему ужасу, не обнаружили политэмигрантов. Но все обошлось, вагон был переведен на Штеттинский вокзал. Офицеры там его и нашли.

А что происходило в самом вагоне? Там сразу установился размеренный порядок. Путешественники вели дискуссии о путях развития революции в России, о будущем страны. Время от времени пели «Марсельезу», «Карманьолу» и другие песни. В беседах принимал участие и Фриц Платтен. Впоследствии он писал:

«В коридоре вагона шел горячий спор. Вдруг Ленин обратился ко мне с вопросом:

— Какого вы мнения, Фриц, о нашей роли в русской революции?

— Должен сознаться,— ответил я,— что вполне разделяю ваши взгляды на методы и цели революции, но, как борцы, вы представляетесь мне чем-то вроде гладиаторов Древнего Рима, бесстрашно, с гордо поднятой головой выходивших на арену, навстречу смерти. Я преклоняюсь перед силой вашей веры в победу.

Легкая улыбка скользнула по лицу Ленина, и в ней можно было прочесть глубокую уверенность в близкой победе»¹.

Ленин, как всегда, много трудился. В частности, он обдумывал свои Апрельские тезисы, с которыми выступит в Петрограде сразу после завершения этого труднейшего путешествия.

Интересная зарисовка имеется в воспоминаниях Харитонов. Она тоже касается обстановки, царившей в вагоне.

«Мысль Владимира Ильича,— писал он,— за все время нашей поездки была исключительно сосредоточена на вопросах, связанных с ближайшей работой партии. Он очень много ходил взад и вперед по ваго-

¹ Иванов А. Фриц Платтен. С. 48.

ну, мысленно разрабатывая в деталях стратегический план ближайшего этапа борьбы.

По дороге он почти все время думал, думал, почти на глазах у товарищей. Все старались не мешать. Но когда один из них хотел уступить ему свое место, он решительно запротестовал и таким тоном, что никто из нас не стал больше на этом настаивать»¹.

Русские политэмигранты строго выполняли условия проезда через Германию. Никто из них ни разу не сделал попытки покинуть вагон. И сами не позволили никому вмешиваться в их распорядок жизни или пытаться встретиться с ними. Но один раз такая попытка была предпринята. Радек рассказывал, что однажды «пришел Платтен и сказал, что в поезде Янсон. Ильич приказал прогнать его к чертовой бабushке».

Вильгельм Янсон был представителем правого руководства Генеральной комиссии немецких профсоюзов, которое было известно своими откровенно социал-шовинистическими взглядами и поддержкой военных авантюр германских властей. В связи с возвращением политэмигрантов из Швейцарии в Россию имя Янсона возникло не впервые. Еще в ходе переговоров с немецкой стороной посол Германии в Берне Ромберг предлагал, чтобы Янсон сопровождал революционеров на всем пути следования через Германию. Платтен тогда отказался от этого предложения, сославшись на то, что политэмигранты, по соглашению, не имеют права вступать в контакты с гражданами Германии. И вот опять Янсон назойливо пытался встретиться с Лениным и его спутниками.

Чем это было вызвано? Определенных сведений на сей счет нет, но возможно, Янсон мог иметь задание германских властей вступить в переговоры с Лениным.

¹ Записки Института Ленина. Т. 2. С. 146.

Но Владимир Ильич был непреклонен: ни под каким видом он не хотел встречаться с человеком, предавшим интересы трудящихся и вставшим на путь безоговорочной поддержки германского империализма. Через несколько дней в Стокгольме корреспондент шведской газеты «Политикен» задаст Ленину вопрос: «Вы встретились с кем-нибудь из немецких товарищей по партии?», на который Владимир Ильич ответит так:

«Нет. Вильгельм Янсон из Берлина пытался встретить нас в Лингене у швейцарской границы. Но Платтен отказал ему, сделав дружеский намек на то, что он хочет избавить Янсона от неприятности такой встречи»¹.

Фриц Платтен впоследствии не без юмора вспоминал:

«Резюме совещания реэмигрантов было следующее: в случае, если Янсон сделает попытку нарушить экстерриториальность, забросать его чайниками.

Разумеется, я передал Янсону это постановление в несколько более мягкой форме. Я просил его не добиваться свидания, так как я не ручаюсь, что смогу защитить его от оскорблений. Что касается приветствия Генеральной комиссии, то я мог поблагодарить за него только от своего имени»².

Все эти детали поездки русских революционеров по земле Германии приводятся не случайно: они красноречиво свидетельствуют о том, что никакого «пломбированного» и «тайного вагона» не было. Был переезд через Германию в соответствии с соглашением, которое было достигнуто с берлинскими властями.

В чисто физическом плане, надо полагать, поездка была очень не простой. Трое суток тридцать два чело-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 95.

² О Ленине. Воспоминания зарубежных современников. С. 162.

века находились в одном вагоне без права выйти на станции, чтобы хотя бы размять ноги! Можно предположить, что проблемы в такой обстановке возникали. Их решали на ходу. Радек, например, вспоминал, что Владимир Ильич следил за тем, чтобы ночью в вагоне не шумели. Однажды громкий спор завели в купе, в котором ехали Сафаровы, Равич, Арманд и Радек. «Поздно вечером вошел Владимир Ильич и хотел увести Ольгу, чтобы развести ее и меня, так как считал нас главными зачинщиками шума»¹, — писал Радек.

Среди путешественников были курильщики, а значит, в таком ограниченном пространстве, каким является вагон, не мог не возникнуть вопрос: где курить? После дискуссий было принято решение: курить в помещении, обозначенном знаком «00».

12 апреля 1917 года политэмигранты прибыли наконец в Засниц — германский порт на берегу Балтийского моря. Этот немецкий город уже в то время был связан со шведским Треллеборгом паромным сообщением: паромы перевозили железнодорожные вагоны. Волнение путников достигло предела: закончится ли поездка по Германии успешно?

Но и здесь все прошло нормально. Чтобы покинуть немецкую территорию, революционерам достаточно было показать листочки бумаги с номерами от 1-го до 32-го, написанными Фрицем Платтенем. Пограничники пересчитали путников и, убедившись, что их тридцать два человека, пропустили на паром. Как и в Готтматтингене, паспортов не требовали. Один из спутников Ленина — Цхакая в 1927 году рассказывал:

«Из вагона до парома проложили доски, и по ним мы перешли на палубу»². Это была палуба шведского парома «Королева Виктория».

¹ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 128.

² Правда. 1927. 16 апр.

Германия осталась позади. Важнейшая и самая опасная часть пути пройдена! Пройдена вопреки всем сомнениям, переживаниям, скептицизму и мрачным прогнозам. Германские власти выполнили соглашение, которое заключил с ними Фриц Платтен — доверенное лицо группы политэмигрантов, которую возглавлял В. И. Ленин.

ГЛАВА IV

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ БАЛТИКУ

12 апреля 1917 года

«КТО ИЗ ВАС Г-Н УЛЬЯНОВ?»

Перед тем как «Королева Виктория» 12 апреля вышла в море, в Стокгольм Ганецкому из Засница улетела телеграмма: «Мы приезжаем сегодня 6 часов Треллеборг. *Платтен, Ульянов*»¹. А перед самым выездом из Швейцарии, как отмечалось выше, Ленин послал тому же Ганецкому телеграмму, в которой содержалась просьба, чтобы в Треллеборг непременно прибыли Карл Линдхаген и Фредрик Стрём.

Возникает вопрос, почему Ленин настоятельно просил обеспечить проезд в южный шведский порт Треллеборг Карла Линдхагена и Фредрика Стрёма? Разумеется, не для того, чтобы они участвовали в церемонии встречи русских политэмигрантов: Ленин исходил из соображений безопасности, ведь не секрет, что поездка была связана с риском.

Допускался такой вариант: через свою территорию власти кайзеровской Германии пропустят революционеров, но на шведском берегу над ними будет учинена расправа германскими или другими агентами.

В то время левые социал-демократы Карл Линдхаген и Фредрик Стрём были известными общественными деятелями Швеции: оба носили звание депутатов риксдага, а Линдхаген, к тому же, являлся бургомистром Стокгольма. В их присутствии русские революционеры конечно же чувствовали бы себя спокойнее.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 433.

Но встреча в Треллеборге произошла без них. Почему и как это случилось, рассказывал в своих воспоминаниях Ганецкий. Не дождавшись телеграммы от Ленина и Платтена, он отправился только со Стрёмом.

«Весь день, взволнованный,— писал Ганецкий,— бродил я по Мальмё... «Приедут ли? Не причинят ли им немцы по дороге каких-нибудь пакостей?» Мысли эти сильно тревожили меня... Наконец под вечер едем в Треллеборг... Пароход приближается к берегу... Но какая досада,— ни Ильича, ни других нет... Вычислил ли я плохо день приезда, или что-нибудь случилось с ними в пути?.. Выяснить ничего нельзя, приходится ждать следующего дня. Едем обратно в Мальмё. Тов. Стрём уезжает,— выборная кампания требует его присутствия в Стокгольме. Я остаюсь один, в помощь получаю одного местного товарища»¹.

Этим шведским товарищем был молодой левый социал-демократ журналист Отто Гримлунд, живший тогда в самом крупном городе юга Швеции — Мальмё.

В 1924 году, после смерти В. И. Ленина, Отто Гримлунд опубликовал в шведской газете «Фолькетс дагблад политикен» статью, в которой рассказал о встрече русских. В частности, он подчеркивал, что большевики были очень осторожны и старались не разглашать сведений о своем проезде. В его воспоминаниях я нашёл слова, которые Гримлунд слышал от Ганецкого, когда они встретились в Треллеборге: «Эта поездка является большим секретом. Все должно быть проведено без шума. Тут он едва прошептал мне на ухо: с ними едет Ленин. Но, дорогой партийный друг, никому ни слова, никому ни слова!»²

...Медленно тянулась ночь, еще медленнее следующий день. Но очередная поездка в Треллеборг снова

¹ *Ганецкий*. Приезд тов. Ленина из Швейцарии в Россию // Пролетарская революция. 1924. № 1. С. 105.

² *Folkets Dagblad Politiken*. 1924. 2.II.

оказалась безрезультатной: революционеры не прибыли и на этот раз. Утром Ганецкий разговаривал по телефону с женой, которая осталась в Стокгольме. Но новых сообщений не поступило. Тогда Ганецкий отправляет телеграмму в Швейцарию с запросом, выехали ли Ленин и его спутники? Не дождавшись ответа, Ганецкий в третий раз отправляется в Треллеборг.

Надо полагать, беспокойство Ганецкого было вызвано не только «возможными кознями» немецких властей на территории Германии. Балтика в то время тоже была фронтом, там велись военные действия. Листая шведские газеты за этот период, нашел сведения о том, что в балтийских проливах активно действовали немецкие подводные лодки. За несколько недель до описываемых событий они, например, потопили шведское судно «Хуго Гамильтон» и датское «Скугланд».

...Морской паром покрывал расстояние от германского берега до шведского за четыре часа. Казалось бы, не такой уж большой срок. Но в непогоду и его хватает, чтобы многие пассажиры начали страдать морской болезнью. Среди политэмигрантов самыми стойкими к ней, по словам Платтена, оказались Ленин, Зиновьев и Радек. Они стояли на палубе возле главной мачты и вели горячую дискуссию.

А что же Ганецкий?

Степень неопределенности и тревоги за судьбу Ленина и других эмигрантов была столь велика, что 12 апреля Ганецкий решил обратиться к начальнику порта Треллеборг с просьбой дать на паром радиogramму с запросом о группе русских политэмигрантов. «Можно, но принимаются только служебные телеграммы», — ответил начальник. Ганецкий сориентировался быстро, во время беседы он заметил на столе объявление русского Красного Креста и решил действовать как представитель этой организации: он-де командирован принять партию эмигрантов и ему необходимо

заранее знать, находится ли она на борту парома, чтобы успеть заказать билеты на поезд.

Начальник порта счел это объяснение заслуживающим внимания и послал капитану парома «Королева Виктория» радиogramму следующего содержания: «Г-н Ганецкий спрашивает, едет ли г-н Ульянов, сколько с ним мужчин, женщин и детей»¹.

Не знал Ганецкий, какие волнения пришлось пережить Ленину и его спутникам из-за этой телеграммы.

Да, Германию удалось проехать благополучно. Несколько позже, уже находясь в пути к шведской северной станции Хапаранда, со станции Меллансель Ленин отправит в Женеву Карпинскому телеграмму:

«Германское правительство лояльно охраняло экстерриториальность нашего вагона. Едем дальше»².

Но путники находились на борту шведского парома, а там действовали свои законы. Каждый въезжающий в страну человек обязан был заполнить «детальнейшую и скучнейшую», по словам Ганецкого, анкету. Такую анкету и принесли в каюту Ленина и попросили ее заполнить. Вскоре выяснилось, что все участники поездки должны были пройти через эту процедуру. Ганецкий так описывает сложившуюся ситуацию:

«Что сие обозначает? И тут Владимир Ильич приходит к заключению, что немцы падули: сами пропустили, но сообщили шведской полиции — и та теперь возьмется... Создается тут же «военный совет». Как быть? Написать Ильичу настоящую фамилию или фиктивную. Вдруг появляется с бумажкой в руке капитан и спрашивает, кто из них господин Ульянов... Ильич не сомневается, что его предположение оказалось правильным и его пришли задержать. Скрывать уже нечего — в море

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1984, Т. 2. С. 377.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 433.

не выскочишь. Владимир Ильич называет себя...»¹

Но тут выяснилось, что капитан принес радиограмму Ганецкого. Какое облегчение испытали все политэмигранты! Через несколько минут в Треллеборг полетела телеграмма:

«Г-н Ульянов приветствует г-на Ганецкого и просит его заготовить билеты»².

Понятно, воспрянул духом и Ганецкий. Он по телефону позвонил в Мальмё и попросил закрепить за группой русских политэмигрантов вагон до Стокгольма, заказанный до этого условно, а также организовать для всех присаживающих ужины в ближайшей к вокзалу гостинице. Успел Ганецкий предупредить и таможенные власти о приезде группы эмигрантов, а еще позвонил домой. Оказалось, что его ждала телеграмма Ленина из Засница.

«Вот приближается пароход,— писал Ганецкий.— Эти несколько минут показались мне вечностью... Наконец, он причаливает. Постепенно появляются фигуры Платтена, Владимира Ильича, Зиновьева, Надежды Константиновны и многих знакомых товарищей... Тут же и Радек. Рассчитывая на добросовестное исполнение немцами наших условий о неосмотре паспортов, он решил воспользоваться и «нелегально» пробраться в Россию...

Горячие приветствия, вопросы, суета, крик ребят. У меня от радости слезы на глазах...»³

Следует отметить, что этот фрагмент воспоминаний Ганецкого здесь цитируется по журналу «Пролетарская революция» за 1924 год, так как в последующие годы его книга «О Ленине», куда вошли эти эпизоды, подверглась такому редактированию, что из нее исчезли упоминания о Зиновьеве и Радеке.

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2. С. 378.

² Там же. С. 377.

³ Ганецкий. Приезд тов. Ленина из Швейцарии в Россию // Пролетарская революция. 1924. № 1. С. 106.

ТРЕЛЛЕБОРГ — МАЛЬМЕ — СТОКГОЛЬМ

Вечер 12 апреля — утро 13 апреля 1917 года

ЧТО СООБЩАЮТ ИЗ ПЕТРОГРАДА?

Ступив на шведскую землю, революционеры, надо полагать, вздохнули свободнее. Во-первых, это была территория нейтрального государства. Разумеется, отношение к революционерам и здесь было соответственное, но все-таки Швеция не была в состоянии войны с Россией. Это много значило. Во-вторых, тут путников взяли под опеку друзья — левые социал-демократы и Ганецкий. Последнее вообще в корне меняло все дело.

Прибытие морского паромы было состыковано с отправлением поезда. И потому Ганецкий и Гримлунд повели всю группу к составу, который уже стоял неподалеку от причала. Ленину и другим политэмигрантам предстояло непродолжительное по времени путешествие: от Треллеборга до Мальмё всего несколько десятков километров. Там перед посадкой на почтой стокгольмский экспресс будет небольшая остановка. Ганецкий и Гримлунд знали, как ею распорядиться: они организовали для путешественников ужин в отеле «Савой», расположенном в нескольких минутах ходьбы от вокзала. Точнее, ужин был сервирован не в ресторане самой гостиницы, а в кафе, которое помещалось в деревянной пристройке. Этого кафе в Мальмё давно уже нет, пристройку снесли.

Впервые за время поездки политэмигранты смогли отведать горячей пищи и всяких закусок. Эта сцена, судя по всему, произвела впечатление на Ганецко-

го, который в своих воспоминаниях потом счел необходимым отметить:

«Усталая от четырехдневной поездки, проголодавшаяся эмигрантская братия с жадностью бросается на шведские смэргосы (закуски). Один из товарищей замечает: «Теперь я верю, что в России революция, раз эмигрантов можно так угощать...»¹

Эту же сцену по-своему, то есть с большей долей иронии, описал Радек. Думается, она представляет интерес:

«В Треллеборге мы произвели потрясающее впечатление. Ганецкий заказал для всех нас ужин, которому предшествовали, по шведскому обычаю, закуски. Наша голытьба, которая в Швейцарии привыкла считать селедку обедом, увидев громадный стол, заставленный бесчисленным количеством закусок, набросилась как саранча и вычистила все до конца к неслыханному удивлению кельнеров, которые до этого времени привыкли видеть за закусочным столом только цивилизованных людей. Владимир Ильич ничего не ел. Он выматывал душу из Ганецкого, пытаясь от него узнать про русскую революцию все... что Ганецкому было неизвестно»².

Что ж, все это объяснимо: у политэмигрантов действительно было очень мало денег, а часть продуктов (помните?) была изъята швейцарскими таможенниками. Нетрудно догадаться, что путники жили впроголодь. Но сюда — не главное, что интересовало революционеров. Во встрече за столом участвовали и некоторые шведские левые социал-демократы, так что время до отхода поезда было использовано для бесед и обмена мнениями. Ленин и его спутники рассказывали о только что пережитой поездке по Германии и сами за-

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2. С. 378.

² Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 129.

давали массу вопросов. Конечно же прежде всего о положении в России.

В тот вечер в Мальмё Ленина интересовали в первую очередь сведения политического характера о России (она была уже так близка!) и о Швеции (раз судьба снова забросила его в эту страну, хотя и очень ненадолго).

После ужина в «Савойе» путешественники сели в бронированный для них Ганецким вагон стокгольмского поезда. Разместились по купе. В одном из них — Ленин, Крупская и ближайшие товарищи. Но прилечь им довелось лишь под утро. Разговорам не было конца. В центре внимания были Ганецкий и Гримлунд, которые сопровождали эмигрантов в поездке до Стокгольма.

Отто Гримлунд много лет спустя писал, что Ленин буквально забросал его вопросами. Сначала — о России: что слышно из Петрограда? Что думают шведские социал-демократы о русской революции? Как они относятся к Временному правительству? А потом: Брантинг и его влияние? Положение нашей партии? Численность парламентской фракции? Что сделано партией? Профсоюзы? Их позиция по отношению к политическим течениям? Союз молодежи? Насколько велик? Какие условия? Какая тактика? Сколько выпущено брошюр?

Ленин детально расспрашивал о всех новостях. Он указывал на предстоящую упорную борьбу пролетариата, на перспективы развивавшейся революции. Особо Ленин обращал внимание на ту опасность, которая исходила со стороны социал-революционера Керенского. Там, в купе стокгольмского поезда, Ленин высказал и мысль о том, что в Швеции «на всякий случай» следует оставить партийную ячейку для связи с внешним миром.

Записывая в 1946. году свои воспоминания, Грим-

лунд отмечал: «Я полагаю, что ответы во многом были слабыми и неполными, но Ленин проявил живейший интерес даже к самым незначительным деталям». Потом собеседники поменялись ролями — Гримлунд начал задавать вопросы. О положении в различных европейских партиях, о ситуации в Европе и развитии революции в России.

«...Для меня эти ночные часы, пока поезд грохотал, двигаясь на север, были более чем интервью. Это был урок социализма, полет над полем борьбы, который я никогда не забуду.

Ленин был не из тех, кому обязательно нужна была большая аудитория, чтобы развить свои мысли. Он считал, что молодому журналисту из маленькой Швеции также нужно изложить свои взгляды на политическое положение в мире.

Он ясно определил отношение своей партии к тогдашней стадии русской революции. Он посмеялся над социалистами Керенского и буржуазными империалистами. Он очертил в эти ночные часы программу действий большевиков, которую несколько дней спустя должен был обнародовать, выйдя из поезда на Финляндском вокзале в Петрограде. Всю власть в руки рабочих Советов! Мир народу! Землю крестьянам!»¹

Отто Гримлунд писал, что записи эти так и не были им опубликованы, они пролежали в ящике его письменного стола. Но известно, что через несколько недель после проезда русских революционеров через Швецию молодежная газета шведских левых социал-демократов «Стурмклокан» опубликовала большую запись беседы с Лениным. Газета не указала фамилию ее автора, но вот историк и журналист Ю. Дашков, который первым обнаружил этот материал, пря-

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1984. Т. 5. С. 94.

мо пишет, что в одной из бесед с ним Гримлунд признал свое авторство. Материал в «Стурмклокан» назывался «Точка зрения ленинской группы. Ленин уточняет позицию большевиков. Интервью для «Стурмклокан». В интервью, в частности, говорилось¹:

«Русская социал-демократия, как известно, разделена на несколько групп. Руководителем радикальной группы большевиков является наш друг Ленин. Когда Ленин и другие русские эмигранты — как мы раньше писали — проезжали через Швецию по пути в освобождающуюся Россию, один из наших сотрудников разговаривал с ним по вопросам: как понимают русские друзья... современную ситуацию и какие требования они ставят к социалистическим организациям.

Ленин прежде всего предупредил, что самой важной предпосылкой для «чуда», каким считают нынешнюю русскую революцию, является революция 1905 — 1907 годов. И поэтому мы должны вспомнить, как эту революцию поносили господа типа Гучкова и Милюкова, теперь приставшие к революции. Без революции 1905 года, которая указала путь, расчистила его, быстрая победа в 1917 году была бы невозможна».

Далее Ленин указал на роль англо-французского капитала, «господствующего над всем миром и эксплуатирующего весь мир». В интервью говорилось:

«Он вмешался в революцию тем, между прочим, что мобилизовал Гучкова, Милюкова и высшее военное командование. Я подчеркиваю, — заметил Ленин, — что в 1905 году он был **против** революции, помогал царизму подавить ее и дал в 1906 году миллиардные кредиты на это. С точки зрения мировой политики и международного финансового капитала

¹ Цит. по: Дашков Ю. По ленинским местам Скандинавии. М., 1971. С. 196—200.

правительство Гучкова — Милюкова только агент банковских фирм — Англии, Франции», орудие для проведения империалистической политики народоубийства.

В ряду различных общественных сил, объединившихся против царизма, Ленин отметил в качестве самого важного фактора «могучее пролетарское движение». О нем Ленин сказал так:

«Эту революцию совершил пролетариат. Он требовал **мира, хлеба и свободы**. Он не имел ничего общего с империалистической буржуазией, и пролетариат уверенно увлек с собой армию, которая ведь тоже состоит из рабочих и крестьян! Война тогда начала превращаться из империалистической в гражданскую. В этом лежит, по моему мнению, источник такой двойственной оболочки революции».

На вопрос: «Но каково отношение пролетариата к правительству?» — последовал ответ:

«Новое правительство Гучкова и Милюкова — типичное правительство помещиков и капиталистов. Оно не может дать народу ни свободы, ни мира, ни хлеба. Это правительство — за продолжение захватнической войны. Оно же открыто заявило, что будет верно международным соглашениям, заключенным царизмом. Это правительство в лучшем случае может отсрочить кризис, но ни в коем случае не может спасти страну от голода. Оно представляет интересы дворян — помещиков и капитала. Поэтому оно не в состоянии дать свободу народу. Всего глупее поэтому тактика «поддержки» правительства, которое не в состоянии отмежеваться от империализма».

Далее Ленину был задан вопрос: «Какую тактику, вы считаете, должен применять сейчас пролетариат?» «Стурмклокан» пишет, что ответ звучал так:

«Ленин ответил, что мы стоим на переходе от первого ко второму этапу революции, от восстания про-

тив царизма к восстанию против буржуазии, на переходе к конвенту, который может развиться в конституционное собрание. Главная задача сейчас — организованность пролетариата. Но нужна не старая, закостеневшая, а революционная организация». Ленин говорил, что такая организация уже имеется. Это Советы рабочих и солдатских депутатов.

В этом интервью Ленин считал необходимым остановиться на роли Керенского во Временном правительстве. Хотя тот еще не играл существенной роли, но с необычайной прозорливостью Ленин уже видел опасность с его стороны. Ленин говорил:

«С помощью пустых фраз в духе западноевропейских социал-патриотов он (Керенский.— *Авт.*) пытается примирить рабочих с продолжением захватнической войны. Через Керенского империалистическая буржуазия говорит рабочим: «Мы даем вам республику и 8-часовой рабочий день, обещаем политические свободы, но вы тоже должны помочь нам захватить Турцию и Австрию, отобрать у немецкого империализма его добычу и обеспечить прибыли англо-французскому империализму».

В завершение газета писала:

«Под конец наш сотрудник попросил уточнить позицию Ленина. Он заявил следующее:

— Мы отличаемся от анархистов тем, что признаем необходимость государства для революционных преобразований. Но мы отличаемся и от оппортунистов, сторонников Каутского, говоря: нам не нужна готовая государственная машина, оставшаяся от демократической буржуазной республики, нам нужен немедленный переход власти в руки вооруженного и организованного пролетариата. Вот какое государство нам нужно...

Наши мирные условия следующие:

1. Совет рабочих депутатов в качестве революци-

онного правительства беспромедлительно заявляет, что в противоположность классу буржуа не признает себя связанным царскими соглашениями.

2. Все тайные соглашения немедленно опубликуются.

3. Всем народам воюющих стран предлагается немедленное перемирие.

4. Как основа мира: все колонии и все угнетенные нации освобождаются.

5. Выражение недоверия всем буржуазным правительствам. Воззвание к рабочему классу свергать эти правительства.

6. Военные долги буржуазии выплачивают сами капиталисты.

Такая политика может собрать большинство рабочих и крестьян на сторону социал-демократии. За эти мирные предложения мы могли бы вести революционную войну. В этой революционной войне мы могли бы рассчитывать на поддержку всего революционного пролетариата».

Хотелось бы остановиться на двух позициях этого интервью, которые имеют политическое звучание и сегодня. Как и в «Письмах из далека», Ленин подчеркивает: программа большевиков строится на основе политики мира и деколонизации. Эти принципы легли в основу политики молодого Советского государства. Люди, которые спекулируют на мифе «о советской угрозе», просто не знают истории, они не знакомы с теоретическими положениями марксизма-ленинизма, с практикой развития советского государства и его политикой. Или они совершенно умышленно искажают положение дел...

Так прошли первые часы пребывания русских революционеров на шведской земле, точнее, так прошли вечер 12 апреля и утро 13 апреля.

Когда экспресс «Мальмё—Стокгольм» прибыл на

станцию Сальтскуп под Сёдертелье, в вагон ворвалась шумная компания корреспондентов стокгольмских газет, выехавших навстречу революционерам. Журналисты хотели видеть Ленина и других участников поездки, хотели взять у них интервью. Но Ленин к ним не вышел и просил Ганецкого и Гримлунда передать представителям печати, что по прибытии в Стокгольм шведской прессе будет передано специальное коммюнике о проезде русских революционеров через Германию и Швецию в революционную Россию.

Вторжение журналистов повергло в недоумение Ленина и других русских революционеров, ведь они старались свести к минимуму число лиц, знавших о поездке.

ГЛАВА VI

ПОСОЛЬСКИЕ ДЕНЕШИ

Стокгольм, наши дни.

Поиск ведется в архивах

От Сёдертелье до Стокгольма, как говорится, рукой подать, скоро путешественники прибудут в шведскую столицу. Но мы на время оставим их, чтобы попытаться ответить на такие вопросы: учитывая особый характер поездки русских революционеров, важно определить, что было известно о ней в Швеции, кто конкретно о ней знал и из каких источников?

Ленин и другие русские политэмигранты выезжали в Россию из Швейцарии, значит, подумалось мне, посольство Швеции в Берне наверняка информировало Стокгольм об этой поездке. Иначе и быть не могло! Но никакие ссылки на дипломатические послания ни в советской, ни в зарубежной печати прежде мне не встречались. Может быть, это и есть одно из «белых пятен» в хронике возвращения Ленина в Петроград?

В поисках ответа я отправился в Государственный архив Швеции. Он расположен в приземистом здании из темно-красного кирпича, красиво вписанном в рельеф крутого скального берега Рыцарского залива в Стокгольме, через воды которого высоко повисла изящная «нитка» Западного моста.

В фойе меня попросили расписаться в книге посетителей и оставить там портфель. Спустившись этажом ниже, попал в помещение справочной, через стеклянную стену которого хорошо были видны и Рыцар-

ский залив с белоснежными яхтами, и гудящий от непрерывного потока машин Западный мост.

Представился дежурному архивариусу — молодому человеку и коротко изложил цель своих поисков. Он внимательно выслушал меня и быстро нырнул в лабиринт шкафов с каталогами. Вернулся с несколькими справочниками в руке.

— Изучите эти каталоги, — сказал он, — отберите нужные папки и заполните бланки заказов...

Никакой специальной подготовки для работы в архиве у меня не было. Пришлось изучать все справочники подряд и просидеть над ними несколько часов кряду. В длинном-предлинном перечне наконец остановился на разделе «Дипломатические службы». Листаю страницы: Лондон, Париж, Берлин, Петроград, Вена, Стамбул, Рим... Вот и Берл. Но и тут много десятков наименований отдельных тем.

Выбрал несколько названий папок за 1917 год, которые на первый взгляд могли бы иметь отношение к делу, и заполнил бланки заказов. Архивариус внимательно просмотрел их, сделал пометки, подошел к дверце лифта, вмонтированной в дальней стене, и отправил бланки куда-то глубоко вниз, в скальное подземелье.

Пока выполнялся заказ, зашел в читальный зал и объяснился с дежурной. Она выделила мне место за одним из столов и предложила подождать. Осмотрелся. Рядом какой-то старичок читал древнюю книгу, похожую на сборник налогов. Книга была массивной, чуть ли не в полметра толщиной. Старичок приподнимался на стуле и тянулся к открытой странице, а затем, плотно усаживаясь на стул, делал очередную запись в тетрадь. Тишина, был слышен лишь шорох переворачиваемых страниц.

Наконец в зал ввозят тележку с высокой грудой толстых картонных папок. Это для меня. Первый день

не принес результатов. Эти толстые папки были забиты личными делами шведов, менявших паспорта и выходявших замуж или женившихся в Швейцарии, перепиской шведского посольства в Берне с иностранными фирмами и учреждениями, в том числе и русскими, вырезками из газет и многими другими консульскими и посольскими бумагами, не носившими характера политических донесений в министерство иностранных дел Швеции.

Так прошло несколько дней, точнее, так проходили часы, которые удавалось выкраивать в работе газетного корреспондента. Собственный корреспондент не имеет права на опоздание в передаче материалов о событиях в странах его аккредитации, он должен везде и всегда успевать. Понятно, что в архиве в этих условиях удавалось посидеть далеко не каждый день, а порой это случалось с большими перерывами...

Как-то спросил дежурного архивариуса, почему в архивах посольства Швеции в Швейцарии не встречались донесения в Стокгольм. «Это потому,— объяснил он,— что многие архивы шведского министерства иностранных дел все еще засекречены». Мне оставалось только снова и снова изучать те архивные дела, которые считались общедоступными.

Все же скоро затеплилась надежда на успех: в одной из папок нашел консульскую анкету, в которой Фриц Платтен запрашивал шведскую визу. Тот ли Фриц Платтен? Да, это был он. Однако поездка была другой. Анкету Платтен заполнял не в 1917-м, а уже после Октябрьской революции в России — в 1918 году. Затем на глаза попала депеша посольства Швеции в Петрограде от 7 января 1917 года об убийстве Распутина. Шведское министерство иностранных дел разослало ее в зарубежные представительства своей страны в качестве циркулярного письма, в котором

весьма обстоятельно рассказывалось о ситуации в России.

Наконец еще в одной партии архивных документов, четвертой в тот день, оказалась папка под названием «Дипломатические службы. Берн, том 21-ю». Снова перебирал листок за листком. И вот нашлась половинка форматного листа бумаги с двумя строчками рукописного текста и пометкой «Берн, 7.IV.1917».

Это черновик телеграммы, написанный ровным каллиграфическим почерком. Посольство Швеции в Швейцарии доносило в Стокгольм:

«Вероятно, около шестидесяти русских нигилистов выезжают в Россию через Треллеборг в следующий понедельник»¹.

Первая находка! Речь явно идет о группе политэмигрантов, хотя слово «нигилисты» не имеет к ним никакого отношения. В системе шведских учреждений, понятно, работали консервативные люди. Революционеров они называли и нигилистами, и анархистами, хотя, когда нужно, находили более реальные оценки. А откуда взялась цифра шестьдесят? Верно, революционеров было тридцать два человека, но первоначально желающих принять участие в поездке было больше.

Вспомним цифру шестьдесят: такое количество эмигрантов власти Германии соглашались пропустить через свою территорию. Не от Ромберга ли шведские дипломаты получили эти данные?

Итак, телеграмма из Берна была отправлена 7 апреля. А была ли она получена? Да, была. В черве скального подземелья Государственного архива Швеции удалось найти реестр входящих документов шведского МИД за январь—июль 1917 года. Это огромная — величиной с газетную страницу — книга с пре-

¹ Riksarkivet. UD Beskickningar. Bern, Gr. 21 u.

красной белой бумагой, разлинованной на графы. В ней оказалась запись о том, что в тот же день телеграмма была получена в Стокгольме и зарегистрирована под номером 71-а. Полный текст записи выглядит так:

«7.4. № 71-а. Отправлено 7.4. Телеграмма, касающаяся проезда через Швецию русских нигилистов»¹.

На этой телеграмме значатся слова: «К моему посланию № 78». Это прямо говорит о том, что представитель Швеции в Берне отправил еще и некое письмо. Какое?

В той же папке «21-ю» удалось найти черновик этого письма. Оно называлось: «О разрешении проезда в Россию через Германию русским революционерам» (все-таки революционерам, а не нигилистам!). Послание адресовано «Его превосходительству господину Линдману, министру иностранных дел».

Это уже солидная находка! Правда, чтобы прочесть письмо, пришлось основательно потрудиться. Документ написан тем особым стилем, который был принят в те времена в дипломатических кругах, и очень трудным для понимания почерком.

На черновике нет подписи, но все говорит за то, что его автор — один из руководителей дипломатического представительства Швеции в Швейцарии. Почему? Этим почерком написаны многие документы, хранящиеся в архивах шведского посольства в Берне, и резолюции на письмах, поступивших в это учреждение. Кстати, этой же рукой составлен черновик послания генеральному консулу Швеции в Женеве барону де Гееру с благодарностью за помощь (о нем речь пойдет ниже).

Клишированную подпись, очевидно, должна была

¹ Riksarkivet. UD Beskickningar. 1—7 1917 Inkommande I A. V 60.

поставить секретарь-машинистка, которая, без сомнения, легко разбирала почерк автора. Пришлось привлечь в помощники знакомого шведского журналиста, чтобы разобрать эти хитроумные каракули. Через день письмо было напечатано на машинке по-шведски. А потом мы перевели его на русский. Приводим полный текст этого документа:

· «Берн, 2 апреля 1917 г.

Господин министр,

· Как Вашему превосходительству хорошо известно, Швейцария считалась русскими политическими эмигрантами как ныне, так и прежде излюбленным местом прибежища. Вследствие этого во всех крупных городах страны были образованы большие русские колонии, состоящие чаще всего из более или менее опасных для общества элементов.

Согласно полученному сегодня сообщению от шведского генерального консула в Женеве, немецкое правительство продолжает обсуждать вопрос о разрешении возвращения в Россию через Германию проживающим в настоящее время в Швейцарии русским, которые, приехав на родину, будут всеми средствами, по всей вероятности, бороться против буржуазных тенденций в своей стране и поддерживать царящее там движение противников войны.

· Барон де Гесср получил это сообщение от своего французского коллеги в Женеве. Я часто констатировал, что подобные получаемые неофициальным путем от дипломатических и консульских служащих в Швейцарии сведения, касающиеся предполагаемых мер Германии, являются не совсем надежными, и я, разумеется, не хочу ручаться за это сообщение.

Если все же подобные меры со стороны Германии не окажутся за пределами мыслимого и для Швеции в этом случае стало бы менее приемлемым предоставление приюта подобным революционным элементам,

я считаю крайне необходимым уведомить Ваше превосходительство для принятия соответствующих мер, с тем чтобы за этими названными выше лицами был установлен, по их прибытии в Швецию, тщательный надзор, а также, если возможно, чтобы воспрепятствовать их пребыванию в стране дольше, чем это необходимо»¹.

Письмо, как видим, крайне любопытно. В Лондоне и Париже, судя по всему, разузнали все-таки о том, что русские революционеры, прежде всего большевики во главе с Лениным, занимались поиском путей возвращения в Россию в условиях продолжавшейся мировой войны и что они в конце концов остановились на варианте проезда через Германию. Шведский генеральный консул в Женеве барон де Геер, надо полагать, неспроста «получил это сообщение от своего французского коллеги». Власти Франции и Англии явно предупреждали правительство Швеции. Интересно также, что дипломатический представитель Швеции в Берне не захотел ручаться за достоверность этих сведений. Очевидно, план Ленина показался ему или слишком смелым, или маловероятным. Тем не менее он счел за благо высказать свои откровенные рекомендации Стокгольму: приюта в Швеции этим революционным элементам не предоставлять, установить за ними тщательный надзор и поскорее выпроводить их из страны.

Отправив это донесение в Стокгольм, его автор тут же принялся за составление еще одного послания, на этот раз барону де Гееру. Судя по всему, функции генерального консула Швеции в Женеве выполнял не швед, а швейцарец или француз. Письмо, во всяком случае, составлено на французском языке.

¹ Riksarkivet. UD Beskickningar. Bern, Gr. 21 u.

Мне удалось найти черновик этого письма все в той же папке «21-ю»:

«Господин барон, имею честь поблагодарить Вас за столь интересное донесение о намерении немцев разрешить русским революционерам, проживающим в Швейцарии, проехать через Германию для возвращения к себе домой.

Я не премину довести Ваше сообщение до сведения Его превосходительства господина министра иностранных дел, указав на его источник.

Что же касается вопроса об отказе визировать русские паспорта, которые не были в недавнем прошлом переписаны русским консулом вашего округа, то я сомневаюсь, оправдана ли эта мера. Как вы знаете, для въезда в Швецию необязательно иметь визы шведского консула или шведского представительства. Эти визы требуют государства, через которые пассажиры проезжают на пути в Швецию, для того, чтобы иметь некую гарантию того, что указанные лица не будут высланы обратно по прибытии на шведскую границу, а значит, не будут вынуждены еще раз пересекать их страны или даже остаться в них.

Немцы это знают очень хорошо. Если их намерения действительно таковы, как вы мне их излагаете, то они определенно не будут рисковать тем, что их план может быть открыт, если данные паспорта будут визироваться без шведской визы или будут визироваться в Дании или где-либо еще.

Мое мнение, следовательно, таково: поставить в известность королевское правительство, чтобы оно приняло необходимые меры для того, чтобы по прибытии на шведскую территорию русские путешественники попали под наблюдение более строгое, чем это было до сих пор, и чтобы пребывание в Швеции лиц, которые могут рассматриваться как нежелательные, было как можно короче.

Еще раз благодарю вас за ваше сообщение и прошу вас, господин генеральный консул, принять уверения в моих лучших чувствах»¹.

В этом письме тоже имеется несколько интересных моментов. Во-первых, в нем опять подчеркивается необходимость установить за нежелательными в Швеции русскими революционерами слежку более строгую, чем это было до сих пор, и максимально сократить время их пребывания в Швеции. Во-вторых, явный интерес представляет вопрос о визах. Видимо, перед бароном де Геером возник вопрос о том, нужно ли ставить шведские визы на паспорта русских революционеров. Русский консул, как можно догадаться по письму, возражал против выдачи шведских виз, дабы затруднить всю эту поездку.

Но посольство Швеции в Берне со всей очевидностью высказалось против предложения не выдавать шведские визы русским политэмигрантам, мотивируя это так: транзитным пассажирам в те времена вообще не требовалось иметь шведскую визу, но она нужна была для того, чтобы путешественники смогли получить согласие других стран на проезд через их территорию.

Итак, посольство Швеции в Швейцарии подробно информировало шведские власти о группе русских политэмигрантов, выезжающих в Петроград. Как и указывалось в найденной в архиве телеграмме, в «следующий понедельник», то есть 9 апреля, Ленин и другие революционеры действительно отправились в путь и вечером 12 апреля прибыли в шведский порт Треллеборг, где их встречали Гримлунд и Гансский. А как же письмо посольства Швеции в Берне? Мне удалось выяснить, что в Стокгольме оно поступило с большим опозданием — тоже 12 апреля, возможно, всего за не-

¹ Riksarkivet. UD Beskickningar. Bern, Gr, 21 u.

сколько часов до прибытия группы. Об этом свидетельствует все та же огромная книга входящих документов шведского МИД. В ней я нашел такую запись:

«12.4. № 78. Отправлено 2.4. Служебное письмо, касающееся возвращения на родину русских революционеров через Германию»¹.

Таким образом, письмо из Берна находилось в пути целых 10 дней. Причину задержки понять несложно: в Европе шла война, и можно только догадываться о том, с какими трудностями сталкивались дипкурьеры на территориях воевавших стран.

Так не сыграла ли задержка письма свою роль в успехе всей поездки? Как знать. Дорога была опасной. Известно, что даже в нейтральной Швеции политэмигранты не исключали возможности ареста или прямой физической расправы. Вот почему они старались не разглашать сведения о своем путешествии. Разумеется, шведские власти успели узнать о приезде группы революционеров, но круг информированных людей, очевидно, был еще узок.

¹ Riksarkivet. UD Beskickningar. 1—7 1917 Inkommande I A V. 60.

ГЛАВА VII

ВСТРЕЧА НА ВОКЗАЛЕ «СЕНТРАЛЕН»

Стокгольм.

Утро 13 апреля 1917 года

А теперь вернемся к путешественникам, которых мы оставили в поезде на пути от Сёдертелье к Стокгольму. Помните, неожиданное вторжение корреспондентов утром 13 апреля вызвало у революционеров недоумение. Это состояние явно почувствовали и журналисты. В крупнейшей по тем временам шведской газете «Дагенс нюхетер» я обнаружил следующее свидетельство:

«Когда сотрудник «Дагенс нюхетер» встретил путешественников в Сальтсуге, они были очень обеспокоены тем, что их поездка стала известной. Они категорически отказались давать какие бы то ни было сведения о том, кто они, и вообще что-либо говорить о себе и своей поездке»¹.

Откуда все же корреспонденты узнали о проезде революционеров?

В левосоциалистической газете «Политикен», правда, была опубликована (6 апреля 1917 года) статья «Ленин — вождь русского левого социализма». В ней говорилось о том, что в скором времени Ленин должен вернуться в Россию. Но говорилось вообще, без каких бы то ни было указаний на конкретную дату или маршрут.

Интересно, что эту статью написал В. В. Воровский — русский большевик, живший в Стокгольме, а потом ставший первым полпредом Советской России

¹ Dagens Nyheter. 1917. 14.IV.

в Швеции. Статью сопровождала фотография Владимира Ильича — та самая, которую Ленин вместе с портретом Зиновьева послал Ганецкому в Стокгольм в попытке найти глухонемого шведа, под видом которого он намеревался проехать через Германию. В статье «Политикен» говорилось:

«Ленин, портрет которого помещен выше, один из самых замечательных вождей русской социал-демократии. Он вырос из массового движения русского пролетариата и рос вместе с ним; вся его жизнь, его мысли и деятельность неразрывно связаны с судьбами рабочего класса. В счастье и несчастье, в момент бурного революционного подъема и в долгие годы бешеного разгула реакции он оставался верен интересам русского и международного пролетариата и для него была лишь одна цель — социализм, лишь одно средство — классовая борьба, лишь одна опора — революционный международный пролетариат...

Самое характерное в этом человеке — неистощимая энергия и его необычайная определенность в принципах, которая помогала ему в годы реакции остаться верным революционной социал-демократии и собрать своих единомышленников вокруг знамени Интернационала. После начала войны он выступил так же, как непримиримый враг ведущих войну буржуазных классов и их социал-демократических попутчиков, и стал одним из самых энергичных борцов за Циммервальд. Вскоре Ленин вернется в освобожденную Россию, где товарищи ждут с нетерпением приезда желанного вождя»¹.

Ясно, что из этой статьи никто не мог узнать, что Ленин 12 апреля объявится в Швеции. В ней об этом ничего не говорилось. Откуда все же газетчики узнали новость?

¹ Цит. по: Дашков Ю. По ленинским местам Скандинавии. С. 190.

У меня есть основание утверждать, что мы имеем дело с утечкой информации, которая произошла накануне, то есть 12 апреля, скорее всего в Мальмё, где шведские левые социал-демократы устраивали для путешественников ужин в отеле «Савой».

В этом убеждают такие факты.

1. Дело в том, что стокгольмские утренние газеты уже 13 апреля сообщили, что «сегодня утром поездом из Мальмё в Стокгольм прибывает группа русских революционеров...». А ведь газеты, как мы знаем, верстаются с вечера, значит, новость была известна уже вечером 12 апреля.

2. Еще большую ясность внесла найденная мною заметка в крупной буржуазной газете западного побережья Швеции «Гётеборгс-постен». Утром 13 апреля она писала:

«Мальмё, 12 апреля. Сегодня сюда по пути в Россию прибыли 32 русских политических эмигранта. Путники прибыли из Швейцарии через Засниц — Треллеборг... Вечером они отбыли в Стокгольм»¹.

3. Однако самую большую информированность проявила «Дагенс нюхетер». Просматривая ее подшивку, я обнаружил, что утром 13 апреля она сообщала весьма подробные сведения:

«Во время пребывания в Мальмё русские были приглашены в кафе гостиницы «Савой», и одному из репортеров «Дагенс нюхетер» удалось обменяться с ними несколькими словами... Во время пребывания в Стокгольме русские будут жить в отеле «Регина», в котором им на четверг заказал комнаты член парламента Фредрик Стрём. На вопрос сотрудника «Дагенс нюхетер» он заявил, что ему не известно, кем являются эти путники, и что он только получил задание заказать им номера»².

¹ Göteborgs-Posten. 1917. 13. IV.

² Dagens Nyheter. 1917. 13. IV.

Как видим, уже в Мальмё, то есть всего через несколько часов после приезда революционеров в Швецию, с ними попытался встретиться репортер буржуазной газеты, а другая газета указала точное число участников поездки. Корреспонденты сумели даже узнать, что в Стокгольме политэмигранты будут жить в гостинице «Регина» и что места им там заказывал левый социал-демократ Фредрик Стрём! Да, все было действительно так. Сохранилось свидетельство Стрёма:

«Я снял с десятков комнат в гостинице «Регина» на Дроттнинггатан и заказал кофе, яйца, масло, хлеб на несколько десятков человек»¹.

Можно предположить, что кто-то из шведских левых социал-демократов, участвовавших во встрече с русскими революционерами в Мальмё, не устоял перед соблазном поделиться новостью с журналистами, а может быть, ее узнали каким-либо другим путем.

Но это еще далеко не все. Информация в газете «Дагенс нюхетер» была озаглавлена так: «30 русских революционеров по пути на родину через Стокгольм». А ниже был помещен подзаголовок: «Среди путников, как сообщается, находится известный лидер партии Ленин»².

Вот оно как! Не приходится сомневаться, что уже 12 апреля шведские газеты знали не только о прибытии группы политэмигрантов, но и о том, что среди них был Ленин.

Надо ли говорить, что утечка информации таила в себе огромную опасность. История знает, что в Швеции были люди, готовые на крайние меры, в частности барон Пальмшерна, который вынашивал план убийства Ленина. Об этом он прямо, без ложной дипломатии, рассказал в своих мемуарах, вышедших в свет в Шве-

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. С. 99.

² Dagens Nyheter. 1917. 13.IV.

ции в 1958 году. 23 апреля 1918 года, год спустя после проезда Ленина, в своих дневниках Пальмшерна сделал такую запись:

«Гулькевич, русский посол, который был у нас на одном из «вторников» моей жены для дипломатического корпуса, хотел вещать от имени России. Выглядело так, будто большевики хотели бы примириться со старой системой и использовать ее людей.

Я рассказал Г., что когда Ленин в свое время проезжал через Стокгольм, я позвонил Бр. и сказал: «Ты же знаешь Керенского. Скажи ему, что Ленин прибывает следующим поездом и должен быть застрелен или посажен в тюрьму при переезде границы. Телеграфируй ему». Бр. только засмеялся и сказал: «Ты глуп. Так не делают», но я прервал его по телефону: «Ты устаревший либерал 80-х годов, а сейчас нужны люди, которые могут действовать». Бр. дал отбой, смеясь во все горло. Гулькевич, наоборот, понимал ситуацию и сказал со слезами на глазах: «Дорогой барон, судьба России была в ваших руках!»

Подумайте, если бы Бр. последовал моему совету!»¹

Откровенно заявлено, ничего не скажешь!

Под обозначением «Бр.» Пальмшерна имел в виду Карла Яльмара Брантинга, одного из лидеров социал-демократической партии Швеции, который действительно достаточно хорошо знал Керенского. После Февральской революции он ездил в Россию и встречался там с ним. Позже, когда империалистические силы развязали военную интервенцию против молодой Республики Советов, Брантинг высказывался за интервенцию, но тогда, в апреле 1917 года, как видим, он считал возможным отказаться от предложения Пальмшерны принять участие в физической расправе над Лениным.

¹ Erik Palmstierna. Orostid. II 1917—1919. Stockholm, 1958. S. 163.

Как известно, с революционерами в Швеции ничего не случилось. Но они сразу же попали под пристальную слежку агентов полиции.

...Когда поезд с политэмигрантами приближался к Стокгольму, полицейские шпики в штатском уже жались по углам столичного вокзала «Сентрален». Им было приказано взять под пристальный надзор Ленина и его спутников. Но поезд опаздывал, приходилось ждать, а ждать было неуютно. В Стокгольме в тот день была сырая, промозглая погода.

На зарисовку встречи путников в Стокгольме я наткнулся, просматривая вечернюю газету «Афтонбладет» за 13 апреля 1917 года. Газета по тем временам считалась правой, однако ее заметка под заголовком «К свободе!» была выразительной:

«Серым холодным утром в пятницу 13 апреля проясняться стало только к 10 часам. На улице возле вокзала было ветрено, слякотно и почти безлюдно. На перроне шестого пути стояли небольшие тесные группы встречающих, главным образом, очевидно, русских, которые собрались приветствовать возвращающихся на родину соотечественников. Речь идет о 30 русских революционерах, которые были высланы из России за свои свободололюбивые идеи и которые сейчас слут домой через Стокгольм.

В начале одиннадцатого к перрону подошел длинный состав. С площадки одного из последних вагонов послышался возглас молодого темноволосого человека в сером пиджаке и с ярким красным бантом на груди. Небольшой отряд встречающих русских бросился по перрону вперед, а в следующее мгновение сами путники уже выпрыгивали из поезда. Под ликующие крики они обнимали друзей»¹.

Сейчас, наверное, уже трудно со всей определенно-

¹ Aftonbladet. 1917. 13.IV.

стью установить, кто был тот «молодой темноволосый человек в сером пиджаке и с ярким красным бантом на груди». Но заметка в «Афтонбладет» тем не менее помогает нам лучше почувствовать теплоту и радость встречи.

Встречать Ленина и его спутников, совершивших столь необычную поездку через враждебную Германию, пришли русские эмигранты, жившие тогда в Швеции, в частности В. В. Воровский, А. И. Хавкин и другие.

Тут были и руководители шведских левых социал-демократов — бургомистр Стокгольма Карл Линдхаген, член парламента Фредрик Стрём, редактор газеты «Политикен» Туре Перман и другие. На перрон пришли журналисты, представители фото- и кинохроники. Встреча оказалась очень теплой и радостной.

Фотокорреспондент газеты «Дагенс нюхетер» Викке Мальмстрём сделал несколько фотографий, на которых запечатлел Ленина и других революционеров, выходивших из здания вокзала в сопровождении шведских левых социал-демократов. Теперь эти снимки считаются историческими. Ганецкий свидетельствует также: «На станции делают кинематографические снимки, и Владимиру Ильичу никак не удастся пройти незамеченным»¹.

Вся группа вышла из здания вокзала на улицу Васэгатап, перешла ее и свернула в один из переулков, направляясь к отелю «Регина», который находился на Дроттнинггатап и в котором революционерам были заказаны номера.

Каким же предстал Ленин шведским социал-демократам? В мемуарах Фредрика Стрёма «В бурное время», опубликованных в 1942 году, есть глава, по-

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2. С. 379.

священная встреча с Лениным в Стокгольме. Вот что он там пишет:

«Ленин был одет, как рабочий, вышедший на воскресную прогулку в неустойчивую погоду: длинное пальто, в котором он почти утонул, зонтик, мягкая фетровая шляпа, очень потертая, ботинки с толстыми подошвами, пригодные для снега и для дождя. У него были усы, коротко стриженная бородка, выразительные живые глаза, быстрые жесты. Несмотря на небольшой рост, он казался локомотивом. В этом скромном человеке жили удивительные силы»¹.

И такую характерную деталь подметил Стрём, описывая русских революционеров:

«Они были бедно одеты, тащили большие узлы и потертые чемоданы. Портье не хотел их пускать, решив отослать в одну из гостиниц в квартале Клара. Когда я запротестовал и гарантировал, что гостиница будет оплачена, портье пропустил русских...»².

Стрём писал также:

«Еще на вокзале Ленин заявил, что торопится домой, в Россию... поэтому сможет остаться в Стокгольме только до вечера. Он почти бежал в гостиницу»³.

Да, у Ленина были очень веские основания торопиться в Петроград. Один из русских большевиков — Хавкин, живший в Швеции и встречавший Ленина на вокзале «Сентрален», писал впоследствии:

«Он не хотел ни одного лишнего дня оставаться в городе. Владимир Ильич говорил:

— Вы знаете, во сколько обходится российскому пролетариату каждый лишний день пребывания у власти контрреволюционного буржуазного правительства? В России мы нужны немедленно. Дорог каждый час»⁴.

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. С. 100.

² Там же. С. 99.

³ Там же. С. 100.

⁴ Хавкин А. И. Встреча в Стокгольме // Известия. 1940. 21 апр.

ГЛАВА VIII

«ПОЛИТИКЕН», «СВЕНСКА ТЕЛЕГРАМБЮРО» И ДРУГИЕ

Стокгольм, наши дни

ЧТО РАССКАЗАЛИ ПОДШИВКИ СТАРЫХ ГАЗЕТ

В Стокгольме Ленин первым делом передал для публикации газете «Полииткен» официальное коммюнике о проезде через Германию, которому он придавал чрезвычайно большое значение, ведь в нем детально объяснялись причины, которые вынудили русских революционеров проехать через территорию Германии в надежде попасть как можно скорее в революционную Россию. Это было 13 апреля. Вечером того же дня «Полииткен» опубликовала на первой полосе текст этого коммюнике. Приводим его полностью:

«ПРОЕЗД РУССКИХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ ЧЕРЕЗ ГЕРМАНИЮ

Коммюнике группы

Русские революционеры, прибывшие в пятницу утром в Стокгольм, передали «Politiken» для опубликования следующее официальное коммюнике относительно своей поездки:

Англия, официально с «радостью в сердце» приветствовавшая русскую революцию, сделала все, чтобы тотчас же свести на нет *один* из результатов революции — *политическую амнистию*. Английское правительство не пропускает в Россию живущих за границей русских революционеров, которые выступают против войны. После того как это было бесспорно доказано, — данный факт подтвержден множеством материалов,

которые в самое ближайшее время будут опубликованы, и русские социалисты *всех* направлений констатировали это в единодушно принятой резолюции — часть русских партийных товарищей приняла решение попытаться вернуться из Швейцарии в Россию через Германию и Швецию. *Фриц Платтен*, секретарь швейцарской социал-демократической партии и лидер ее левого крыла, известный интернационалист и антимилитарист, вел переговоры с немецким правительством. Русские партийные товарищи требовали для своего поезда *права экстерриториальности* (никакого контроля паспортов или багажа; недопущение кого бы то ни было из чиновников в их вагон). В числе едущих мог быть любой человек, независимо от его политических взглядов, при условии, что русские сами одобряют его кандидатуру. Русские партийные товарищи заявили, что потребуют за это освобождения австрийских и немецких гражданских лиц, интернированных в России.

Немецкое правительство приняло условия, и 9 апреля из Готтмадингена выехали 30 русских партийных товарищей, мужчин и женщин, в том числе *Ленин* и *Зиновьев*, редакторы «Социал-Демократа», Центрального Органа русской социал-демократии, редактор «Начала» в Париже *Миха Цхакая*, один из основателей кавказской социал-демократии, который в свое время ввел в партию Чхендзе, а также несколько членов еврейского рабочего Союза. Руководителем поездки был *Фриц Платтен*, который один вел все необходимые переговоры с сопровождавшими поезд представителями немецкого правительства.

На протяжении трех дней проезда через Германию русские партийные товарищи не покидали вагона. Немецкие власти совершенно лояльно выполнили соглашение. 12-го сего месяца русские прибыли в Швецию.

Перед отъездом из Швейцарии был составлен протокол обо всех приготовлениях к поездке. Познакомив-

шись с этим документом, *Анри Гильбо*, представитель французской социал-демократической группы «*Vie Ouvrière*» и редактор «*Demail*», один из руководителей радикальной французской оппозиции в Париже, имя которого в настоящее время не может быть названо¹; *Пауль Гартштейн*, член радикальной немецкой оппозиции; *М. Бронский*, представитель русско-польской социал-демократии, и *Фриц Платтен* подписали заявление, в котором выразили полное одобрение образа действия русских партийных товарищей»².

Факт передачи Лениным коммюнике известен широко. Он зафиксирован в «Биографической хронике» Ленина, во многих исследованиях и публикациях, в которых рассказывается о приезде Ленина в Швецию в апреле 1917 года. В ходе поиска я много раз обращался к этим материалам. И мне бросилось в глаза, что ссылки в них давались практически только на одну ежедневную шведскую газету — «*Политикен*». Обычно сообщалось, что именно она опубликовала коммюнике группы и заявление социалистов-интернационалистов, поместила портрет Владимира Ильича и фотографии приезда, напечатала информацию о его пребывании в Стокгольме и другие материалы. В этом плане, правда, упоминается еще газета «*Стурмклокан*».

Спору нет, публикации в обоих изданиях имели большое значение, так как они принадлежали левым социал-демократам и могли в то время обеспечить наибольшую точность сообщений о действиях Ленина, что само по себе было важно. Однако тираж «*Политикен*» в 1917 году, как я выяснил, составлял всего девять тысяч экземпляров, а «*Стурмклокан*» и того меньше.

¹ Имеется в виду Ф. Лорио.

² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 487—488.

А как реагировала на возвращение Ленина в Россию и его пребывание в Швеции другая шведская пресса? Что писала она о Ленине и какие сведения представляла шведским читателям?

Мне показалось, что поиск в этом направлении может оказаться весьма перспективным, и я, не теряя времени, принялся за дело. Как раз в то время у меня кончалась очередная годовая шведская виза, в соответствии с которой корреспонденту «Известий» разрешалось пребывание в Швеции, и мне предстояла поездка в город Норчёпинг, в который шведские власти перевели иммиграционное управление, ведающее делами выдачи виз.

Норчёпинг — солидный промышленный центр — лежит на железнодорожном пути, соединяющем крупнейший город юга Швеции Мальмё со Стокгольмом. Так что в апреле 1917 года русские политэмигранты во главе с Лениным его проезжали. Вот почему я решил заглянуть в редакцию местной газеты, посмотреть ее подшивки и постараться выяснить, писала ли что-нибудь эта газета о проезде Владимира Ильича и его спутников.

Редакция газеты «Норчёпинг тиднинг» располагается на окраине города, совсем рядом с иммиграционным управлением. Двухэтажное здание было новым: очевидно, редакция не так уж давно сюда переехала. Левая часть фасада была вся сделана из темного стекла, а в фойе устроена выставка старых печатных машин.

Встретившись с сотрудниками газетного архива, прошу, если это возможно, ознакомиться с подшивкой газеты за апрель 1917 года. Одна из сотрудниц отдела взялась помочь мне.

— Подождите несколько минут, — сказала она, — я только схожу за пленками. Подшивки у нас пересняты на микрофильмы...

Весь архив помещался в одной комнате, в углу которой стоял аппарат для просмотра микрофильмов. К нему и пригласила меня сотрудница, когда принесла пленки. «Можете смотреть, а если захотите, мы сделаем копии статей», — пояснила она.

Включив свет в аппарате, начал крутить ручку: на небольшом экране замелькали газетные страницы. Январь, февраль, март, апрель... Газета «Норчёпинг тиднингар» была вечерней, и в номере за 13 апреля я увидел то, что искал и на что надеялся, не веря до самого последнего момента в успех. «30 миролюбивых русских революционеров в Стокгольме» — гласил заголовок на странице газеты. Далее шли крупные подзаголовки «Им разрешили проехать из Швейцарии через Германию. Англия отказала в проезде»¹. А затем была помещена информация о пребывании Ленина и других политэмигрантов в Стокгольме.

Эта находка обрадовала, она подтвердила правильность выбранного направления. Покрутив еще немного ручку, я убедился, что «Норчёпинг тиднингар» публиковала подробные сообщения о группе русских революционеров во главе с Лениным не только 13-го, но и 14 и 16 апреля. Мне помогли снять ксерокопии с этих материалов. Поблагодарив, я упрятал их в папку с твердым намерением продолжать, вернувшись в Стокгольм, изучение шведских газет.

Королевская библиотека — крупнейшее книжное и газетно-журнальное хранилище Швеции. Она находится в небольшом парке Хюмлегорден, совсем рядом с центром Стокгольма. В этом парке часто устраиваются митинги, а 1 Мая здесь обычно собираются трудящиеся столицы.

Хорошо известно, что именно в этой библиотеке не раз трудился Владимир Ильич во время своих посе-

¹ Norrköping Tidningar. 1917. 13.IV.

щений Стокгольма. Сейчас это массивное двухэтажное здание, окруженное старыми каштанами и кленами, выглядит не совсем так, как в те времена. В 20-х годах к этому зданию были пристроены флигели, а позже перестроили и главный читальный зал. При этом его обстановку полностью обновили. Но у самого входа в зал стоит старый деревянный стол, а на столе — небольшая книжная полка. Табличка на трех языках (шведском, русском и английском) рассказывает посетителям, что за таким столом в Королевской библиотеке работал Ленин.

К этому мемориальному столу часто приходят приезжающие в Стокгольм туристы из Советского Союза и других стран. Я много раз видел на столе букеты красных гвоздик, оставленные туристами. Администрация библиотеки издала (тоже на нескольких языках) брошюру «Ленин в Стокгольме», в которой, в частности, говорится и о посещениях Ильичем Королевской библиотеки. Там есть, например, такие строки:

«Общеизвестен большой интерес Ленина к книгам и библиотекам. Находясь в незнакомом городе, он часто разыскивал главную библиотеку. В Стокгольме такой библиотекой была тогда, так же как и теперь, Королевская библиотека в парке Хюмлегорден».

Эта библиотека поддерживает тесные связи с Библиотекой имени В. И. Ленина в Москве. Как-то москвичи прислали стокгольмским коллегам большую выставку советских книг, и дирекция выставила по этому поводу для обозрения книги регистрации посетителей за декабрь 1907 и сентябрь 1910 годов, в которых найдены росписи Ленина.

В эту библиотеку я и направился, чтобы заглянуть в старые подшивки. Для начала заказал стокгольмские газеты, их оказалось немало. Из ныне существующих тогда выходили «Дагенс нюхетер», «Свенска дагбладет» и «Афтонбладет». Помимо них еще издавались

упоминавшаяся «Политикен», а также социал-демократическая «Сосиал-демократен» и буржуазные «Стокгольмс дагблад», «Стокгольмс тиднинген», «Свенска моргонбладет» и «Нюа даглигт аллеханда». Теперь в Стокгольме гораздо меньше ежедневных газет: концентрация капитала сказалась и в этой области.

Некоторые провинциальные газеты тоже были просмотрены в Королевской библиотеке, а с целым рядом других изданий знакомился на месте. Во время командировок изучил газеты таких крупных шведских городов, как Гётеборг, Мальмё, Евле, Лулео, Хельсингборг, Эскильстуна, Йёнчёппинг, Упсала, Шеллефтео, Сундсвалль, и многих других.

Особое внимание было уделено тем городам (как правило, небольшим), которые лежали на пути следования политэмигрантов к северу от Стокгольма. Там издавались совсем крошечные провинциальные газеты, выходившие два-три раза в неделю тиражом в 1—3 тысячи экземпляров. Среди них встречались такие: «Юсдаль-постен» (город Юсдаль), «Авеста-постен» (Авеста), «Юснап» (Булнес), «Хапаранда нюхетер» (Хапаранда)— и другие.

В общей сложности мне удалось познакомиться с материалами тридцати восьми шведских газет. Большинство из них придерживалось буржуазной ориентации: они называли себя умеренными, то есть правыми, а также либеральными и «независимыми». Однако встречались социал-демократические и рабочие газеты.

В Европе тогда продолжались сражения первой мировой войны, и газеты конечно же печатали сводки боев. Выходившая в Мальмё газета «Арбетет», например, отсчитывала каждый новый день войны. 13 апреля 1917 года на ее страницах появился аншлаг — «984-й день войны». Газета пестрела заголовками: «Удачный прорыв французов», «Немцы признают поражение». Печатались сводки с Балканского и других фронтов.

Публиковалось сообщение Британского адмиралтейства о том, что в Ла-Манше наскочил на мину плавучий госпиталь «Альта». 52 человека погибли...

Однако не меньшее, а порой даже большее внимание шведские газеты уделяли событиям в России. После Февральской революции страна бурлила. Из Петрограда, Москвы и других городов России в Швецию поступали сведения о маневрах Временного правительства, направленных на продолжение участия России в войне, и действиях Советов рабочих и солдатских депутатов. Весьма показательно, что маленькая газета «Юснан» из города Булнес публиковала новости под рубрикой «Новая Россия».

Основная, самая главная информация поступала от корреспондентов шведского телеграфного агентства «Свенска телеграмбюро», находившихся в Петрограде. Любопытно, однако, что немало сведений о событиях в России шведские газеты получали из... Хапаранды. Да-да, не удивляйтесь. Этот шведский город расположен на северном берегу Ботнического залива по соседству с финским Торнео, их разделяет только река. А Финляндия в то время входила в состав России, и в финских городах распространялись русские газеты и журналы. Отделение «Свенска телеграмбюро» в Хапаранде получало газеты из Торнео и использовало их для составления информации.

Нетрудно догадаться, что широкие публикации шведских газет о России обуславливались огромным интересом населения Швеции к событиям в этой стране. Конечно же, этот интерес был различным у разных людей: одни читали новости о революционных событиях с восторгом, другие — со страхом и недовольством.

В этой обстановке в Швеции и появились сведения о том, что в стране проездом на родину находится группа русских революционеров во главе с Лениным. Как

же реагировала на эту новость печать нейтральной Швеции? Шведские газеты за апрель 1917 года дают на этот вопрос совершенно определенный и четкий ответ: к поездке Ленина и его спутников был проявлен огромный интерес. Ленина в Швеции, судя по всему, уже хорошо знали как руководителя русского революционного движения и вполне обоснованно связывали его возвращение в Россию с неизбежностью новых важных событий.

Конкретные результаты исследования газетных выступлений оказались такими: заметки и комментарии о прибытии в Швецию русских революционеров обнаружены в тридцати двух газетах из тридцати восьми обследованных. Процент, без сомнения, высок. В числе «отмолчавшихся» оказались прежде всего небольшие провинциальные издания, которые выходили редко и не успевали сообщать новости одновременно с крупными органами печати. Естественно, тридцать восемь газет — это далеко не вся шведская печать, однако можно, думается, считать этот высокий процент характерным для всей страны, так как исследованием были охвачены газеты самых разных районов Швеции и различных политических направлений.

Если же взять соотношение тех же газет не по их числу, а по тиражам, то этот процент окажется несравненно выше, так как материалы о Ленине и других революционерах поместили практически все более или менее крупные издания. Показательно, что больше всего публикаций появилось в ведущих стокгольмских газетах. Так, крупнейшая «Дагенс нюхетер» помещала материалы о Ленине и его спутниках 13, 14, 15 и 16 апреля и каждый раз на первых страницах, причем 14 апреля эти материалы занимали ровно половину первой полосы.

Нетрудно догадаться, что среди материалов встречались выпады и откровенные выдумки. Например, та

же «Дагенс нюхетер», на которую тогда ссылались не меньше, чем на телеграфное агентство, запустила на страницы шведских газет вымысел о том, что Ленин-де обсуждал в Стокгольме с левыми социал-демократами Швеции планы «русско-немецкого сепаратного мира». Заметки на сей счет со ссылкой на «Дагенс нюхетер» появились во многих провинциальных газетах. Однако через сутки «Дагенс нюхетер» и те издания, которые поверили было ее вымыслу, вынуждены были напечатать опровержение одного из участников встречи с Лениным — Фредрика Стрёма.

Но наряду с домыслами в газетах Швеции появилось довольно много объективной информации о Владимире Ильиче и других революционерах, которая содержит немало чрезвычайно интересных сведений.

Я уже отмечал, что в Стокгольме, когда революционеров взяла под опеку влиятельная группа левых социал-демократов, Ленин поставил цель широко обнародовать мотивы проезда через территорию враждебной России страны. Поэтому он и передал в газету «Политикен» официальное коммюнике группы под названием «Проезд русских революционеров через Германию».

Так только ли читатели «Политикен» познакомились с этим коммюнике? Мне удалось определить, что с ее страниц этот важнейший документ был полностью перепечатан в пяти столичных буржуазных газетах — «Дагенс нюхетер», «Свенска дагбладет», «Стокгольмс тиднинген», «Свенска моргонбладет» и «Нюа даглигт аллеханда»! А в изложении или в сокращенном варианте оно было опубликовано еще в двадцать одной шведской газете.

Таким образом, с содержанием документа познакомились читатели двадцати семи газет из тридцати восьми! Причем, как правило, всех крупнейших.

Ряд редакций предпослал ему выразительные за-

головки вроде таких: «Англия препятствует возвращению на родину настроенным в пользу мира русским революционерам» («Сконска дагбладет», Мальмё), «Англия выступает против мирных тенденций в России» («Вэстерботтенс-курирен», Умео), «Знаменательное коммюнике» («Упсала», город Упсала).

Надо ли говорить, насколько важной была публикация этих документов! Ведь противники Ленина уже начинали против него лживую клеветническую кампанию, утверждая, что, проехав через Германию, он, мол, пошел на «сговор с немцами».

Таким оказался первый результат исследования. Но он был далеко не единственным.

В некоторых провинциальных газетах было все так, как и в столичных изданиях: публиковалась информация о прибытии русских политэмигрантов, излагалось коммюнике, приводились сведения о встрече со шведскими левыми социал-демократами. Но вдруг перед одной из заметок появилась ссылка на шведское телеграфное агентство «Свенска телеграмбюро». Что бы это значило?

Когда еще в нескольких провинциальных газетах под теми же самыми материалами снова были обнаружены ссылки на «Свенска телеграмбюро», стало понятно, что газеты принесли еще одно интересное открытие: информация о пребывании Ленина в Швеции не просто перепечатывалась другими газетами из «Политикен», а распространялась по всей стране шведским телеграфным агентством.

Правда, многие газеты снимали ссылки на агентство, заменяя их на многообещающее «Приватно для нас», «От нашего корреспондента» или что-то в этом духе. Эти маленькие хитрости понятны. Таким манером редакции старались поднять свой авторитет в глазах читателей. Однако кое в каких провинциальных изданиях, как отмечалось выше, ссылки сохранились и

путем сравнения заметок стало возможным определить автора. Старейшая шведская рабочая газета «Норршенсфламман» из северного города Лулео, скажем, не лукавила. Ее информация в номере за 14 апреля звучала так:

«Стокгольм, 13 апреля («Свенска телеграмбюро»). Прибывшие сегодня в Стокгольм русские революционеры передали в газету «Политикен» коммюнике, в котором они сообщили, что Англия сделала все для того, чтобы воспрепятствовать амнистии настроенных в пользу мира революционеров, и что английское правительство не пропускает в Россию тех живущих за границей революционеров, которые выступают против войны. После того как это было бесспорно доказано, часть русских революционеров, находившихся в Швейцарии, решила возвратиться в Россию через Германию и Швецию. Переговоры с немецким правительством вел секретарь швейцарской социал-демократической партии Платтен...

Германское правительство совершенно лояльно выполнило соглашение, и русские прибыли в Швецию 12 апреля»¹.

Эта выдержка присутствует почти во всех провинциальных газетах, опубликовавших коммюнике. В данном случае, как видим, документ давался в изложении. Рассылался ли полный текст, выяснить сложно. Он попался только в стокгольмских изданиях, которые ссылок вообще никаких не давали.

Однако удалось определить, что «Свенска телеграмбюро» распространило целую серию сообщений о приезде революционеров в Стокгольм. Они тоже появились во многих газетах. В «Норршенсфламман», например, 14—16 апреля было опубликовано пять заметок «Свенска телеграмбюро» о Ленине и его спутниках. В част-

¹ Norrskens Flamman. 1917. 14.IV.

ности, было разослано и упоминавшееся опровержение Ф. Стрёма. Привожу его по газете «Умебладет» из города Умео:

«Стокгольм, 15 апреля («Свенска телеграмбюро»). Шведское телеграфное агентство получило от члена парламента Фредрика Стрёма следующее заявление: в связи с тем, что в ряде появившихся ранее в печати сообщений, в которых упоминалась в том числе и моя фамилия, говорилось, что на днях здесь состоится конференция между русскими социалистами и шведскими левыми социалистами, на которой будут обсуждаться предложения о социалистической акции в поддержку сепаратного мира между Россией и Германией, я настоящим заявляю, что эти сообщения в прессе являются полностью вымышленными. Никакой подобной конференции, насколько известно мне и другим названным в печати лицам, не проводилось»¹.

После этих заключений вполне логично возникла мысль познакомиться с оригиналами материалов о В. И. Ленине и других русских революционерах, которые рассылались в газеты. А вдруг редакции сокращали заметки и в оригиналах сохранились интересные сведения? Или, может быть, существовали материалы, вообще не увидевшие по ряду причин свет?

Я отправился в Шведское телеграфное агентство ТТ, которое является наследником «Свенска телеграмбюро». Агентство помещается в самом центре столицы, который отмечен несколькими высотными зданиями-башнями, поставленными в ряд вдоль улицы Свея-вэген. В них расположены многочисленные конторы и учреждения стокгольмского сити. В одном из этих зданий на шестнадцатом этаже расположилось агентство ТТ. Однако тут ждала неудача.

— К сожалению,— сказал принявший меня шеф-

¹ Umbladet. 1917. 16.IV.

редактор внутренней информации агентства Э. Э. Ларсон, — материалов за 1917 год у нас уже нет, мы давно передали их в Государственный архив Швеции.

Опять поехал в Государственный архив Швеции. Дежурный архивариус на берегу Рыцарского залива долго листал каталоги. Наконец он вышел из-за шкафов и развел руками:

— Часть архивов «Свенска телеграмбюро» по несчастному случаю пропала. Это архивы за 1917—1938 годы. Как так? Они исчезли, их нет в природе...

Это было хуже. Кажется, приходилось расстаться с мыслью увидеть оригиналы сообщений. Решил отправиться в архив города Стокгольма.

В городском архиве мне хотелось докопаться до материалов стокгольмской полиции за апрель 1917 года, среди которых, возможно, хранятся агентурные донесения о русских революционерах, проезжавших через Швецию. Заказал несколько архивных папок из числа общедоступных и сел читать. Ничего существенного. В одной папке собраны заявки... оркестров на исполнение произведений зарубежных композиторов (на это нужно было получить разрешение), а в другой — объявления о собраниях, митингах и демонстрациях. Одно из них гласило:

«4 мая 1917 года.

Общественное собрание. О русской революции.

Докладчик Хинке Бергегрен.

Адрес — Вэстманнагатан, 59. Вход — 25 эр».

Да, революционеры в это время уже были в Петрограде, но мне хотелось привести текст этого объявления потому, что докладчик Хинке Бергегрен неоднократно встречался в Стокгольме с Лениным. В 1907 году они вместе, например, ходили в Королевскую библиотеку. В книге регистрации посетителей за 31 декабря 1907 года рядом с росписью «Д. Фрей» (Ленин)

и «г-жа Фрей» (Крупская) стоит и фамилия Бергер-
рена.

В остальных папках вовсе ничего не нашел. Я уже закрывал их, когда ко мне подошел сотрудник архива и сказал, что звонили из Государственного архива и просили срочно приехать. Когда влетел в помещение Государственного архива, дежурный архивариус встретил меня ослепительной улыбкой.

— Хорошо, что вы вернулись,— сказал он.— Я консультировался со специалистами по газетным архивам и они подсказали, что недавно был составлен еще один — дополнительный каталог по восстановленным материалам «Свенска телеграмбюро». Эти материалы теперь имеются до 1919 года. Смотрите...

И мы вместе склонились над каталогом. Просматриваем разделы сообщений шведского агентства за 1917 год из соседних Скандинавских стран, Англии, Италии, России, из Балканских государств. Сообщений очень много, но... в каталоге нет основного — внутренних сообщений по Швеции, а ведь именно по этому разделу должна была проходить информация о группе политэмигрантов.

— Это последнее, больше у нас ничего нет,— сокрушался архивариус.

Значит, все-таки неудача... Я поблагодарил архивариуса за помощь и сказал ему, что, несмотря ни на что, хотел бы воспользоваться этим каталогом и узнать, какие сообщения передавало «Свенска телеграмбюро» в апреле 1917 года из Петрограда.

В заказанной папке («Свенска телеграмбюро», П № 561) я увидел сброшюрованные продолговатые листы с бледно-голубым машинописным текстом. Он явно «состарился», так что местами его прочитать не так-то просто. Все же кое-что разбираю.

В сообщениях за 12 апреля агентство передавало: юг России пострадал от наводнений, широко разлились

реки Дон и Донец, а 14 апреля «Свенска телеграфбюро» телеграфировало о том, что в Петроград из-за границы прибыл «известный русский эмигрант Георгий Плеханов».

В отличие от Ленина англичане дали Плеханову и его сторонникам, выступавшим «за защиту отечества», «за войну до победы», возможность вернуться в Россию с почестями и без всякой задержки на британском крейсере в сопровождении эсминцев (!).

Неизбежно возникает вопрос: а что, прежде никто не заглянул в шведские газеты и не изучил, что и как они писали о возвращении Ленина в Россию? Это за столько лет? Мне трудно, разумеется, отвечать за всех, но свою точку зрения на сей счет готов высказать. Может быть, кто-то и заглядывал в эти газеты, но мне не приходилось встречать, как я уже отмечал, ни в советской, ни в шведской литературе о приезде Ленина упоминаний в других газетах, кроме «Политикен» и «Стурмклокан».

Почему так получилось? Трудно сказать. Видимо, в первые годы после революции этим просто некому было заняться. Представителем Страны Советов в Швеции, как известно, был В. В. Воровский, но у него конечно же было много хлопот и дел куда как более срочных. После установления дипломатических отношений между СССР и Швецией советское посольство на первых порах было небольшим по составу. Его сотрудникам тоже, очевидно, было не до этого.

Александра Михайловна Коллонтай, которая в течение многих лет была послом СССР в Швеции, хорошо знала перипетии возвращения Ленина в Россию, и ей, судя по всему, не приходила мысль поручить кому-то из дипломатов полистать старые подшивки газет. Потом была война...

Дело стало меняться в 60—70-е годы, когда в поиск неизвестных или забытых данных о проезде Ленина через Швецию включились некоторые корреспонденты советских газет, получившие возможность открыть в этой стране свои корпункты. Среди этих корреспондентов прежде всего следует отметить Ю. Дашкова («Сельская жизнь»), который много сделал для возвращения из забвения фактов о пребывании Владимира Ильича в Швеции, Финляндии и Дании.

И я благодарю судьбу за то, что смог принять участие в этой работе. Началось все так: как-то в библиотеке посольства СССР в Швеции я листал «Биографическую хронику» Владимира Ильича и обратил внимание на то, что в записях о днях, проведенных Лениным в Швеции, имелись временные провалы. Почему так? Какие-то факты утеряны или забыты? — подумал я и стал размышлять, что бы тут можно было предпринять. Эти размышления и привели меня в архивы и библиотеки.

ГЛАВА IX

ВСТРЕЧИ В ОТЕЛЕ «РЕГИНА»

Стокгольм.

13 апреля (первая половина дня) 1917 года

Итак, Ленин провел в Стокгольме всего несколько часов: поезд из Мальмё прибыл на «Сентрален» в 10 часов утра с минутами, а выезд был назначен на 18.37. Чем же были заполнены эти часы в первой половине дня?

...Г. Е. Зиновьев потом признавался, что у него лично пребывание в шведской столице не оставило особых впечатлений. В своих воспоминаниях он более подробно описывал проезд через Финляндию и особенно прибытие в Петроград. Стокгольм же... Вот его слова:

«Волнение, которое все мы переживали, как-то стерло впечатление времени и пространства. Слабый след остался в памяти от Стокгольма. Машинально ходили по улицам, машинально что-то закупали из самого необходимого для поправления неказистого туалета Владимира Ильича и других и чуть ли не каждые полчаса спрашивались о том, когда же уходит поезд в Торнео?»

Картина русских событий и в Стокгольме крайне еще неясная. Двусмысленная роль Керенского не вызывает уже сомнений. Но что делает Совет? Так ли уже вселился в Совете Чхеидзе и К^о? За кого большинство рабочих? Какую позицию заняла большевистская организация? Все еще неясно¹.

Понятно, что в столице Швеции политэмигранты

¹ Платтен Ф., Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 120.

получили не так уж много информации о том, что происходило в последние дни в Петрограде. Вопросы, которые задавал Г. Е. Зиновьев, звучат красноречиво. Что же касается «машинальных» действий в Стокгольме, то это, наверное, касалось многих участников поездки: все они скорее спешили на родину и мало, судя по всему, внимания уделяли тому, что происходило вокруг них в Стокгольме.

Иное дело Владимир Ильич. Он хорошо знал, что незадолго до его приезда в Стокгольм в социал-демократической партии Швеции произошел раскол: из ее состава вышла левая группа, которая формировала свою собственную партию. У Ленина появилась возможность встретиться с левыми социалистами, узнать их настроения, взгляды, настрой на дальнейшую борьбу. И конечно же он не преминул воспользоваться этой возможностью, несмотря на усталость, переживания в дороге и стремление быстрее попасть в Россию.

Всего чуть более восьми часов Ленин провел в Стокгольме, а как много успел сделать!

После завтрака в «Регине» и передачи коммюнике газете «Политикен» Ленин встречался в течение часа с одним из лидеров левых социал-демократов, членом парламента Фредриком Стрёмом. Главная тема беседы — перспективы русской революции. В мемуарах Стрёма «I Stormig Tid» («В бурное время»), о которых я уже упоминал, имеется довольно подробная запись этой беседы. Она интересна не только высказываниями Владимира Ильича, но и вопросами Стрёма — они дают нам возможность понять, какие проблемы тогда волновали левых социалистов Швеции, которые через некоторое время объявили о создании коммунистической партии Швеции. В беседе, в частности, говорилось:

«Разговор с Лениным велся на немецком языке и касался многих вопросов. Он сказал, например:

— Русская революция только начинается. Она яв-

ляется продолжением революции 1905 года. Это еще буржуазная революция, вызванная войной и недовольством рабочих. Эта буржуазная революция должна перерасти в пролетарскую. Буржуазию поддерживают правые элементы рабочего движения, социал-патриоты, которые хотят продолжать империалистическую войну. Мы выставим требование хлеба, мира и свободы. Кадеты, октябристы и помещики примкнули к настоящей революции в надежде избежать революции пролетарской и крестьянского бунта. Мы должны создать коалиент рабочих, солдат и крестьян.

Я спросил:

— А не может ли распыление сил революции привести к ее поражению?

— Напротив! Революция пойдет на убыль, если мы не будем действовать и не возьмем руководство в свои руки. Русская революция послужит сигналом к началу революции в Германии, Австрии и Польше. Они смогут победить, если только это будут революции пролетарские. Если это будут революции мелкобуржуазные, они станут орудием в руках капиталистов и власть снова попадет к крупному капиталу и империалистам. Мы должны учиться на уроках французской революции и Парижской коммуны... Правые социал-демократы этого не понимают. Они будто с завязанными глазами идут через историю и время.

— А не приведут ли мирные акции сейчас к сепаратному миру, который может предать западные демократии и привести к победе императоров?

— Ведущаяся война является империалистической и должна быть превращена из войны захватнической в войну между эксплуататорами и эксплуатируемыми; эта новая война принесет мир и свободу всем народам. Русская революция будет продолжаться, пока пролетариат не победит во всех странах.

— Но есть ли гарантии для этого?

— Гарантии — это революция в производстве и обладающий классовым сознанием пролетариат... Совершенно новый общественный порядок не может быть создан за один день или год. Революция — это локомотив истории. И мы его машинисты. Русская революция — это только прелюдия.

— А как будет с демократией и внутренней свободой? Мы, шведы, любим мир, демократию, и мы большие индивидуалисты.

— Шведы очень организованный и культурный народ, но вы — пацифисты. Даже вы, самые крайние левые, — пацифисты. Ваши крупные буржуа видят это яснее, чем вы. Царская, империалистическая Россия была и остается опасностью для скандинавских народов. Вы не можете встретить царскую армию с молитвами, без оружия. Русская революция освобождает вас от военной опасности. Финляндия должна стать свободной, первой из всех стран... Революционная Россия должна освободить завоеванные царизмом и угнетаемые народы. Немецкая революция освободит Польшу, Эльзас-Лотарингию и Шлезвиг, австрийская революция — Богемию и Венгрию и т. д. Эту освободительную миссию не может выполнить буржуазная революция; только пролетариат, свободный от капиталистических интересов, способен на это.

— А не приведет ли непрерывная революция к опасности военной диктатуры?

— Да, разумеется, если рабочие не возьмут в свои руки армию. Иначе буржуазная военщина при поддержке монополистов захватит руководство революцией и контрреволюция победоносно пойдет из одной страны в другую. Такая опасность есть сейчас в России. Керенский будет зависеть от царских генералов.

— А как все же будет с внутренней демократией в этих условиях?

— Товарищ Стрём, а как обстоит дело с Либкнехтом в Германии, с Маклином в Англии, с Хёглундом в Швеции? Это демократия? Это свобода слова? Это личная безопасность? Буржуазная демократия гнила и формальна. Как обстоят дела с пролетариатом в Швеции? Имеет он право голоса, социальную безопасность, гарантии от эксплуатации? Нет, вы же сами были вынуждены порвать с Брантингом, и правильно сделали. А ведь в Швеции наиболее развитая буржуазная демократия в мире. Социалистическая революция принесет действительную свободу и демократию. Слова Маркса о коротком переходном периоде диктатуры пролетариата означают только то, что основной производящий класс берет руководство над всеми ранее угнетавшимися. Пролетарская диктатура означает централизацию сил, но не отменяет демократии.

— Но мы критикуем Брантинга за его слишком централистские и недемократические методы в партии. Мы не верим в пользу централизма и придерживаемся старых взглядов на свободу и права.

— Брантинг умнее вас, но его политика ошибочна. Он мелкий буржуа, меньшевик, верит в Антанту, вместо того чтобы верить в пролетариат, но он умнее, чем многие из вас. У вас есть революционный дух, а дух важнее, чем форма и метод. История научит вас правильным методам. История чертовски хорошая мастерица учить»¹.

Такова основная часть беседы Ленина и Стрёма. Следует заметить, что советских оригинальных источников на сей счет нет, поэтому содержание этой беседы сохранилось только в изложении Стрёма.

Не исключено, что в архивах Стрёма имеются более широкие записи беседы с Лениным. Возможно, он из-

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. С. 100—102.

ложил на бумаге какие-либо размышления в связи с этой встречей. Очень бы хотелось знать об этом, но... Известно, что Стрём завещал держать в неприкосновенности все его бумаги 50 лет. Он умер в 1948 году, а это означает, что мы сможем узнать содержание его архивов только в 1998 году. Не раньше. Жаль!

Но это еще не все, о чем говорили собеседники. Ленин хорошо знал, что один из руководителей шведских левых социал-демократов — Карл Цет Хёглунд находился в тюрьме за антивоенную пропаганду. В годы первой мировой войны он был интернационалистом, редактировал газету «Стурмклокан». Ленин выразил желание навестить в тюрьме Хёглунда. Стрём пишет в своих мемуарах, что он позвонил в тюрьму Ленгхольм и добился разрешения на свидание. Посещение было назначено на 16 часов.

Стрём заметил, что Ленина «что-то беспокоит». Наконец, русский собеседник посетовал на то, что поездка «через вашу длинную страну и через Финляндию» стоит дорого, что эмигранты заняли деньги на поездку у одного швейцарского друга по партии, но их все же не хватает. «Не могли бы вы занять у рабочих организаций несколько тысяч крон?»¹ — обратился Ленин к Стрёму.

Стрём рассказывал, что он позвонил в несколько профсоюзов, а также обратился к директору книжного издательства Фабиану Монссону с просьбой провести сбор денег среди членов риксдага. Монссон в свою очередь обратился к нескольким членам парламента, сказав им, что эти русские «будут править Россией завтра». Сам Монссон, по словам Стрёма, этому не верил, но его слова помогли: было собрано несколько сот крон. Любопытно, что взнос сделал даже... министр иностранных дел Линдман, заявивший: «Я подпишусь

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. С. 102.

охотно на сто крон, только бы Ленин уехал сегодня». Стрём так заключает эту тему: «Мы получили несколько сот крон, и Ленин был доволен. Только благодаря этому он смог заплатить за гостиницу и купить билеты. Он был бедным человеком».

А что было потом? Там же, в гостинице «Регина», было проведено совместное совещание приехавших русских политэмигрантов и руководителей шведских левых социал-демократов. Н. К. Крупская писала, что в Стокгольме группу встретили речами, в зале вывесили красные знамена и устроили собрание. Со шведской стороны в совещании приняли участие К. Линдхаген, Ф. Стрём, К. Карльсон, К. Чильбум, Т. Нерман. Ф. Монссон и И. Веннерстрём тоже должны были прийти, но им помешало заседание в риксдаге, констатирует Стрём.

На совещании было два председателя — Ленин и Линдхаген. Последний выступил с речью «Свет с востока». Ленин в своем выступлении изложил обстоятельства проезда группы русских революционеров через Германию. Судя по мемуарам Стрёма, Ленин заявил:

«Естественно, немецкое правительство, давая разрешение на проезд, спекулировало на нашей оппозиции буржуазной революции, но этим надеждам не суждено оправдаться. Большевицское руководство революцией гораздо опаснее для немецкой императорской власти и капитализма, чем руководство Керенского и Милюкова».

В заключение совещания Линдхаген, Стрём, Карльсон, Чильбум, Нерман, а также Хансен (Норвегия) поставили свои подписи на «Заявлении» социалистов-интернационалистов Франции, Германии, Польши и Швейцарии, в котором говорилось, что в создавшихся условиях проезд русских революционеров через Германию был абсолютно верным.

Это «Заявление» тоже было опубликовано в шведских газетах. «Фалукурирен», например, напечатала полный текст заявления.

Просматривая в Королевской библиотеке перечень печатных трудов шведских участников совещания в отеле «Регина», я обнаружил, что К. Линдхаген выпустил в свет в 1918 году после поездки в революционный Петроград книгу «В стране революции», в которой имеется глава «Ленин». В ней автор пишет и о первой встрече с Лениным, состоявшейся в Стокгольме в отеле «Регина» в апреле 1917 года. Думается, есть смысл вспомнить и его характеристики, которые он давал Ленину и его спутникам.

«Это была,— писал Линдхаген,— довольно большая группа мужчин и женщин, которым пришлось бороться за свои убеждения с превратностями судьбы. У каждого за плечами были события, свидетельствующие о борьбе и лишениях. На их лицах можно было прочесть невероятное стремление: «Назад в Россию». Они не были партийными руководителями в обычном понимании или обычными членами парламента. Это было редкое сочетание настоящих людей».

О Ленине автор писал:

«Внешне и согласно данным ему было 47 лет. Он — невысокого роста, с лицом, напоминающим лапландца с утонченными чертами. Взгляд спокойный и сосредоточенный. Он умеет одновременно владеть положением и быть любезным. Таким представляется Ленин при кратком знакомстве в обществе других людей».

И далее: «Во время этой недолгой встречи почувствовалось, что от Ленина исходит какая-то объединяющая сила. Особое внимание я обратил на то, что, стараясь быть незаметным... он производил впечатление туго сжатой пружины»¹.

¹ *Lindhagen C. I revolutionsland. Stockholm, 1918. S. 72, 74.*

В ходе совещания в отеле «Регина» возник вопрос о возможности присутствия на нем представителя шведской газеты «Социал-демократен». Этот вопрос задал Ленину Стрём. Отвечая на вопрос, Ленин выразил недоверие редактору этой газеты Я. Брантингу.

Чем же было вызвано такое отношение Ленина к лидеру шведских социал-демократов? Хочется напомнить, что в начале своей социал-демократической деятельности Брантинг стоял на реальных позициях борьбы за интересы рабочего класса, подвергал критике политику как международной, так и шведской буржуазии. Ленин хорошо его знал, поддерживал с ним партийные контакты, писал ему письма, обращался, когда было нужно, с просьбами.

Отношения Ленина и Брантинга в те времена были доверительными и даже теплыми. Но так было до тех пор, пока Брантинг не встал на путь уступок буржуазии, отхода от интересов пролетариата, на путь оппортунизма и, по сути дела, классового мира с капиталом. С началом первой мировой войны Брантинг сам предложил правительству Швеции идею «гражданского мира», то есть классового сотрудничества.

С этого времени Ленин порывает с Брантингом, больше не доверяет ему и резко критикует его и устно и письменно.

Через несколько дней после возвращения в революционный Петроград Ленин написал одно из своих самых выдающихся произведений — «Задачи пролетариата в нашей революции (Проект платформы пролетарской партии)», в котором был дан глубокий анализ классовых противоречий в России после Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года и разработан конкретный план борьбы за переход к социалистической революции. В частности, Ленин показал коренное отличие республики Советов (тогда

еще не существовавшей!) от парламентарной буржуазной республики.

В этой ленинской работе имеется раздел «Положение дел в социалистическом Интернационале», в котором говорится, что международное социалистическое и рабочее движение выработало за годы первой мировой войны во всех странах три течения, и тот, кто сходит с реальной основы признания этих трех течений, осуждает себя на бессилие, беспомощность и ошибки. Первое течение — это социал-шовинисты, то есть социалисты на словах, шовинисты на деле, это люди, признающие «защиту отчества» в империалистской войне.

Ленин считал их классовыми противниками, которые перешли на сторону буржуазии¹.

В числе лидеров социал-шовинистов разных стран Ленин отметил Плеханова и К° в России, Шейдеманов в Германии, Брантинга и К° в Швеции.

Ко второму течению («центру») Ленин относил людей, колеблющихся между социал-шовинистами и интернационалистами, главным вождем которых Ленин считал Каутского: он назвал его «образцом полного краха марксизма, неслыханной бесхарактерности, самых жалких колебаний и измен с августа 1914 года».

Третье течение, по определению Ленина, — интернационалисты на деле. Их цель — беззаветная революционная борьба против своего империалистского правительства и своей империалистской буржуазии. Принцип: «Главный враг — в собственной стране».

Ленин подробно перечисляет социалистические группы, относящиеся к этому течению. В Швеции он отметил «партию молодых или левых» во главе с Линдхагеном, Нерманом, Карльсоном, Стрёмом, Хёглундом².

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 170.

² См. там же. С. 170—174.

...Вернемся, однако, к встречам в отеле «Регина». После совещания русские революционеры были приглашены за стол. Стрём весьма колоритно описывает в своих мемуарах этот эпизод¹.

«Потом во время ленча мы ели в гостинице шведский бифштекс. Я был поражен количеством соли и перца, которое Ленин сыпал на бифштекс. Я предостерег его, сказав, что он наносит вред не только кровеносным сосудам, но и желудку. Ленин рассмеялся и сказал:

— Нужно съесть много соли и перца, когда едешь домой драться с царскими генералами и оппортунистами-керенскими».

Далее Стрём произнес небольшую речь от имени новой левой партии, которая вскоре должна была конституироваться:

«Тогда мы пошлем делегацию с флагами и поздравлениями», — сказал Ленин.

Ироничный Радек и здесь не мог не оценить ситуацию по-своему. Швеция, писал он в воспоминаниях, отличается от всех других стран тем, что там по всякому поводу устраивается завтрак, и когда в Швеции произойдет социальная революция, то будет сначала устроен завтрак в честь уезжающей буржуазии, а после — завтрак в честь нового революционного правительства². Это, разумеется, шутка. Думается, что второй завтрак самому Радеку не помешал.

Об этих встречах, состоявшихся в отеле «Регина» в первой половине дня 13 апреля 1917 года, был опубликован отчет в газете «Политикен»: «От имени русских товарищей *Ленин* поблагодарил за прием и сказал, что съезд русской социалистической партии, который будет созван в ближайшее время, выступит с

¹ См.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. С. 103—104.

² См.: *Платтен Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 130.

предложением интернационального характера. Со шведскими товарищами и особенно с «Politiken» будет поддерживаться тесная связь».

Вот какие важные и насыщенные встречи проходили в отеле «Регина» в первой половине дня 13 апреля 1917 года. А ведь прошло всего часа три с момента прибытия русских революционеров в Стокгольм. Но до отхода поезда на север было еще несколько часов — целая уйма времени!

ГЛАВА X

ПОСЛЕДНИЕ ЧАСЫ В СТОКГОЛЬМЕ

Стокгольм.

13 апреля (вторая половина дня) 1917 года

Все годы первой мировой войны Ленин, находясь в Швейцарии, был отрезан фронтами от России. Здесь, в Швеции, русские большевики располагали несравненно большей информацией о положении в стране, о деятельности партии, о настроениях в массах трудового народа. Вот почему Ленин счел необходимым ознакомиться с партийными документами, которых в Швейцарии не было. А потом он принял участие в совещании большевиков.

Помните, еще в купе поезда Мальмё — Стокгольм Ленин сказал Ганецкому, что в Швеции, по его мнению, следует оставить партийную ячейку для связи с внешним миром. Вот об этом, в частности, и шла речь на совещании. По предложению Ленина было решено создать в Стокгольме Заграничное бюро ЦК РСДРП(б). В его состав вошли В. Воровский, Я. Ганецкий и К. Радек. Им поручили вести информационную работу среди иностранных рабочих — разъяснять ход и задачи русской революции, поддерживать контакты с революционными партиями в Европе и координировать деятельность русских революционеров, оставшихся в зарубежных странах. Ленин оставил членам бюро точные инструкции. Владимир Ильич торжественно вручил членам Заграничного бюро... «весь капитал» заграничной группы ЦК РСДРП(б). Что же это был за капитал?

Кажется, вспоминает Радек, это были 300 шведских крон и какие-то шведские ценные бумаги примерно той же стоимости! ¹ То есть всего 600 крон! Это мизерная сумма даже по тем временам... Вот какими средствами располагало Заграничное бюро большевиков, о которых вскоре станут шуметь, что они «купались в немецких деньгах».

Совещание большевиков продолжалось долго. Стало ясно, что времени для поездки в тюрьму для посещения Хёглунда практически не остается. Было решено послать ему приветственную телеграмму:

«Члену риксдага Ц. Хёглунду

Следственная тюрьма, Ленгхольм

Желаем скорого возвращения на свободу, к борьбе!

От имени русских и шведских друзей

Ленин, Стрём» ².

Стрём в своих мемуарах отметил:

«Это единственная телеграмма, в которой мое почти неизвестное имя стоит рядом с именем великого революционера» ³.

Ленин написал еще одну телеграмму — на этот раз в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. В ней шла речь о необходимости принять меры для того, чтобы группе политэмигрантов был обеспечен свободный проезд через границу России. Оригинал этой телеграммы не сохранился, но о ней рассказал спутник Ленина Давид Сулиашвили 17 января 1925 года в газете «Заря Востока» (Тбилиси) ⁴.

Зачем понадобилась такая телеграмма? Дело в том, что революционеры не знали, как их встретят на границе с Финляндией: там присутствовали офицеры

¹ См.: *Платтен Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 131.

² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 459.

³ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. С. 104.

⁴ См.: Воспоминания коммунистов Закавказья о В. И. Ленине. Ереван, 1970. С. 163.

не только Временного правительства, но и Антанты. Как они обойдутся с политэмигрантами, которые «осмелились» проехать через территорию Германии?

Уверенности в благополучном проезде не было, поэтому революционеры решили оставить все документы, которые они везли из Швейцарии, в Заграничном бюро ЦК в Стокгольме, с тем чтобы потом, когда будет изыскан безопасный путь пересылки материалов, направить их в Россию. Ленин, в частности, оставил в Стокгольме свою ставшую потом знаменитой «Синюю тетрадь».

Уже находясь в России, Ленина очень беспокоила судьба этой тетради. В одной из записок в июле 1917 года он писал:

«...Если меня укокошат, я Вас прошу издать мою тетрадку: «Марксизм о государстве» (застряла в Стокгольме). Синяя обложка, переплстенная. Собраны все цитаты из Маркса и Энгельса, равно из Каутского против Паннекука. Есть ряд замечаний и замечток, формулировок...»¹

Шла вторая половина дня, скоро отъезд. Что еще предстояло сделать? Ленину следовало получить визу для въезда в Россию, а для этого отправиться в русское консульство. Тогда оно размещалось в шестиэтажном доме на Смоландсгатап. В консульстве Ленин получил свидетельство для въезда в Россию под номером 109.

После того как вопрос с визой был решен, шведские друзья уговорили Ленина зайти в книжный магазин, где он купил несколько новинок, потом он посетил ПУБ.

ПУБ и сегодня один из главных универсальных магазинов Стокгольма. Он расположен на небольшой площади в самом центре города, на котором ныне воз-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 444.

вышается здание известного Концертного зала со знаменитыми скульптурами Карла Миллеса перед входом.

В исторической хронике зафиксировано, что в ПУБе Ленин купил недорогой темно-коричневый костюм.

Полагаю, что так оно и было. Но мне кажется, что представляют интерес и записи Радека, которые дают несколько иную версию покупок:

«Вероятно, добропорядочный вид солидных шведских товарищей вызвал в нас страстное желание, чтобы Ильич был похож на человека. Мы уговорили его купить хотя бы новые сапоги. Он уехал в горских сапогах с гвоздями громадной величины. Мы ему указывали, что если полагалось портить этими сапогами тротуары пошлых городов буржуазной Швейцарии, то совесть должна ему запретить с такими инструментами разрушения ехать в Петроград, где, быть может, теперь вообще нет тротуаров. Я отправился с Ильичем в стокгольмский универсальный магазин, сопровождаемый знатоком местных нравов и условий еврейским рабочим Хавкиным. Мы купили Ильичу сапоги и начали его прельщать другими частями гардероба. Он защищался, как мог, спрашивая нас, думаем ли мы, что он собирается по приезде в Петроград открыть лавку готового платья, но все-таки мы его уломали и снабдили парой штанов, которые я, приехав в октябре в Питер, на нем и открыл, несмотря на бесформенный вид, который они приняли под влиянием русской революции»¹.

Не правда ли, любопытная зарисовка?

Может быть, Радек, а может, кто-либо другой слишком уж (относительно, конечно!) задержали Ленина в магазине. Впоследствии он очень жалел, что не

¹ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 130.

сумел хотя бы на короткое время засесть за книги.

Уно Виллерс — автор шведской брошюры «Ленин в Стокгольме» — пишет, что Отто Гримлунд как-то рассказывал ему, что у Ленина была мысль, несмотря на все, успеть посетить библиотеку. Речь шла о Королевской библиотеке, в которой Ленину доводилось работать неоднократно. Ленин выразил сожаление в связи с тем, что спешка на этот раз не дала возможности посетить Королевскую библиотеку¹.

17 часов. До отъезда остается один час 37 минут. Шведские левые социал-демократы устроили для русских революционеров прощальный обед в отеле «Регина».

Вот и промелькнули эти восемь часов, которые судьба отвела Владимиру Ильичу для посещения Стокгольма — шестого и последнего в его жизни. Эмигрантские скитания Ленина завершились, он возвращался на родину. Правда, ему еще придется скрываться от агентов Временного правительства, в частности в Финляндии. Но это уже ненадолго.

Последний раз шел Владимир Ильич в окружении других эмигрантов и шведских друзей по улицам Стокгольма. Могу представить, как это было: переулком они вышли к широкой Васагатан, немного прошли по правой стороне улицы, а потом свернули налево, пересекли трамвайные пути и оказались у главного входа вокзала «Сентрален». Кто-то (думаю из шведов) узнал, на каком перроне стоял нужный им поезд, и все направились к составу.

Наконец собрались на перроне. Много было провожавших. В общей сложности около вагона оказалось человек сто. Прощание было теплым. Это хорошо ощущается по отчету газеты «Политикен»:

¹ См.: Виллерс У. Ленин в Стокгольме. Стокгольм, 1970. С. 10.

«Последние полчаса у вагона наших друзей было исключительно оживленно. Человек сто русских и шведов собрались проводить отъезжавших на родину. У них было прекрасное настроение, у всех имелись красные революционные эмблемы. На платформе царило оживление. До последнего момента шли беседы, происходил обмен мнений. В одном из окон виднелась характерная голова Ленина. Он был, разумеется, центром внимания. Незадолго до отхода поезда кто-то произнес горячую речь в честь Ленина, этого неподкупного выразителя идей интернационализма. Дрожащими от волнения голосами все запели «Интернационал», отъезжающие гудились у окон, размахивали красными флажками. Гул голосов и песня казались эхом великого грохота революции на востоке. При первом толчке поезда шведы провозгласили здравицу в честь революции. Русские с воодушевлением подхватили ее. Под не поддающееся описанию ликование... поезд отошел, увозя тех, кто в скором времени должен стать во главе великой освобожденной России»¹.

Эта сцена отъезда русских революционеров во главе с Лениным во многих изданиях описывается именно по газете «*Политикен*». А мне, при просмотре шведских газет, встретился не менее эмоциональный отчет в газете «*Дагенс нюхетер*» (14.4.1917). Он несколько пространнее, чем информация в «*Политикен*», но главное состоит в том, что репортер буржуазной газеты не счел нужным скрывать своего удивления, вызванного теплотой проводов на вокзале. Видимо, не случайно он озаглавил заметку «Проводы и революционное настроение». Предлагаю ее полный текст:

«Время не ждет, заявил Ленин лево-социалистической газете. Известно, что русское правительство сделало все, чтобы затруднить поездку революционе-

¹ Politiken. 1917. 14.IV.

ров, и поэтому нельзя терять ни одного дня. Итак, отъезд в 6.37 поездом на Хапаранду. На вокзал «Сентрален» пришли проститься шведские партийные друзья, постоянно представленные Туре Нерманом и Фредриком Стрёмом, а также журналистом из Сконе Гримлундом, помогавшим русским в пути из Треллеборга в Стокгольм. Пришли и многочисленные русские жители Стокгольма. Из-за оживленной и непривычной сцены, разыгравшейся перед спальным вагоном третьего класса, другая провожающая публика совсем забыла про своих родственников в поезде.

Радость, вызванная революцией, и интернациональное братство способствовали, очевидно, установлению новых прочных контактов. Это было долгое прощание. Бесконечные рукопожатия и выражения надежды на новые встречи. Точно так, как это и должно быть на вокзале. Цветов, однако, не было видно. Вместо них необычную чарующую красочность обстановке придавали революционные банты, которые были у всех в петлицах.

Залы светились тускло, а по ступеням барабанил дождь со снегом. Настроение же на перроне было необычное, не совсем такое, к какому привыкли у нас. Из купе вагона приглушенно доносилась песня. Открылось окно, и люди на платформе стали подпевать. Похоже, что это была революционная песня. Она исполнялась далеко не хорошо поставленными голосами, но шла из глубины души. Это совершенно точно. В заключение — «Марсельеза».

В одном из окон вагона показался Ленин. Стоявший на перроне высокий статный армянин, обнажив голову, начал по-русски пламенную речь. Песня затихла, и слышались одобрительные голоса собравшихся. Наступил самый напряженный момент. Все затаив дыхание слушали сильный голос оратора, произносившего слова на непонятном для большинства

языке. На лицах Ленина и остальных русских во время выступления можно было заметить переживания. Бесшумно двинулся поезд. Послышались выкрики «Ура!», и несколько человек взмахнули красными платками»¹.

Этот отчет, как видим, содержит целый ряд деталей, которых нет в «Политикен». Например, тут упомянуты некоторые из провожавших, сказано, что другая публика совсем забыла про своих родственников из-за непривычной сцены проводов у вагона третьего класса, упомянуты бесконечные рукопожатия и дождь со снегом, отмечен и выступавший — высокий статный армянин и даже подмечены переживания, отразившиеся на лице Ленина и других эмигрантов, и так далее.

Разночтение же касается, пожалуй, только одного момента. Согласно «Дагенс нюхетер», на вокзале исполнялась «Марсельеза», а «Политикен» утверждает, что «Интернационал». Думается, что предпочтение следует отдать газете левых социал-демократов.

Один из участников проводов — Фредрик Стрём в своих воспоминаниях потом напишет:

«Поезд с Лениным тронулся в путь на север. Ленин ехал навстречу своей всемирно-исторической миссии»².

Очень выразительно высказался и редактор «Политикен» Туре Нерман:

«Как мы, так и те, кто был с нами, предчувствовали, что прикоснулись к мировой истории. Тем не менее никто из нас не мог предположить, к каким преобразующим мир результатам приведет поездка небольшой группы людей, которая рванулась в весеннюю ночь на север в шведском вагоне третьего класса без спальных мест»³.

¹ Dagens Nyheter. 1917. 14.IV.

² Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 5. С. 104.

³ Nerman T. Allt var rött. Stockholm. 1950. S. 203.

Стокгольм остался позади, но революционерам еще суждено было находиться в пути на территории Швеции не только вечер 13 апреля, но и 14 и 15 апреля...

В один из дней, когда я работал в Государственном архиве Швеции, мне понадобилась очередная справка, не помню уж точно какая. Как обычно, обратился к дежурному архивариусу, но тот не смог ответить на поставленный вопрос и сказал, что пригласит архивариуса Стаффана Смедберга. Через некоторое время в справочную вошел худощавый человек средних лет. Он поинтересовался целью поисков. Я сказал, что пытаюсь найти неизвестные материалы о проезде В. И. Ленина через Швецию в апреле 1917 года. И в ответ услышал следующее:

— Мы обнаружили один интересный документ. Это циркуляр полицейского управления Швеции. Ничего иного, насколько нам известно, в наших архивах нет. Циркуляр секретный, но если хотите, я покажу его вам...

Ждать пришлось недолго. Стаффан Смедберг, судя по всему, хорошо знал, где лежит циркуляр. Вернувшись, он протянул мне тонкую коричневую папку с надписью, сделанной от руки: «Секретный архив гражданского департамента E-II в:3». В папке лежал отпечатанный на машинке документ на семи страницах. На первой красовался штамп: «Секретно», а заголовком гласил «Касается революционеров, принадлежащих к так называемой группе Ленина, которым разрешено проехать из Швейцарии через Германию, чтобы попасть в Россию»¹.

Я поблагодарил Стаффана Смедберга и спросил, нельзя ли снять копию с этого документа. Разрешение было получено. Там же, в Государственном архиве, за плату мне сделали ксерокопию с циркуляра

¹ Riksarkivet, Civil dep. heml. arkiv E-II в : 3.

полицейского управления. Что же он из себя представляет?

В нем приводятся имена и фамилии всех участников поездки. У большинства отмечены дата, год и место рождения. Первым в этом списке значится «швейцарский гражданин, секретарь Фриц Платтен».

В циркуляре записаны встречи и передвижения революционеров. В нем говорится, к примеру, что на вокзале указанных лиц встречали бургомистр Стокгольма К. Линдхаген, член парламента Ф. Стрём и редактор Т. Нерман. В документе сказано также, что путники «поселились в отеле «Регина», откуда поступило сообщение (от детективов.— *Авт.*), что прибывшие иностранцы были революционерами, принадлежащими к так называемой «группе Ленина».

Шпики сообщили также, что «иностранцы в тот же день до обеда имели в гостинице «Регина» встречу с несколькими представителями шведских левых социалистов — бургомистром Линдхагеном, членом парламента Стрёмом и редакторами Карльсоном, Чильбумом, Нерманом». Отъезд русских революционеров также проходил под наблюдением тайных агентов. В этом документе говорится, что на вокзал «Сентрален» были посланы «сыщики, находящиеся на службе полицейского управления». Циркуляр гласит:

«Отъезд из города был назначен на тот же день — 13 апреля 1917 года в 6.37 вечера поездом на Хапаранду... На вокзале «Сентрален» были замечены член парламента Стрём и редакторы Карльсон и Нерман вместе с другими шведами, разговаривавшими с иностранцами».

Очень интересная деталь. В полицейском циркуляре говорится также, что тайные агенты искали человека по имени Ленин, однако никак не могли его обнаружить:

«Согласно печати, среди поименованных полит-

эмигрантов должен был находиться очень известный революционер Ленин, однако фамилия Ленин не отмечена среди тех, кто прошел паспортный контроль».

Только через некоторое время шведская полиция получила извещение о том, что «Ленин находился среди путешественников, по его звали не Ленин, а Владимир Ильич Ульянов» (подчеркнуто в циркуляре.— Авт.).

Уно Виллерс, который тоже цитирует этот документ, отметил: можно, пожалуй, предположить, что «детективы из полицейского бюро, направленные в связи с отъездом иностранцев на «Сентрален», после отхода поезда с революционерами облегченно вздохнули...»¹.

Завершая тему пребывания Ленина в Стокгольме, необходимо сказать еще вот о чем. На территории Германии, как отмечалось в одной из предыдущих глав, с Владимиром Ильичем настойчиво хотел познакомиться социал-шовинист В. Янсон. В Стокгольме история повторилась, только действующим лицом был другой социал-шовинист — Парвус. Помните? Да, тот самый, с кем был связан контрабандист, соглашавшийся провести Ленина по нелегальной тропе до Берлина. Когда стало известно, что он имеет отношение к Парвусу, Владимир Ильич решительно отказался от услуг контрабандиста.

Радек в своих воспоминаниях свидетельствует, что Ленин не считал возможным встречаться и с Парвусом. Более того, он попросил Воровского, Ганецкого и его, Радека, вместе со шведскими товарищами зафиксировать отказ от встречи².

¹ Виллерс У. Ленин в Стокгольме. С. 11.

² См.: Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 130.

ГЛАВА XI

О ФОТОГРАФИЯХ И КИНОХРОНИКЕ

Стокгольм, наши дни.

Поиск ведется в газетах и на «Шведском радио»

Изучение шведских газет привело меня к еще одному любопытному выводу. Было хорошо известно, что левосоциалистические «Политикен» и «Стурмклокан» опубликовали снимки шведского фотографа Викки Мальмстрёма, на которых запечатлен приезд Ленина и его спутников в Стокгольм. На одном группа революционеров, только что вышедших из здания вокзала, переходит улицу Васагатан, а на втором крупным планом изображены идущие рядом Ленин, Нерман и Линдхаген. Помимо этих снимков в «Политикен» был опубликован портрет Ленина. И когда речь заходила о первых фотографиях Ленина периода его возвращения в Россию, упоминали только «Политикен» и «Стурмклокан».

Я же убедился в том, что фотографии Мальмстрёма были помещены во многих газетах и получили поэтому гораздо большую читательскую аудиторию. Один из этих хорошо знакомых снимков я обнаружил в столичной «Нюа даглигт аллеханда» в номере за 13 апреля, а 14-го они были опубликованы в «Дагенс нюхетер» (два снимка). Под ними была помещена подпись:

«Это два снимка о приезде русских революционеров в Стокгольм. Наверху — вся группа перед вокзалом «Сентрален». Внизу — примечательное трио: русский социалистический лидер Ленин, редактор Туре Нерман и бургомистр Линдхаген».

В тот же день, 14 апреля, фотографии появились в других крупных стокгольмских газетах — «Сосиал-демократен» и «Свенска дагбладет». 16 апреля один из этих снимков был помещен в газете «Арбетарбладет» из города Евле, 17-го — в «Арбетет», выходящей в южном Мальмё, а 19-го — в «Норршенсфламман» из северного Лулео. «Сосиал-демократен» поместила и портрет Ленина.

Снимки (кроме портретного) везде одинаковые, не приходится сомневаться, что все они принадлежат одному автору — Викки Мальмстрёму. На этом основании можно сделать вывод: фотографии тоже распространялись по редакциям шведских газет. Очевидно, они рассылались с поездами, поэтому в дальних городах публиковались позже, чем в столице. Думаю, что названными выше газетами дело не ограничилось, так как удалось познакомиться с номерами за интересующие нас дни далеко не всех шведских периодических изданий.

Эти важные заключения заставили внимательней отнестись к отчетам репортеров шведских газет, прежде всего стокгольмских, ведь газетчики не раз предпринимали попытки встретиться с революционерами. Они видели их, что-то от них слышали и поэтому тоже могут считаться очевидцами. Хотя не на все буржуазные газеты можно положиться. Все же в репортерских отчетах удалось отыскать немало важных деталей и свидетельств.

Ну разве не любопытна вот такая небольшая зарисовка из «Нюа даглигт аллеханда»? Вечером 13 апреля газета писала о русских революционерах:

«Они разместились в отеле «Регина», в котором их посетил один из наших сотрудников. Это была смешанная группа мужчин и женщин, большинство из которых одеты в костюмы спортивного покроя. Они толпились в гостиной отеля, где руководитель этой группы

раздавал дорожные деньги, обмененные на шведские кроны. Позднее группа разошлась, чтобы познакомиться с городом».

Автор заметок отметил также, что путешественники вряд ли заблудятся в Стокгольме, так как некоторые из них хорошо владели шведским языком.

В «Регине» побывал и корреспондент другой столичной газеты — «Стокгольмс тиднингс». 14 апреля он рассказывал читателям:

«Во время разговора с одним из участников поездки мы узнали, что путники были недовольны тем, что сведения об их возвращении на родину уже распространились через газетные публикации на юге Швеции. Существовала вероятность, что из-за этого возникнут большие трудности с проездом, чем те, которые представлялись неизбежными. Поэтому все русские заявили, что пока не будут давать никаких интервью для печати».

Обратите внимание на слова о том, что путники были недовольны тем, что сведения об их возвращении на родину распространились через сообщения с юга Швеции. Эту заметку можно считать еще одним свидетельством того, что нежелательная для революционеров утечка информации об их путешествии произошла на юге Швеции. Причем это не единственное высказывание такого рода. Корреспондент газеты «Свенска дагбладет» тоже сообщал о том, что политэмигранты «не были довольны» распространением сведений. Вместе с тем он отметил, что «руководители поездки находились в прекрасном настроении».

Последнее замечание, как нам кажется, тоже отбечало действительности. В самом деле, ведь поездка, которая вызывала так много волнений и которая была сопряжена с большим риском для жизни всех ее участников, пока проходила успешно.

Однако самое большое внимание привлекли две:

фразы из «Стокгольмс тиднинген». После сообщения о том, что революционеры «не будут давать никаких интервью», следовали такие слова:

«Фотограф дал свое честное слово, что не опубликует фотографии прежде, чем русские проследуют через границу».

Сейчас речь не о том, существовало ли на самом деле это честное слово. Мы знаем, что 13—14 апреля, когда политэмигранты находились в Швеции, пять (!) стокгольмских газет, в том числе «Политикен», опубликовали снимки о приезде революционеров.

Речь о другом. Выясняется, что фотограф присутствовал не только на вокзале и на привокзальной улице, но и в отеле «Регина». Кто же там был? Можно предположить, что в отеле находился все тот же В. Мальмстрём, хотя это, как мне кажется, маловероятно.

Дело в том, что В. Мальмстрём был фоторепортером крупнейшей газеты «Дагенс нюхетер». Отсняв приезд революционеров во главе с Лениным в Стокгольме, он, по логике вещей, должен был считать свою задачу выполненной и отправиться в редакцию, чтобы готовить снимки к печати. Можно напомнить, что уже в тот же день вечерняя «Нюа даглингт аллеханда» опубликовала один из его снимков, а утром 14 апреля фотография появилась в других стокгольмских газетах. Кто же еще из фотокорреспондентов в таком случае мог находиться в отеле «Регина»? В отчете «Стокгольмс тиднинген» имеется другая интересная фраза:

«Когда один из сотрудников газеты посетил отель около 11 часов в первой половине дня, несколько русских были заняты в гостиной с фотографом, а другие заканчивали завтрак».

Итак, «заняты с фотографом». Ясно, что фотограф не пришел в «Регину» в поисках сенсации, а был, очевидно, туда приглашен.

Зачем же он понадобился? Напомним, что шел всего лишь первый час пребывания русских революционеров в Стокгольме. Вряд ли они решили встретиться с фотографом, чтобы сделать снимки на память, да еще внутри помещения. Скорее всего, всем им, или некоторым из них, понадобились фотографии для каких-то официальных нужд. Может быть, для получения визы в русском генеральном консульстве, о чем речь шла выше? Или все же существовала иная цель?

Так или иначе, но некий фотограф в отеле «Регина» присутствовал. Теперь соединим этот факт с другим.

Как-то в Королевской библиотеке я просматривал некоторые шведские журналы за 1917 год. Еженедельник «Векко-журнален» в своем тринадцатом номере (31.3.1917) публиковал выступление нового министра иностранных дел России Милюкова и фотоподборку «Виды и типы из революционной страны», которая буквально кричала о страшной бедности русского крестьянства: одетые в лохмотья крестьяне пахали сохой, убирали картошку. В следующем номере давались вести из Петрограда. На снимках — революционные солдаты с винтовками, автомобиль с красногвардейцами, баррикады.

А в семнадцатом номере «Векко-журнален» (29.4.1917) знакомая фотография Мальмстрёма, на которой изображены Ленин, Нерман и Линдхаген. Как и в других случаях, она без указания автора. Фотография сопровождала статью Отто Гримлунда «Русские эмигранты, которые проехали через Швецию». На той же странице портрет одного из участников поездки — Михи Цхакая, а под снимком написано, что он выполнен О. Эллерквистом из Стокгольма.

Возможно, что Эллерквист и был тем самым фотографом, который занимался с русскими революционерами в отеле «Регина». В пользу такого вывода свиде-

тельствуют два обстоятельства. Во-первых, представляется сомнительным, чтобы у него когда-то прежде был шанс сфотографировать Миху Цхакая. А во-вторых, его же фотография помещена в следующем номере (№ 18) «Векко-журнален». На ней запечатлены руководители левосоциалистической газеты «Политикен», в том числе ее редактор Т. Нерман, встречавшийся с Лениным. Можно предположить, что О. Эльквист был близок к редакции. Не исключено, что его-то и пригласили в «Регину».

А раз так, то его архив с негативами представляет особый интерес, так как в нем могут быть неизвестные снимки с изображением В. И. Ленина.

Как подступиться к этому архиву? По телефонному каталогу Стокгольма узнал адрес шведского Союза фотографов и отправился в эту организацию. Но там мне ничем не смогли помочь.

— Шведский союз фотографов образовался значительно позже 1917 года, поэтому в наших картотеках нет списков фотомастеров за те времена,— сказали мне.

Решил попытать счастья в фотографическом музее. Он находится на островке Шепсхольмен, который лежит в Стокгольмской бухте. С городскими кварталами остров соединен узким мостом. Раньше остров был закрыт для входа, так как находился в ведении штаба военно-морских сил Швеции. Теперь некоторые помещения освободились, и в них городские власти разместили музеи.

В фотографическом музее в тот день была открыта выставка шведских мастеров. Выставку я осмотрел, но следов О. Эльквиста, увы, не нашел.

— Мы занимаемся только показом произведений фотографов,— сказала мне сотрудница музея, которую я разыскал в подсобных помещениях.— Никаких архивов и картотек у нас нет. Попробуйте походить по

фотоателье, может быть, там кто-нибудь вспомнит Эллквиста...

Хорошая мысль. На центральной Кунгсгатан (Королевской улице) захожу подряд в несколько таких ателье, но безуспешно. Наконец попадаю в ателье, расположенное на седьмом этаже старого массивного дома. В прихожей висят фотопортреты шведских королей и членов их семей. Фирма, судя по всему, солидная. Вышедший ко мне мастер — высокий худой пожилой человек — явно хотел помочь.

— Эллквист... Эллквист, — задумчиво проговорил он. — Знакомая фамилия, кажется, я его знал. Но... нет, не могу вспомнить. Вы не смогли бы оставить номер вашего телефона? Я подумаю на досуге и позвоню...

Он позвонил через несколько дней.

— Все-таки я не вспомнил, — сказал он. — Но в качестве небольшого утешения могу предложить идею: сходите-ка в городской музей Стокгольма. Там в фотоотделе есть хороший знаток, возможно, он поможет. Он старик, но все хорошо помнит...

Здание городского музея расположено у стокгольмского шлюза, где воды балтийских шхер смыкаются с водами причудливого по очертаниям озера Мэларен. У шлюза построен мост, который не минуешь, если едешь с Сёдера (южной части Стокгольма) в Старый город с его Королевским дворцом и далее в деловую часть столицы. В фотоотделе городского музея меня встретил грузный старик в помятом пиджаке из сурового полотна. Дело было летом, и жара стояла несусветная, совсем не северная.

— Как же, как же! — воскликнул он. — Я помню Эллквиста. Это был известный мастер, который печатался во многих газетах и журналах. Постоянно он, помнится, нигде не работал, считался свободным художником...

Старик подошел к книжному стеллажу и взял том, на корешке которого поблескивали цифры «1917».

— Извольте заглянуть в телефонный справочник Стокгольма,— продолжал собеседник.— Да, это 1917 год... Вот он, полюбуйте. Эллерквист и номер его телефона. Где может быть его архив? Понимаете, у Эллерквиста не оказалось продолжателей его дела, и после смерти, к сожалению, архив фотографа был роздан по частям в разные организации. Брали, кто хотел. Не огорчайтесь, но в одном месте вы его уже не найдете...

Да, было от чего расстроиться. Продолжение поиска архива О. Эллерквиста, как видим, рассыпается на множество вариантов, проверка которых требует большого терпения и настойчивости.

Сведения «Стокгольмс тиднинген» о фотографе в отеле «Регина» и вариант с О. Эллерквистом я довел до председателя правления архивов и библиотек рабочего движения Швеции Нильсу Рамстену, с которым встречался в Стокгольме. Он проявил интерес к фигуре Эллерквиста и обещал помощь в поисках.

Теперь о пропавшей кинохронике.

Помните, выше цитировались слова Ганецкого о том, что приезд Ленина в Стокгольм и его путь в отель «Регина» снимались для кинохроники? Эта фраза заставляла волноваться многих людей, занимавшихся поиском материалов об Ильиче в Швеции.

Да, на привокзальной улице в Стокгольме Ленина и других русских революционеров встречали не только корреспонденты и фоторепортер, но и операторы кинохроники. И эти кинодокументы исчезли!

Я знал, что пропавшую хронику не раз пытались разыскать. В частности, над этим активно работал бывший корреспондент газеты «Сельская жизнь» в Стокгольме Юрий Дашков. В своей книге «По ленинским местам Скандинавии» он писал, что запрашивал о кинохронике «Шведское радио». Там ему ответили:

никаких пленок, на которых был бы заснят приезд Ленина в Стокгольм, в архивах нет.

«Шведское радио» — это организация, объединяющая в себе службы не только радиовещания, но и телевидения. Знакомые шведские журналисты говорили мне, что все киноархивы страны были в свое время переданы этой организации. Если поэтому что-то искать, то в основном здесь.

Признаться, не сразу решился заняться розыском кинохроники. Поехал на «Шведское радио» только тогда, когда возник свой план поиска: раз в архиве нет нужной пленки 1917 года, то почему бы не попытаться посмотреть кинодокументы за... 1924 год? Смерть Владимира Ильича Ленина — главы первого в мире рабоче-крестьянского государства наверняка заставила шведских кинодокументалистов подготовить о нем материал для показа в кинотеатрах. В этом случае, думалось мне, они неизбежно должны были использовать кадры о пребывании Ленина в столице Швеции.

Киноархив находится в подвальном помещении «Шведского радио». Несколько его небольших комнат плотно заставлены шкафами с карточками.

— Так вы хотите найти кадры о пребывании Ленина в Стокгольме? — встретил меня вопросом сотрудник архива. — У нас их нет, они исчезли...

— Все же хотелось бы попробовать. Я, кажется, знаю, где они могут лежать, — отвечаю шуткой.

— Неужели? Тогда скажите нам, мы тоже посмотрим, — включается он в игру, а потом серьезно добавляет: — Каталоги перед вами, здесь 1917 год. Смотрите. Когда захотите что-то прокрутить на экране, дайте знать...

Подхожу к шкафу, но начинаю листать карточки киножурналов не 1917-го, а 1924 года. Не терпелось проверить свою версию. В те времена в Швеции кинопроизводство было уже хорошо развито, каждую неде-

лю на экраны выходил новый киножурнал, в котором давались как внутренние шведские, так и международные новости.

На каждый такой журнал в каталогах имеется карточка. На нее выписаны все темы сюжетов, которые составляют этот журнал. Листаю карточки за январь. И вот, кажется, нахожу то, что искал! «С. Ф. 427. Недельное обозрение 28.1.1924». Всего в журнале восемь тем, шестая озаглавлена «В память Владимира Ильича Ленина». Далее идет расшифровка: «Ленин на улице», «Речь Ленина»... Ленин на улице! Где? Не в Стокгольме ли?

Иду к сотруднику архива и прошу его достать пленку № 427. Он заряжает ее в аппарат на просмотрном столе и показывает, как с ним обращаться. Включили свет, замелькали кадры... И что же я вижу?.. Наши, советские хорошо знакомые пленки. «Ленин на улице» — так в Швеции были названы кадры, на которых заснята прогулка Владимира Ильича во дворе Кремля. Второй сюжет посвящен выступлению Ильича, он тоже нам хорошо известен.

Я просмотрел огромное количество карточек и киножурналов. Новости за 1917 год во многом были посвящены хронике сражений мировой войны: рвались снаряды, падали под огнем солдаты, топили торпедированные суда и разбивались сбитые самолеты. Французские и русские, английские, германские и австро-венгерские. Стало ясно, что обмен кинохроникой уже тогда был поставлен на широкую ногу.

Изучил каталоги по различным годам и по отдельным темам. И еще несколько раз встречал сюжеты о Ленине, но каждый раз это были кадры, полученные шведами из Советской России: Ленин в открытой машине, Ленин на конгрессе III Интернационала. И еще. В разделе «Истории Восточной Европы» нашел материалы об Октябрьской революции, подготовленные в

1967 году. В их числе встретился рассказ Отто Гримлунда о том, как он провел путь вместе с Лениным из Треллеборга в Стокгольм. Но кинокадров о прибытии в шведскую столицу не было и там...

При просмотре каталогов обратил внимание на то, что некоторые номера киножурналов пропущены, карточек на них нет. Что бы это значило? Спрашиваю Леннерта Вийка.

— Это значит,— отвечает он,— что этих киножурналов у нас нет. Раньше вообще их не хранили, после показа кинотеатры хронику просто выбрасывали. Когда образовывался киноархив, многое удалось собрать, но не все. Некоторые журналы мы так и не нашли...

— А нет ли у вас раздела неопознанных лент?

— Таких нет. Все кадры, которые у нас имеются, уже давно разобраны и занесены в каталоги...

Итак, все? Но я еще долго не терял надежды. Возникла мысль: раз кинообмен в те годы уже был довольно регулярным, то не могла ли кинохроника о Ленине попасть в соседние страны, например в Норвегию и Данию? Находясь в командировке в Осло, решил заехать в норвежский киноинститут, который находится на склоне господствующей над городом горы Холменколлен. Но хозяйство киноархивов там поставлено гораздо хуже, чем в «Шведском радио», не оказалось даже карточек старых журналов.

Таким образом, найти кинохронику о приезде Ленина в Стокгольм не удалось. Тем не менее я убежден, что поиски следует продолжать как в самой Швеции, так и в соседних государствах. Использованы еще далеко не все возможности.

ВЕРСИЯ: БЫЛА ЛИ У ЛЕНИНА ОХРАНА В СТОКГОЛЬМЕ?

Теперь я хорошо понимаю, что совершил ошибку: не сумев вовремя справиться с сомнениями и поддавшись излишним переживаниям, я потерял свидетеля, который мог (не обязательно, но все же мог бы) внести нечто важное в хронику пребывания Владимира Ильича Ленина в Швеции во время его возвращения из эмиграции в Россию.

Но из ошибок, как известно, нужно делать выводы: те наметки на нечто новое, что можно было бы открыть, следует, на мой взгляд, зафиксировать в качестве рабочей гипотезы и использовать для того, чтобы продолжить поиск в нужном направлении. Не мне самому, так другим. Вот почему я решил в этой книге все-таки рассказать об этой истории.

Началось все в то время, когда в Стокгольме я вел поиск забытых или неизвестных фактов о проезде Ленина через Швецию. Однажды мне позвонил один из руководителей Союза обществ «Швеция — Советский Союз» Леннарт Проттас. Мы с ним были давними добрыми знакомыми, и он хорошо знал, что я интересуюсь всем, что связано с именем Ленина в Швеции.

— Слушай,— сказал он мне,— тут один мой знакомый утверждает, что, когда Ленин проезжал Стокгольм в 1917 году, он был в его охране. Это для тебя интересно?

Еще бы! Это же совершенно новый факт! Нигде — ни в советской литературе, ни в шведской — таких сведений мне читать не доводилось. Так, может быть, это одно из «белых пятен» в хронике пребывания Ленина в Швеции?

Леннарт позвонил еще раз через несколько дней и сказал, что я могу встретиться с этим человеком. Его зовут Альберт Карлссон, а живет он в небольшом местечке под городом Ханнинге — всего в трех десятках километров к югу от Стокгольма. Мы поехали вместе.

Стояла зима, но снега не было уже несколько суток, так что дорога была чистой. Мы быстро добрались до Ханнинге. Мимо мелькал типичный пейзаж средней Швеции — небольшие поля часто сменялись сосновыми лесами, стоящими на скалах. Крутые темные бока скал, на которых стояли деревья, смотрелись на фоне заснеженных опушек, как крепостные стены. По замысловатым проселочным дорогам добрались наконец до нужного нам местечка. «Вот тут и живет Альберт Карлссон, — сказал Леннарт, указывая на небольшой одноэтажный дом. — Альберту сейчас далеко за семьдесят».

Хозяин — невысокого роста седовласый человек — принял нас очень радушно. Угощая кофе, он счел необходимым сразу же рассказать, что всю свою долгую трудовую жизнь работал шофером и что всего лишь год назад перестал крутить баранку грузовой автомашины. Наконец я задаю свой вопрос: правда ли, что он был в охране Ленина?

— В 1917 году, — ответил Альберт, — я был членом левосоциалистического союза молодежи. Как-то нам сказали, что в Стокгольм приезжает Ленин, и предупредили — на него может быть совершено покушение. Поэтому мы должны организовать его охрану...

Что ж, историческая ситуация в те дни была такой, что все могло произойти: выше отмечалось, что воз-

вращение Ленина и других русских революционеров было связано с немалым риском.

С интересом продолжал я расспрашивать Альберта.

— Кто еще принимал участие в охране?

— Такие же, как и я, молодые парни, они тоже были членами союза. Помнится, нас было человек десять—пятнадцать...

— Что конкретно вы делали?

— Ленин и другие русские шли по одной стороне улицы, а мы по другой. В случае нападения мы должны были броситься на помощь...

Я задаю еще один вопрос:

— Куда пошел Ленин, выйдя с вокзала «Сентрален»?

— Он вышел на улицу Васагатан, свернул налево и направился к Народному дому...

Стоп! У меня екнуло сердце: неточность, и существенная! Встречавшие русских революционеров левые социал-демократы Карл Линдхаген (бургомистр Стокгольма), Туре Нерман (редактор газеты «Политикен») и другие повели их направо по Васагатан, перешли улицу и переулками вышли на Дроттингатан к гостинице «Регина». Даю Альберту возможность подумать.

— Вы не ошибаетесь? — говорю собеседнику. — Они действительно пошли к Народному дому?

— Да, — отвечает он, — это было так. В Народном доме их ждали левые социал-демократы, которые хотели с ними поговорить...

«Это конец интервью», — мелькнуло в сознании. Беседа с левыми социал-демократами действительно состоялась, но не в Народном доме, а в «Регине». Для меня было ясно, что с такой степенью достоверности печатать интервью нельзя.

Кое-как мне удалось скрыть разочарование. Я все еще записывал слова Альберта в блокнот, но они уже казались ненужными. Я смотрел в лицо собеседника и

пытался найти ответ на вопрос: «Он путает или сочиняет?» ...Признаюсь, ответа не нашел. Запомнилось лишь одно — до самой последней минуты нашей встречи Альберт был очень радушен, он весь светился какой-то внутренней радостью и, как мне казалось, был искренен в словах, когда говорил, и поступках, когда жал мне на прощание руку. Так мы и расстались.

...Прошло несколько лет. Интервью с Альбертом Карлссоном я не решился предложить для печати. Но время от времени мысленно возвращался к нему: правильно ли поступил, скомкав беседу, когда усомнился в словах Альберта? Может быть, стоило все же его подробнее расспросить и постараться узнать другие факты и имена других людей, которые могли бы подтвердить факт организации охраны?

В конце концов я пришел к выводу, что скорее всего Альберт Карлссон по старости лет просто спутал две разные поездки Ленина — Владимир Ильич бывал в Народном доме, но в другое время. «Если еще можно успеть, нужно поправить дело», — подумал я и засел за письмо Леннарту Проттасу в Стокгольм.

Я честно объяснил ему ситуацию и попросил получить у Альберта ответы на такие вопросы:

Кто конкретно давал задание на охрану Ленина?

Председатель Союза? Кто им был тогда?

Не помнит ли он имена других парней?

Они начали охрану на перроне вокзала?

Были ли они чем-то вооружены?

Была ли охрана при отъезде на север?

Не давались ли указания об охране в пути: на станциях Брэкке, Лонгселе, Меллансель, Будё, особенно в Хапаранде?

Как выглядел Ленин? Какое произвел впечатление?

Я ждал письма из Стокгольма со смешанным чувством надежды (он еще жив) и разочарования (его

уже нет). Мое нетерпение было так велико, что решил ускорить события и позвонить Леннарту.

— Хорошо, что ты позвонил, — сказал он. — Я собирался писать тебе письмо... К сожалению, Альберта Карлссона уже нет в живых. Очень жаль, он был хорошим человеком...

Все-таки опоздал! Надежда испарилась, меня окутало щемящее чувство непростительной ошибки. Дело уже не поправишь. Остается только извлечь максимум возможного из того, что все-таки стало известно. Что же конкретно?

Во-первых, мне кажется, что слова Карлссона об организации охраны Ленина можно рассматривать в качестве возможного направления дальнейшего поиска. Помните, Альберт говорил, что их было человек десять — пятнадцать? Может быть, что-то сохранилось в архивах, в частности в архиве рабочего движения Швеции? Не исключено, что какие-то факты можно найти в воспоминаниях руководителей левосоциалистического союза молодежи Швеции, родственников тех, кто участвовал в охране Ленина.

Во-вторых, слова Карлссона могут дать толчок к другим размышлениям. В одной из глав я упоминал, что на станции Лонгселе в северной Швеции Ленина встречал социал-демократ Й. Бартельссон и что он знал (!) о приезде русских революционеров. Ныне этот факт, кажется, может обрести новый смысл, так как теперь возникают вопросы: почему ему сообщили о приезде Ленина? Кто сообщил? Был ли он не один? И если да, то, может быть, это тоже была охрана?

Известно также, что левые социал-демократы звонили в пограничную с Финляндией Хапаранду: они просили своих людей оказать помощь русским революционерам — накормить и разместить на отдых. Имеются предположения, что группу разделили на несколько частей, для того чтобы скрыть местонахождение

ние Ленина. И здесь ситуация была непростой: на другой стороне реки Торнео Ленина ждали офицеры Антанты.

О чем все это говорит? Не могу утверждать наверняка, но можно предположить следующее: выполняя свой интернациональный долг, шведские левые социал-демократы организовали группы охраны на всем пути следования Ленина и его спутников (или, во всяком случае, на крупнейших станциях).

Это, разумеется, только гипотеза. Ее еще предстоит либо доказать, либо опровергнуть. Но повторяю, она нуждается в том, чтобы быть зафиксированной и стать достоянием других исследователей...

ГЛАВА XIII

РЫВОК НА СЕВЕР

ПУТЬ ОТ СТОКГОЛЬМА ДО ХАПАРАНДЫ.

Вечер 13 апреля — утро 15 апреля 1917 года.

Там же, наши дни

Путь до Хапаранды занял длительное время: с вечера 13 апреля до утра 15-го. Что же мы знаем об этом участке пути? Не так уж много. В «Биографической хронике» имеются всего две записи. Первая: «Ленин по пути из Стокгольма в Хапаранду со станции Меллансель телеграфирует (на немецком языке) В. А. Карпинскому в Женеву о соблюдении германской администрацией условий проезда русских политэмигрантов через Германию, просит опубликовать «Прощальное письмо к швейцарским рабочим».

И вторая: «Ленин в поезде по дороге из Стокгольма в Хапаранду проводит собрание едущих в Россию политэмигрантов, на котором обсуждаются вопросы: о поведении на русской границе и в случае допроса комиссарами Временного правительства в Петрограде, о проезде Ф. Платтена в Россию».

Телеграмма уже упоминалась в одной из предыдущих глав. О совещании же известно вот что. В воспоминаниях спутника Ленина — Давида Сулиашвили имеется небольшое описание двух сцен с участием Ленина. Первая относится к вечеру 13 апреля, вторая — к утру 14 апреля. Сулиашвили ехал с Лениным в одном купе, кроме них там еще были Крупская и Арманд. Вот что писал автор:

«Я лежал на койке и следил за тем, как Ленин то-

ропливо, запоем читал газетные сообщения о ходе революции в России.

В купе было тихо. Тишину нарушало лишь шуршание газет да изредка произносимые Лениным восклицания, вроде: «Ах, каналы! Ах, изменники!..»

Ясно было, что слова эти адресовались к Чхеидзе или к Церетели, что говорились они по поводу того или иного выступления их в Петрограде.

— Социал-демократ! — воскликнул вдруг Ленин возмущенно. — Это слово стало пошлым. Стыдно носить теперь это имя!.. Мы должны назвать себя коммунистами и партию коммунистической...

На другой день утром, когда мы сидели за чаем, а Надежда Крупская угощала нас бутербродами, Ленин посмотрел на проносившиеся мимо окна высокие сосны и сказал:

— Вот приедем в Россию и по образцу германских товарищей издадим газету. Она будет стоять в оппозиции к социал-демократам, чтобы принудить их держаться как можно левее, разоблачать их беспринципность, их оппортунизм. Мы с ними, конечно, сотрудничать не будем!

Когда мы кончили пить чай, Ленин обратился ко мне:

— Пройдите, товарищ, по вагону и попросите всех собраться в коридоре. Надо поговорить, условиться, как держаться и что говорить в случае, если при въезде в Россию нас арестуют агенты Временного правительства»¹.

В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС хранится документ, в котором зафиксированы все решения этого собрания... Поезд мчался на север, стучали колеса, за окном

¹ Сулиашвили Д. Встречи с Лениным в эмиграции. Тбилиси, 1957. С. 44—45.

чередовались пейзажи Онгерманланда или Вестерботтена, а революционеры в это время вырабатывали стратегию поведения на границе:

«Протокол собрания

едущих в Россию политэмигрантов 14.IV.1917 г.
в поезде между Стокгольмом
и Хапарандой

Порядок дня:

I. Вопрос о поведении на русской границе.

II. Вопрос о поездке Фр. Платтена.

III. Вопрос о поведении в случае допроса комиссарами Временного правительства в Петрограде.

I. а. Переговоры ведутся делегатами тт. Лениным и Миха.

в. Все заявляют, что они политэмигранты и никаких паспортов не имеют.

с. Если будет задан вопрос о проезде через Германию, заявляем, что проехали из Швейцарии через Германию, об условиях сообщили в Стокгольме представителям печати (в частности, представителю Петербургского телеграфного агентства), подробности сообщим в Петербурге.

II. О тов. Платтене.

а. Т. Платтен должен идти на пограничный осмотр последним.

в. Сам т. Платтен не дает никаких объяснений — без вопросов. В случае расспросов отвечает, что в понятие *Geschäftliche Reise* (деловая поездка. — Авт.) входит и его политическая миссия.

III. О поведении на допросе комиссарами в Петербурге.

а) Каждый дает о себе личные сведения биографического характера. О политической стороне поездки

показания дает только комиссия из пяти лиц (тт. Ленин, Миха, Надежда Константиновна, Зиновьев, Сокольников).

Комиссия эта является представительницей двадцати пяти лиц, от имени которых она должна вести все переговоры в комиссариате в Петербурге»¹.

Далее шли подписи.

Вот такой протокол был составлен в поезде, мчавшемся к Хапаранде. Революционеры понимали, что приближается самая критическая точка поездки — русская граница, на которой решится все, на которой станет наконец ясно, оправдывается ли их смелый и столь необычный вариант возвращения в Россию, смогут ли они продолжить путь к Петрограду, или же они будут арестованы и брошены в тюрьму. Ленин и его спутники подготовились к встрече: позиции были согласованы, силы распределены, теперь оставалось только ждать.

Сам по себе этот протокол нуждается в небольшом пояснении. В нем отмечено, что в Стокгольме представителям печати, в том числе Петербургского телеграфного агентства, были сообщены «условия» проезда через Германию. Речь идет о коммюнике группы «Проезд русских революционеров через Германию». Агентство передало его русским газетам, но оно было напечатано только двумя буржуазными газетами — «Речь» и «День» 5(18) апреля, при этом без последнего абзаца, а ведь он очень важен: в нем говорилось о том, что в Швейцарии был составлен протокол обо всех приготовлениях к поездке и о декларации социалистов-интернационалистов, одоббивших намерение русских революционеров проехать через Германию.

¹ Цит. по: Крутикова Н. На крутом повороте. М., 1965. С. 84—86.

Понятно, такие сведения буржуазные русские газеты печатать не хотели.

Вот, пожалуй, и все, что нам известно о том времени, которое Ленин и другие русские революционеры провели в поезде на пути к Хапаранде. Не так уж много! А ведь путешественники добирались до Хапаранды почти 37 часов. В пути было много остановок. Не было ли там каких-либо встреч? Не могли ли газеты городов, через которые пролегал путь политемигрантов, опубликовать интересные материалы?

В надежде разыскать новые сведения о поездке Ленина и его спутников я отправился из Стокгольма на машине в дорогу на север протяженностью более тысячи километров. В одном издании мне довелось прочитать, что на станциях вдоль следования поезда у русских революционеров все же состоялись встречи. Если так, то там, вероятно, еще можно было отыскать оставшихся в живых свидетелей. Попытался это сделать.

Прежде всего решил заехать в город Евле, на окраине которого в здании старого депо расположен железнодорожный музей Швеции. С директором музея К. Алрениусом я находился до этого в переписке. В письме просил его помочь ответить на такие вопросы: как добирались пассажиры из Стокгольма в Хапаранду — прямым поездом или делали пересадки? Нельзя ли узнать точное время прибытия путников в Хапаранду 15 апреля? Можно ли найти фамилии кондукторов? Имеются ли на станциях книги, в которые заносились бы все важные события? Такая книга, например, существовала в Хапаранде (о ней писал Юрий Дашков).

В своем письме К. Алрениус сообщал, что прямого поезда Стокгольм — Хапаранда, который фигурировал в некоторых описаниях, в апреле 1917 года не было. Тогда ходил лишь прямой вагон (или вагоны).

«13 апреля 1917 года шел сидячий прямой вагон Стокгольм — Хапаранда второго класса,— писал он.— Имелся также спальный вагон 1—2-го класса, который на участке Лонгселе — Буден функционировал как сидячий вагон 2-го класса».

А Туре Нерман и «Дагенс нюхетер» упоминают вагон третьего класса. Кто же прав?

Евле — крупный промышленный город, лежащий на берегу Ботнического залива. В Швеции он особо известен тем, что в нем — в семье железнодорожного кондуктора — родился Йоэль Хеглунд, который, эмигрировав молодым парнем в Соединенные Штаты, стал впоследствии всемирно известным пролетарским поэтом-трибуном Джо Хиллом, казненным американскими властями по сфабрикованному обвинению.

От Стокгольма до Евле 180 километров. Участок до города Упсала проскочил одним махом по отличной автостраде, а дальше шло обычное шоссе с двусторонним движением. Дорога идет лесом, кругом — высоченные сосны и ели. Неподдалеку от Евле шоссе вывело на берег Ботнического залива. Был летний солнечный день, далеко просматривались необъятные голубые просторы Ботнического залива с белыми барашками волн.

Железнодорожный музей в Евле найти нетрудно. Он расположен неподалеку от шоссе «Е-4», которое ведет из Стокгольма. Издалека был виден огромный щит, на котором красовался вырезанный из железа силуэт паровоза. Экспонаты размещены в двух кирпичных полукруглых депо. Никаких путей вокруг них уже нет: экспонатам нет нужды передвигаться. Осмотр начинается с небольшой пристройки, которая напоминает железнодорожную станцию прошлого века, объединенную с почтой.

Оба депо заполнены паровозами, электровозами и вагонами разных лет. В Швеции паровозостроение

было начато в середине XIX века. Многие страны закупали тогда английские паровозы, а шведы строили свои. Первый паровоз, названный «первенец», был выпущен в 1853 году на заводе фирмы «Мунктелль механика веркстад». Интересно, что в 1865 году начала производить паровозы и фирма «Нохаб» из города Трольхэттан. Это она приняла заказ Ленина на поставку крупной партии паровозов для разрушенного хозяйства молодой Советской России.

Администрация музея помещается в небольшом двухэтажном доме, рядом с депо. Директор был в отпуске, и меня принял его заместитель Ингвар Мальм, любезный человек средних лет. Узнав, что меня интересует, он сразу же сказал:

— Мне приходилось встречаться с Отто Гримлундом. Вы ведь знаете эту фамилию? Он мне подробно рассказывал о том, как встречался с Лениным в апреле 1917 года и помогал ему добраться из Треллеборга в Стокгольм...

На вопрос, в каком вагоне могли ехать русские революционеры во главе с Лениным, собеседник взял толстые железнодорожные справочники за апрель 1917 года, долго изучал их, а потом ответил:

— Вагон, в котором ехали русские революционеры, скорее всего был комбинированным. Одну его половину занимали спальные купе, а вторую — общие сидячие места. Такие вагоны строились в Швеции в конце XIX века. Возможно, что в 1917 году они еще использовались на железных дорогах...

В музей-депо я видел такой вагон. Он был построен в 1893 году. На одной его стороне значились слова: «Вагон 2-го класса». Эту часть вагона занимали несколько купе со спальными местами. Каждое купе закрывалось дверью. На другой стороне вагона значились слова: «3-й класс». Там стояли широкие жесткие деревянные лавки на 44 места, и ничего

больше. Не могу утверждать наверняка, но вполне возможно, что именно в таком вагоне ехали русские революционеры. В этом случае становятся понятными слова Туре Нермана о «шведском вагоне третьего класса без спальных мест».

— Вагон следовал с тремя различными поездами, — продолжал рассказ Ингвар Мальм. — От Стокгольма до узловой станции Брэкке (515 километров) он шел со скорым поездом № 22. Там вагон перецепляли к пассажирскому поезду № 502, вместе с которым он попадал в город Буден (630 километров от Брэкке), а уж до самой Хапаранды (167 километров от Будена) он двигался в составе пассажирского поезда № 3042.

Даже беглого знакомства с расписанием достаточно, чтобы понять, что путешествие было очень утомительным. Напомним: из Стокгольма революционеры выехали 13 апреля в 18 часов 37 минут. Далее их движение выглядело так:

Весь вечер и всю ночь политэмигранты находились в пути, и только в 5.48 утра 14 апреля они должны были прибыть по расписанию на узловую станцию Брэкке.

В 6.20 утра поезд выехал со станции Брэкке и лишь в 22.02 (опять-таки по расписанию) он должен был достичь города Буден. Это дневной участок пути, во время которого В. И. Ленин и его спутники могли наблюдать из окна вагона пейзажи северной Швеции.

Около полутора часов путешественники находились в Будене и в 23.25 выехали в сторону Хапаранды. Этот последний до границы с Финляндией участок пути в 167 километров пассажирский поезд № 3042 шел почти... восемь часов, останавливаясь на станциях и полустанках двенадцать раз! Только утром 15 апреля поезд попадал в Хапаранду.

К сожалению, в музее не оказалось списка проводников. Не известно, соблюдали ли поезда расписание. «Такие данные не сохраняются», — ответили мне. Ингвар Мальм сообщил, правда, что на дневном участке пути Лонгселе — Буден к составу прицеплялся вагон-ресторан и что в пути кондукторы разносили кофе за плату. Но и за эти сведения я был благодарен.

Чтобы полнее понять атмосферу поездки русских революционеров, следует учесть вот какое обстоятельство. Почти все крупные города Швеции к северу от Стокгольма находятся на берегу Ботнического залива, а железная дорога проходит на значительном расстоянии от побережья (к важным центрам отходят ветки). В результате после Упсалы, которая расположена в шестидесяти километрах от столицы, путники встречали только небольшие городки и станции: Крильбу, Стурвик, Булнес, Брэкке, Лонгселе, Меллансель, Вэннес и другие. Они и сегодня не относятся к числу заметных городов, даже по скромным шведским масштабам. И все же я решил проехать через эти поселения и попытаться найти свидетелей.

...После Евле я свернул с оживленного шоссе «Европа-4», проложенного по берегу Ботнического залива, и въехал в густой лесной массив. Стараясь держаться как можно ближе к железной дороге, долго пробирался глухими грунтовыми проселками. Время от времени там встречались вырубki, а на дороге попадались мощные лесовозы, доверху груженные только что распиленными бревнами. Ныне Швеция — один из крупнейших в мире поставщиков бумаги, картона и изделий деревообрабатывающей промышленности. Основные же запасы леса находятся здесь, на севере страны. Кое-где в пути попадались стройки, но чем дальше на север, тем меньше было населенных пунктов. Такими дорогами я добрался до узловой станции Брэкке.

Теперь хорошо представляю, какие картины мелькали за окном вагона, в котором ехали русские революционеры. Это были леса, леса и леса, которые то тут, то там прерывались озерами и над которыми изредка взвивалась струйка дыма одинокого хутора. Для полноты картины весь этот суровый пейзаж нужно накрыть снежным покрывалом, ведь апрель 1917 года был очень холодным.

Еще до отъезда из Стокгольма я обратился с письмом в институт метеорологии и гидрологии Швеции, находящийся в Норчёпинге, с просьбой помочь мне «заглянуть в прошлое» — восстановить карту погоды в Швеции 13—15 апреля 1917 года, а именно: в Стокгольме вечером 13 апреля, днем 14 апреля в районе северной Швеции между Брэкке и Буденом (дневной участок пути), рано утром 15 апреля в Хапаранде.

Однажды в корпункте «Известий» в Стокгольме раздался звонок. Это был синоптик Халдо Ведин из Норчёпинга. Он сказал, что может дать по телефону ответ на мой запрос.

— В Стокгольме около шести часов вечера 13 апреля,— начал он,— было облачно, шел мокрый снег с дождем. Температура плюс два градуса, но земля была покрыта снегом...

Я специально запросил данные о погоде вечером в Стокгольме, дабы проверить информацию газет, рассказывавших об отъезде революционеров. Помните зарисовку из газеты «Дагенс нюхетер», посвященную отъезду Ленина и других русских революционеров из шведской столицы? «Залы светились тускло, а по ступеням барабанил дождь со снегом»,— говорилось в заметке. Сведения, как видим, полностью совпадают.

— Днем 14 апреля в районе между Брэкке и Буденом,— продолжал синоптик,— наблюдалась переменная облачность. Температура и здесь была плюсовая (+2 градуса), но земля везде лежала под сне-

гом, причем в северной части страны снежный покров составлял несколько десятков сантиметров. В тот год зима была очень снежная, поэтому даже в середине апреля снег лежал на всем пути от Стокгольма до Хапаранды...

Последняя справка синоптика была совсем краткой:

— В Хапаранде 15 апреля зафиксирован легкий мороз, минус один градус. Там было облачно, а снег лежал повсюду...

Спасибо шведским синоптикам, теперь в материалах о поездке Ленина мы можем оперировать точными данными погоды.

Брэкке — небольшой городок с невысокими домами, кварталы которых вытянулись вдоль железной дороги. Город расположен почти на равном расстоянии как от берега Ботнического залива, так и от шведско-норвежской границы. Основная линия железной дороги ведет на север, а на запад к норвежскому портовому городу Тронхейм уходит через горы ветка.

Проезжая по городу, увидел вывеску газеты «Эстерсунд курирен» и остановился. Брэкке входит в провинцию Емтланд, главным городом которой является Эстерсунд: отсюда и название газеты. В Брэкке эта газета имеет свое отделение. Оно оказалось совсем небольшим, занимало одну комнату, где сидел тучноватый мужчина средних лет. Я объяснил цель своей поездки и попросил рассказать, что представлял из себя Брэкке в 1917 году и что для него характерно ныне.

— В 1917 году, — охотно ответил мой собеседник, — это был железнодорожный узел, который больше ничем не был примечателен. Тогда в нем проживало всего человек шестьсот — семьсот. Сейчас население выросло, но все же оно небольшое — примерно две тысячи человек. В последнее время тут стала разви-

ваться деревообрабатывающая промышленность, появились мастерские...

— А местная газета здесь издавалась?

— Нет, своей газеты в Брэкке никогда не было...

Что ж, значит газетные репортажи отпадают. Остается станция. Журналист из «Эстерсунд курирен» пожелал на прощание удачи в поиске материалов. Попробуем. Попав в старое деревянное строение, спросил у железнодорожников, когда было построено здание. «А вы посмотрите на крышу. Там установлен железный флажок с цифрой «1910».

Значит, в этом здании, возможно, бывал Ленин, когда вагон с революционерами перецепляли от одного поезда к другому рано утром 14 апреля. Задал железнодорожникам, а их было четыре человека, еще такие вопросы: нет ли на станции книги-хроники и не знают ли они, кто из их коллег работал на станции Брэкке в 1917 году?

Книги, в которую записывались бы важные события, ответили они, на станции нет, а вот человек, работавший в Брэкке в 1917 году имеется, это Антон Эрикссон. И дали мне номер его телефона. Я быстро возвратился в мотель, в котором остановился, и набрал номер.

— Да, это я, Эрикссон,—ответил мне хрипловатый старческий голос.—Да, я работал на здешней станции в 1917 году. Слышал ли что-нибудь о русских революционерах, проезжавших в Брэкке?.. Нет, не доводилось. Извините, но помочь ничем не могу...

После Брэкке мой путь лежал по узкой грунтовой дороге, которая шла вдоль железнодорожного полотна на северо-восток к станции Лонгселе. Опять кругом густые леса, а жилье встречалось редко. Добравшись до станции Лонгселе, нашел здание вокзала. Оно оказалось еще более древним, чем в Брэкке: построено в 1886 году. Дверь начальника станции была

закрыта, и я подошел к окошку билетной кассы. Задал те же вопросы, что и в Брэкке. Кассир проявил огромную заинтересованность и сразу выложил все, что знал.

— У нас тут был человек, который дважды встречался с Лениным, но он скончался не так давно. Если бы вы приехали раньше...

Кто бы мог подумать, что так случится! Но кассир знал еще кое-что. Он сказал, что в соседнем довольно крупном городе Соллефтео живет некто Хеминг Андерссон. Он пенсионер, а до недавнего времени работал ответственным секретарем местной газеты «Нюа норланд». Возможно, он что-то знает о проезде Ленина, заключил кассир.

Что ж, поездом в Соллефтео, благо это не так уж далеко. Редакция «Нюа норланд» тогда располагалась на шумной улице в приземистом деревянном здании. Спросил у секретаря номер телефона Хеминга Андерссона и сразу же позвонил ему из редакции. Но он ответил, что, возможно, кое-что известно главному редактору «Нюа норланд» и посоветовал зайти к нему.

Главный редактор — довольно молодой человек с какими-то очень круглыми глазами, встретил фразой на русском языке: «Как вас зовут?», но дальше перешел на шведский.

— Я тоже не очень многим могу вам помочь, — сказал он. — Сам не занимаюсь этой темой, но мне известно, что бывший чиновник муниципалитета Лонгселе Хьялмар Дальгрэн имеет какое-то отношение к материалам о приезде Ленина. Запишите номер его телефона.

Вот как бывает сложно добраться даже до интересующего человека! Итак, новая фигура — 88-летний Хьялмар Дальгрэн. И он из Лонгселе, где я уже побывал. Что же делать? Решил не возвращаться, а позвонить по телефону. На другом конце провода раз-

дался довольно энергичный и совсем не старческий голос.

— Да,— сказал он,— я близко знал одного человека, встречавшегося с Лениным на станции Лонгселе, на которой останавливался поезд по пути на север. Его звали Бартельссон. Он работал в багажном отделении станции, был членом социал-демократической партии и принимал активное участие в местной политической жизни. Мы были с ним дружны, и он мне доверял некоторые важные сведения. Однажды он пришел ко мне и сообщил, что с ближайшим поездом едет Ленин...

— Бартельссон,— продолжал мой собеседник,— был незаурядным человеком. Например, он самостоятельно изучал несколько иностранных языков, в том числе русский. В Лонгселе в те времена устраивались завтраки для пассажиров, и русские революционеры ходили в кафе. Бартельссон говорил, что на перроне он подошел к Ленину и недолго с ним разговаривал...

О чем же был этот разговор? К сожалению, Дальгрэн беседовал в последний раз с Бартельссоном очень давно, так как тот умер много лет назад. Содержание разговора он не помнит. Ну что ж, и это свидетельство интересно. Добавим к нему, что Лонгселе отстоит от Стокгольма на расстоянии 650 километров и что по расписанию поезд прибывал на станцию в 9.14 утра 14 апреля и стоял там 20 минут.

До следующей станции — Меллансель добрался быстро. Станционное здание там посолиднее, чем в Брэкке и Лонгселе. Оно бревенчатое и двухэтажное, да к тому же отремонтированное и покрашенное. С этой станции Ленин отправил телеграмму В. А. Карпинскому в Женеву (она упоминалась в самом начале главы). На той станции мне тоже не удалось найти ничего, что имело бы отношение к путешествию революционеров.

Дальше Меллансель дороги вдоль железнодорожного полотна не было, пришлось свернуть на восток, выехать на берег Ботнического залива и по «Европе-4» взять курс на север. По пути встречались крупные промышленные города — Эрншёльдсвик, Умео, Шеллефтео. На самом берегу залива стояли заводы, из высоких труб которых к небу тянулись столбы дыма. Когда под Шеллефтео остановился ночевать, на спидометре значилась цифра «980 километров». Такой путь уже проделан от Стокгольма (не по прямой линии, конечно, а с заездами в такие города, как Лулео, Буден и другие).

Напомню, что в Будене вагон с русскими революционерами перецепляли к последнему шведскому поезду. Ленин и его спутники находились там вечером 14 апреля один час 23 минуты.

Проехав несколько километров по шоссе на Буден, вдруг увидел стоявший на обочине огромный щит, на котором на нескольких языках начертаны слова: «Запретная зона. Иностранцам въезд запрещен». Делать было нечего, пришлось развернуться и поехать назад.

О том, что в Швеции, как и в других странах, имеются запретные зоны, известно широко. О них не раз приходилось читать в шведских газетах, но где находятся подобные зоны, разумеется, я не знал. Вот почему, чтобы избежать недоразумений, сразу же, попав снова в Лулео, стал первым делом искать местное полицейское управление.

Меня приняла женщина в форме, погоны которой свидетельствовали о довольно высоком полицейском чине. Глаза ее смотрели холодно. Назвав себя, сообщил, что приехал в Норботтен по двум причинам: написать очерк об этой северной шведской провинции и собрать материалы о проезде Ленина через Швецию в апреле 1917 года. Сказал, что могу пожертвовать поездками в другие города, но обязательно хотел бы

побывать в Хапаранде, так как этот город особенно связан с именем Ленина.

— Хотел бы знать,— поинтересовался я,— как может передвигаться здесь, на севере Швеции, советский журналист, не нарушая шведских законов и положений.

— Вы на машине? — холодно спросила женщина-офицер. И, получив ответ, сказала: — Вы можете ехать в Хапаранду по шоссе «Европа-4». Когда увидите знак «Запретная зона», поезжайте дальше. Сквозное движение для иностранцев по этой дороге разрешено. Не сворачивайте только никуда в сторону, там стоят дополнительные знаки, запрещающие въезд...

ЗАГАДКИ ОСТАЮТСЯ

Хапаранда, наши дни

Перед отъездом в Хапаранду следовало еще обязательно зайти в редакцию газеты «Норршенсфламман». Это название переводится на русский язык как «Северное сияние». Газета ежедневная, она принадлежит Рабочей партии — коммунисты Швеции. «Фламман», как сокращенно называют газету рабочие, была создана еще в 1906 году.

В годы второй мировой войны профашистские элементы, поднявшие голову и в нейтральной Швеции, подожгли здание редакции, пытаясь заставить замолчать газету, которая рассказывала правду о злодеяниях нацистов. Но провокация не удалась, уже на следующий день газета вышла, правда, в виде небольшой листовки...

И сегодня газета находится в далеко не равных условиях с толстыми буржуазными изданиями, которые получают солидные средства от концернов и компаний. В отличие от них «Норршенсфламман» многие годы существует в основном за счет взносов трудящихся — сталеваров, лесорубов, шахтеров, оленеводов.

У «Фламман» новое двухэтажное здание из светлого красного кирпича, оно не очень большое, но достаточно просторное. Из нескольких бесед с сотрудниками редакции я бы выделил беседу с Кентом Улауссоном. Это он поместил в газете статью о бывшем телефонисте станции Хапаранда Харальде Веннстрёме, кото-

рый помнил приезд Ленина и других русских революционеров на шведско-финляндскую границу.

Кент обещал всяческую помощь. Вместе мы позволили Веннстрёму, но его не оказалось дома. В разговоре Кент упомянул, что бывший телефонист ныне живет не в Хапаранде, а в небольшом городке Бредвикен. Это меняло дело: Бредвикен находится как раз в стороне от того участка шоссе «Европа-4», с которого иностранным гражданам нельзя съезжать в сторону. Еще одна неудача, но совсем другого рода! Просить Веннстрёма приехать в Лулео было неудобно, так как Кент предупредил, что ему за 80 лет и он плохо себя чувствовал. (О телефонисте я все же расскажу, но чуть ниже и со слов Кента Улауссона.)

— Не расстраивайся,— сказал Кент на прощанье,— в Хапаранде постарайся найти начальника станции, он кое-что знает о проезде Ленина и охотно поделится своими сведениями...

Дорога на Хапаранду заняла часа два. Само собой разумеется, я никуда в пути не сворачивал и все время ехал по шоссе, которое огибало Ботнический залив, постепенно беря на восток. Это был настоящий север, до Полярного круга «рукой подать» — всего каких-то километров сто пятьдесят. Деревьев вокруг стало меньше, а они сами были низкорослыми. Иногда дорога выходила к самому берегу залива, и тогда глаза рябило от водной глади, искрящейся под низко висящим круглым красным диском солнца.

Шоссе было свободным, но сам город Хапаранда встретил обычным уличным шумом: сновали машины и автобусы, спешили куда-то пешеходы. Покрутив по городу, выезжаю к станции — массивному каменному зданию. На стене крупная надпись: «Хапаранда, 1211 километров». Это от Стокгольма. Где-то здесь завершили шведский участок пути русские политэмигранты во главе с Владимиром Ильичем Лениным.

Обратимся снова к «Биографической хронике» и посмотрим, какие сведения она содержит о пребывании Ильича в Хапаранде 15 апреля:

Ленин написал письма В. А. Карпинскому в Женеву и Я. С. Ганецкому в Стокгольм;

«Ленин в русском консульстве (Хапаранда) получает 300 шведских крон в качестве пособия для группы политэмигрантов, возвращающихся в Россию»;

«Ленин записывает дорожные расходы на конверте и оборотной стороне отношения временно управляющего консульством в Хапаранде о выдаче 32 билетов III класса до Петрограда русским подданным»;

«Ленин и его спутники переезжают на финских вейках по льду реки Торнео от шведской границы к русской»¹.

Вот и все, что касается Хапаранды. Все другие записи за 15 апреля касаются пребывания Ильича в городе Торнео на финской, то есть тогда российской, стороне.

Что же нового может добавить ко всему этому тогдашний начальник станции шведского города Хапаранда? Готфрид Лундберг — так звали его — был приветлив, он пригласил меня в кабинет — светлую и просторную комнату с большим письменным столом.

— Очень рад видеть у нас в гостях советского журналиста, — начал он. — Вы ведь знаете, что в Хапаранде бывал Ленин, и мы храним память об этом событии...

Лундберг вышел из-за стола, подошел к шкафу и достал большую книгу-альбом.

— В этой книге, — пояснил он, — мы собираем сведения о всех важных событиях, которые происходили на нашей станции...

¹ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Март — октябрь 1917. М., 1973. Т. 4. С. 52.

Книга, по сути, представляла из себя дневник. В разные годы и месяцы в ней делались записи, некоторые из которых сопровождались фотографиями. С них смотрели проезжавшие город особы царского двора, генералы и важные дипломаты в дорогах шубах и цилиндрах. Встречались и фотографии раненых русских солдат, возвращавшихся в Россию этой дорогой. В те времена путь через Швецию был, очевидно, очень оживленным.

— Запись о Ленине,— сообщил Г. Лундберг,— была сделана не в год проезда, а позже, но мы гордимся и таким свидетельством...

Начальник станции сам отыскал страницу с записью. Она была короткой: «В 1917 году через Хапаранду проехала большая группа большевиков, среди которых находился известный Ленин».

Мы вышли на перрон. Лундберг рассказал, что раньше через реку Торнео не было железнодорожного моста и что пассажиры покидали шведский поезд, переправлялись на финский берег, а там садились в другой. Он сообщил также, что в то время здание станции Хапаранда находилось в другом месте, ближе к реке. Мы отправились туда, чтобы посмотреть все на месте.

Через оживленные кварталы города проехали на окраину и оказались на берегу реки. Здесь, почти в самом устье, она довольно широкая и полноводная. На том берегу хорошо видны строения финского города Торнео. Лундберг подошел к маленькому одноэтажному домику, выкрашенному в белый цвет, показал на укрепленную над входом табличку на шведском языке «Тулл» и сказал:

— Это здание шведской таможни, ее служащие досматривали здесь багаж пассажиров. Не очень далеко отсюда (он показал рукой в сторону подошедших к самой реке домов) находился старый вокзал.

Где-то здесь пассажиры переезжали по льду на лошадях...

Мы стояли на берегу реки и смотрели на шумевшие воды. Представились заснеженные берега, лед на реке и лошади, запряженные в сани. А в санях — укутанные тулупами путники. Вот один из напряженных моментов всей поездки. Помните слова барона Пальмшерны, сказанные по телефону Брантингу? «Ты же знаешь Керенского. Скажи ему, что Ленин прибывает следующим поездом и должен быть застрелен или посажен в тюрьму при переезде границы. Телеграфируй ему».

Когда мы поехали обратно, начальник станции остановился возле деревянного двухэтажного дома, тоже выкрашенного светлой краской.

— У нас говорят, что именно в этом доме мог останавливаться Ленин и другие русские путники во время пребывания в нашем городе. Они здесь отдохнули, а потом поехали на финскую сторону...

— А «Норршенсфламман» написала, что в городе имеются четыре дома, в которых, как говорят, мог бывать Ленин. Вы об этом знаете?

— Да, у нас называют еще несколько домов, но я отдаю предпочтение этому дому...

Теперь самое время вернуться к бывшему телефонисту Харальду Веннстрёму. Его считали одним из последних здравствовавших шведов, которым довелось видеть В. И. Ленина в апреле 1917 года.

Когда мы были в Хапаранде, Харальду шел девятый десяток, однако он сохранил ясную память. В интервью корреспондентам газеты «Норршенсфламман» Кенту Улауссону и Томасу Диетлу он вспоминал, что в 1917 году Хапаранда был бойким торговым центром, движение через границу было интенсивным и деловые люди проворачивали там солидные операции.

«Да,— рассказывал Веннстрём,— я видел Ленина. Хорошо помню, как рано утром 15 апреля 1917 года на старый вокзал в Хапаранде из Стокгольма прибыла большая группа русских. Я запомнил невысокого человека с небольшой бородкой. Его образ врезался мне в память».

Бывший телефонист сетовал на то, что тогда ему и многим другим шведам было трудно представить, «кем станет Ленин», иначе каждый его шаг во время пребывания в Хапаранде был бы зафиксирован. Судя же по рассказу Веннстрёма, далеко не все обстоятельства этого пребывания ясны. Известно, что по расписанию поезд прибыл в Хапаранду в 7.05 утра. И что, побывав в русском консульстве и перебравшись в соседний финский город Торнео, Ленин во второй половине дня сел там на поезд, отправлявшийся в сторону Петрограда.

А вот Харальд Веннстрём добавляет, что вскоре после приезда в Хапаранду всю группу политэмигрантов пригласили в частный шведский дом. Любопытное свидетельство! Оно заслуживает внимания, хотя относиться к нему, понятно, следует с осторожностью. Сам-то телефонист ведь не видел, куда повели путников, а в Хапаранде потом о русских революционерах ходило много всяких слухов.

Лично мне кажется, что эта версия ближе к истине. В ее пользу говорит и одна, очень короткая фраза из воспоминаний Зиновьева. В его рассказе о прибытии на финскую сторону, в Торнео, имеются такие слова — «помнится, это было почью»¹. Ну насчет ночи, наверное, слишком. На севере в апреле темнеет быстро, и скорее дело было вечером. Но никак не в первой половине дня, когда еще светло. По расписанию поезд должен был отправиться в 16.35. Значит, можно сде-

¹ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 120.

лать вывод, что политэмигранты во главе с Лениным действительно несколько часов провели в Хапаранде на шведской стороне и лишь во второй половине дня перебрались через реку Торнео.

Учтя вероятность ошибки, двинемся все же дальше. В своей статье «Норршенсфламман» упоминает, что в Хапаранду до приезда политэмигрантов звонил Карл Чильбум, который в числе других левых социал-демократов встречался с Лениным в Стокгольме. Вот он-то, пишет газета, и просил местного деятеля социал-демократической партии Акселя Фердинанда Рённмарка подыскать в городе помещение, где бы русские гости после 36 часов пути (от Стокгольма) могли бы отдохнуть и поесть. Помимо этого, Рённмарк должен был заказать лошадей для переезда всей группы в Торнео. Таким образом, «Рённмарк, очевидно, был единственным человеком, которому были известны все детали пребывания Ленина», делается заключение в статье «Норршенсфламман».

Кент Улауссон и Томас Диетль писали в статье, что в Хапаранде указывают по крайней мере на четыре дома, которые могли быть заказаны для отдыха Ленина и его спутников. Один из них, по их словам, так и называют — «Ленинский дом». В год моего посещения Хапаранды это старое, почти двухсотлетнее одноэтажное строение стояло на углу улиц Стургатан и Согарегатан. Кент Улауссон и Томас Диетль полагают, что Рённмарк, возможно, заказал несколько помещений и что группа должна была разделиться, чтобы в интересах безопасности Ленина скрыть его точное местонахождение.

Основания для такого предположения и в самом деле были. Ведь в Торнео находились офицеры Временного правительства и англо-французских властей, от которых можно было ждать чего угодно. Особенно это касалось Хапаранды, которая находится совсем

близко от Торнео. Думается, что на северном участке пути от Стокгольма до границы революционеры снова придерживались правил конспирации.

Так останавливался ли Ленин в частном доме в Хапаранде, или он не успел воспользоваться услугой Рённмарка и после завершения необходимых дел в этом городе вместе со своими спутниками сразу отправился на финскую сторону? Об этом знал Рённмарк, но его уже нет в живых. А не мог ли он поделиться тем, что знал, с кем-либо из знакомых? По свидетельству Веннстрёма, Рённмарк был скрытным человеком и без нужды не раскрывал доверенной ему тайны. Он даже своим близким не рассказывал о Ленине. Ничего, к сожалению, не слышал от него и сам телефонист, хотя они были коллегами по социал-демократической партии и вместе участвовали в политической жизни города.

Как видим, некоторые обстоятельства пребывания Ленина в Хапаранде все еще остаются нерасшифрованными.

По пути на север я не только стремился найти свидетелей, но и просматривал газеты городов, лежащих вдоль железной дороги и на побережье Ботнического залива. Хотелось отыскать какие-либо сведения о встречах революционеров, которые могли у них произойти в пути. Однако, кроме рассылавшихся заметок агентства «Свенска телеграмбюро», о которых речь шла выше, ничего не встретил. Даже в рабочей газете «Норршенсфламман» были помещены только стокгольмские материалы.

Исключение, пожалуй, составили лишь газеты Хапаранды. Но и тут заметки были весьма своеобразные. Местная газета «Хапаранда бладет» считалась умеренной, то есть правой, тираж ее был невелик, а выходила она два раза в неделю. В ее двадцать девятом номере за 14 апреля не было никакой информации

о русских революционерах. Следующий номер (30) появился 18 апреля, когда Ленин и его спутники уже находились в Петрограде. В нем была совсем небольшая заметка под заголовком «Новости». Текст заметки стоит привести целиком:

«В воскресенье по пути домой из Швейцарии через Хапаранду проследовали 300 русских эмигрантов, — гласят слухи.

Сообщение верное, но нуждается в небольшой поправке: на деле число путников составляло 32».

Откуда же взялась цифра 300? У меня сложилось впечатление, что о группе русских революционеров тогда на севере Швеции ходило много всяких пересудов. Какие-то факты люди знали, но далеко не все.

Другая местная газета — «Хапаранда нюхетер» вышла в свет днем раньше, 17 апреля (она тоже появлялась через четыре дня). В ней была помещена заметка, которая объединяла правду с вымыслом. Заголовок — «300 русских беженцев» — переходил далее в текст:

«проследовали в воскресенье Хапаранду на пути домой из Швейцарии. Среди них находился очень известный революционер Ленин».

Далее газета сообщала о том, что в Стокгольме Ленин и его спутники встречались с левыми шведскими социал-демократами.

В Швеции тоже понимали тревожность ситуации, в которой находились на границе политэмигранты во главе с Лениным. Даже в упоминавшемся выше полицейском циркуляре имеется следующая фраза, которой завершается этот документ и в которой отражается неопределенность ситуации:

«Согласно сообщению из Хапаранды, 30 русских подданных, а также швейцарский гражданин Фриц Платтен прибыли 15 апреля 1917 года в Торнео, но,

будут ли все они продолжать поездку в Россию, еще не известно».

Стокгольмская вечерняя газета «Нюа даглигт ал-леханда» в воскресенье 15 апреля сообщала:

«Группа русских революционеров под руководством Ленина... переехала границу и, по всей вероятности, получила разрешение следовать дальше. Во всяком случае, к середине дня их еще не вернули в Хапаранду, что могло произойти, если бы на их пути возникли бы какие-либо трудности».

Возвращение в Хапаранду — не самая большая опасность, которой подвергались революционеры.

Через сутки — 16 апреля — другая шведская газета — «Норчёпинг тиднинггар» уже знала, что революционеры проехали Торнео.

«Намерение Ленина состоит в том, чтобы поднять пролетариат всех стран на революционную борьбу против правительств. Ленин и его спутники уже пересекли границу и продолжают следовать к Петрограду».

ГЛАВА XV

НА ГРАНИЦЕ

Хапаранда — Торнео.

15—16 апреля 1917 года

Что же происходило в это время на границе? Нам об этом известно из рассказов очевидцев. Но сначала я хотел бы познакомить читателя с весьма характерной зарисовкой французского посла в России Мориса Палеолога, который, проезжая Торнео на пути в Париж, в нескольких фразах описывал обстановку Торнео тех времен.

Поезд остановился у нескольких ветхих барачков, среди пустынного и унылого пейзажа, залитого бурым светом. Это — Торнео... Река Торнео, служащая границей, еще покрыта льдом. Посол переходит ее пешком, следуя за санями, которые везут его багаж в Хапаранду. Навстречу двигалась мрачная процессия. Это был транспорт с тяжелоранеными русскими солдатами, которые возвращались в Россию из Германии через Швецию. Средств не хватало, поэтому сотни носилок стояли прямо на льду, а на них жалкие человеческие обломки тряслись под жидкими одеялами. «Какое возвращение в отечество!»¹ — восклицал Морис Палеолог.

Хотел того французский посол или нет, но он высказал обвинение в адрес тех, кто развязал империалистическую бойню и настаивал на ее продолжении...

Первое, что увидели политэмигранты при перепра-

¹ См.: *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М — П., 1923. С. 470—471.

ве через реку Торнео,— это красный флаг на здании пограничного пункта. Да, красный флаг. Это был флаг революции. Но это не означало, что Ленина и его спутников тут ждали с распростертыми объятиями.

Хотелось бы привести воспоминания Зиновьева, в которых подробно описан отрезок пути от Торнео до Петрограда. Он отмечал, что ехали по льду на санях, по два человека на каждых. Образовалась длинная узенькая лента из саней. Многие эмигранты нервничали, напряжение достигло максимальной степени. Владимир Ильич, по словам Зиновьева, внешне был спокоен.

И дальше: «Мы на русской стороне границы. Наша молодежь прежде всего набросилась на русских солдат-пограничников (их было, вероятно, только несколько десятков человек), с которыми начинаются зондирующие беседы. Владимир Ильич прежде всего набросился на русские газеты. Отдельные номера питерской «Правды» — нашей «Правды». Владимир Ильич впился в газетные столбцы. Качает головой, с укором разводит руками: прочел известие о том, что Малиновский оказался-таки провокатором. Дальше, дальше. Настоящую тревогу вызывают у Владимира Ильича некоторые недостаточно выдержанные с точки зрения интернационализма статьи в первых номерах «Правды». Неужели? В «Правде» недостаточно ясна интернационалистская позиция! Ну, мы с ними «повоюем», мнения будут исправлены скоро»¹.

Сейчас трудно установить строгую последовательность событий, проходивших на границе. Вероятно, эти первые беседы с солдатами и знакомство с питерской «Правдой» состоялись позже пограничных формальностей, а может быть и до них. Так это было или иначе, но британские и русские офицеры раздали при-

¹ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 120—121.

бывшим революционерам опросные листы и предложили их заполнить. Заполнил его и Ленин. На первый вопрос: «Имя, отчество, фамилия» — он ответил: «Владимир Ильич Ульянов». «Откуда едет?» — «Из Стокгольма (Швеция). Отель «Регина». А на вопрос «С какой целью ездил за границу?» Ленин ответил: «Политический эмигрант. Выехал за границу нелегально».

Далее Ленин отметил, что в Финляндии он «не предполагает останавливаться» и что едет в Петроград и намеревается остановиться у своей сестры Марии Ильиничны Ульяновой по адресу: Широкая улица, дом 48/9, квартира 24, и что его профессия — журналист.

Этот опросный лист тоже сохранился.

Английские офицеры не ограничились тем, что заставили революционеров заполнить опросные листы. Известно достоверно, что военные чины Антанты произвели обыск Ленина и его спутников. Да, они выворачивали карманы, прощупывали одежду, переворачивали вещи. Ленин все вытерпел. Миха Цхакая потом напишет: «Заметив разочарование жандармов, когда они, ничего не обнаружив, вынуждены были нас отпустить, Ильич весело расхохотался. Обняв меня, он проговорил: «Наши испытания, товарищ Миха, окончились. Мы на своей земле, и мы им покажем, — тут он погрозил кулаком, — что мы достойные хозяева будущего»¹.

Ленина не расстреляли на границе, не арестовали и не бросили в кутузку. Ему и его спутникам разрешили продолжить путь к Петрограду. Почему? Тут, наконец, следует рассказать о том, что усилия по возвращению Ленина в Петроград предпринимал не только он сам и его единомышленники в Швейцарии, но и

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 3 т. М., 1956. Т. 1. С. 493.

большевики, вышедшие из подполья и находившиеся в России. О том, что делалось в этом плане, рассказывал А. Г. Шляпников, член РСДРП с 1901 года, который после Февральской революции был избран членом Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Совет, как отмечалось, возглавлялся в то время меньшевиками, и это обстоятельство затрудняло решение вопросов, связанных с возвращением Ленина в Россию. Но большевики делали все возможное. Итак, слово Шляпникову:

«В самые первые дни Февральской революции Бюро Центрального Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии попыталось по почте и телеграфу связаться с заграничной частью Центрального Комитета, с Владимиром Ильичем Ульяновым. Проходили бурные революционные дни, а ответа мы не получали. Сначала мы думали, что задержки почты и телеграмм происходят по воле старых чиновников, действующих по старым инструкциям жандармов, но вскоре убедились, что и само Временное правительство придерживается старых приемов, не пропускает ни наших газет, ни телеграмм из России»¹.

Далее Шляпников пишет, что большевики подняли этот вопрос в Исполнительном комитете Совета рабочих и солдатских депутатов, но там меньшевики спустили его в «контактную комиссию», состоявшую из «болтунов, шедших на поводу у Гучкова — Милюкова».

Большевики направили за границу специального курьера, которому было поручено установить непосредственную связь с Лениным. Этим курьером была М. И. Стецкевич, знавшая языки и способная к конспирации. Она выехала в Стокгольм, везя письма и газеты для Ленина, а также специальное поручение тре-

¹ Ленинский сборник. II. С. 448.

бовать его приезда в Россию, выяснить причину задержек и неполучения известий.

Дней через десять Стецкевич вернулась, привезя письма и вести от Ленина, полученные через Ганецкого. Там были и предложения о путях возвращения Ленина в Россию. Наиболее реальный план — проезд через Германию в обмен на интернированных в России немцев — был полностью одобрен большевиками. Вслед за этим Шляпников отправил Ганецкому телеграмму о том, что «Ульянов должен приехать немедленно». Она писалась без конспирации прямо о Ленине, предполагалось, что и сама телеграмма, высланная из России, имеет характер документа и может пригодиться¹.

Поскольку дело с выездом Ленина затягивалось, Стецкевич была послана за границу и во второй раз: ей «был дан наказ: В. И. Ленин должен проехать каким угодно путем, не стесняясь ехать через Германию, если при этом не будет личной опасности быть задержанным»². Вот очень характерная запись:

«В процессе забот и хлопот об эмигрантах и проезде их в Россию, мы поставили вопрос о пропуске В. И. Ленина специально. Во время переговоров «контактной комиссии» с Временным правительством о проезде эмигрантов через Францию и Англию, Временное правительство обещало дать специальное разрешение для проезда т. Ленина. В чем заключалось это специальное разрешение, для нас оставалось тайной. Проходили недели, а проехать через страны Антанты могли только иностранные и русские социал-патриоты. Все те русские социалисты, которые не стояли на позиции «война до полной победы» и, конечно, победы для Антанты, были занесены в особые контрольные списки, согласно которых им въезд и пребы-

¹ См.: Ленинский сборник. II. С. 449.

² Там же. С. 450.

вание в этих странах, в том числе и в России, воспре-
щалось»¹.

Наконец, большевики — члены Исполнительного Комитета получили телеграмму о том, что группа политэмигрантов выезжает из Стокгольма, что они просят обеспечить «вагон из Торнео и принятия мер для устранения всяких препятствий»².

По этой телеграмме, пишет Шляпников, большевики поняли, что проезд через Германию совершен! И совершен благополучно. Далее автор отмечает, что это был «пасхальный день, поэтому было трудно сноситься со всякими властями». Но кое-как удалось через военную комиссию предупредить железнодорожное начальство и передать ему просьбу о предоставлении вагона. Большевиков заверили, что в Торнео вагоны имеются. Вопрос о пропуске решался легче. Военная комиссия, по словам Шляпникова, была, по сути, отделом генштаба и штаба Петроградского военного округа, которому была подчинена комендатура и пограничные пункты. По телеграфу в Торнео было передано разрешение на проезд группы политэмигрантов.

Все эти принятые меры позволяли соратникам Ленина надеяться, что на границе, в Торнео, все обойдется, пройдет благополучно. Были предприняты и другие демарши. 11 апреля, когда группа русских революционеров находилась еще в пути на территории Германии, в Петрограде открылось Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов. Большевик В. П. Ногин сообщил участникам заседания, что получено письмо от товарища Ленина, из которого следует, что, оказывается, товарищи не могут попасть в Россию, потому что не отменен один из тайных договоров, на основании которого «наши товарищи, как враги старого правительства», оказались в по-

¹ Ленинский сборник. II. С. 450.

² См. там же.

ложении, которое лишило их возможности передвигаться из страны в страну. «У нас,— сказал Ногин,— есть письмо товарища Ленина, который просит, чтобы Совет рабочих депутатов принял все меры к скорейшему их возвращению»¹.

14 апреля, когда Ленин и его спутники находились где-то между Брэкке и Буденом, Ногин еще раз обращается с речью к делегатам Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов. Он вносит проект резолюции, которая требует от Временного правительства принятия самых решительных и срочных мер для обеспечения возвращения в Россию «передовых борцов за дело освобождения».

Вот эта активность большевиков, которые, несмотря на все трудности, держали вопрос о возвращении Ленина в Россию под своим контролем, видимо, не позволила Временному правительству пойти на крайние меры. Надо учесть, что в период двоевластия Временное правительство еще делало ставку на «популярность» в народных массах. А потому оно еще «играло в демократию». На расстрелы рабочих манифестаций и на приказы об аресте Ленина оно пойдет потом...

Итак, Ленина и других политэмигрантов на границе пропустили.

Но там задержали Фрица Платтена.

Позже он рассказывал, что в Торнео, как и все путники, заполнил обычный опросный лист, что подвергся тоже, как и все, самому тщательному телесному осмотру, процедуре чрезвычайно тягостной. Потом между Платтеном и английским пограничным офицером произошел следующий разговор:

— Какие у вас имеются мотивы для поездки в Петроград и Москву?

¹ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. С. 49.

— Я еду для того, чтобы поддержать в министерстве свое ходатайство о выплате мне залога, внесенного мною в 1908 году в депозит суда в Риге, и для того, чтобы по личным делам навестить в Москве родителей своей жены¹.

Слова Платтена объясняются так: во-первых, он был женат на русской женщине; во-вторых, он — участник первой русской революции 1905—1907 годов — был посажен в тюрьму в Риге и освобожден под залог, который теперь имел право востребовать назад. Ленин телеграфировал из Торнео в Петроград в Бюро ЦК РСДРП(б) и просил ускорить решение вопроса о пропуске Фрица Платтена в Россию. Но от властей решение не поступило. Временное правительство, судя по всему, не хотело, чтобы Фриц Платтен подтвердил в Петрограде вынужденность поездки Ленина и других революционеров через Германию.

Английские офицеры препроводили Платтена назад в Хапаранду. Там он три дня ждал ответа из Петрограда, а не дождавшись, сел на поезд, шедший в сторону Стокгольма, добрался до шведской столицы и выехал в Швейцарию. Несколько позже после возвращения в Россию Ленин в обращении «К солдатам и матросам» писал:

«Почему правительство Милюкова и К^о не пустило в Россию ехавшего с нами швейцарского социалиста Фрица Платтена, который заключил соглашение с немецким правительством об обмене?

Правительство лжет, пуская слухи, что Платтен — друг немцев. Это клевета. Платтен — друг рабочих и враг капиталистов *всех* стран»².

Маленькое отступление. После Ленина по тому же самому пути — через Германию в Россию вернулся еще ряд групп эмигрантов. 2 мая, например, в путь от-

¹ См.: Иванов А. Фриц Платтен. С. 51.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 224.

правились сразу 200 человек, в числе которых был Мартов. Четвертую группу снова возглавил Фриц Платтен. На этот раз он попал в Россию, ведь дело было в конце 1917 года, после победы социалистической революции в России.

...Тогда, 15 апреля 1917 года, Платтена вернули из Торнео в Хапаранду, а русские революционеры готовились отправиться в дальнейший путь. Ленин успел из Торнео отправить в Петроград своим сестрам телеграмму:

«Приезжаем понедельник, ночью, 11. Сообщите «Правде».

*Ульянов»*¹.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 434.

ГЛАВА XVI

ВПЕРЕДИ ПЕТРОГРАД!

Путь через Финляндию.

15—16 апреля 1917 года

Пройдя пограничный пункт, Ленин и другие революционеры оказались в пределах Российского государства. Теперь начали действовать другие законы — не швейцарские, не германские, не шведские, а русские, революционные. Ленин сразу вступил в беседу с солдатами и штатскими людьми, пытался узнать их настроения.

Ветеран финского рабочего движения Каарло Брусила рассказывал:

«Однажды в Торнео разнесся слух, что Ленин приедет в Торнео проездом из Швейцарии. И вот в один из апрельских дней Ленин прибыл со своими спутниками на станцию Торнео. О его прибытии стало известно заранее, и народ заранее собрался на вокзал, чтобы встретить и увидеть этого замечательного революционера.

Скорый поезд стоял на станции, готовый к отходу. На платформе собрались солдаты. Ленин и его спутники остановились посредине платформы. Ленин приветствовал собравшихся. Он говорил: «Революция произошла, но революция эта — буржуазная. Сейчас нужно пролетариату взять власть в свои руки». Он говорил по-русски. Его речь тут же переводилась на финский язык.

Вот поезд готов к отходу. Ленин поднимается на подножку. Нет, он не идет внутрь. Стоя на подножке,

он машет рукой, произнося по-фински: «До свидания, финны!»¹

Зиновьев впоследствии писал, что в Торнео для сопровождения Ленина и других политэмигрантов была выделена группа солдат². Значит, действия большевиков в Петрограде, стремившихся обеспечить безопасность проезда Ленина и его спутников, дали результат.

Помимо группы сопровождения в вагонах было много других военнослужащих. В одном из соседних вагонов состоялся митинг. На нем, в частности, выступил Зиновьев, который говорил о грабительском характере войны и о том, что ее надо кончать.

А что делал в поезде Владимир Ильич? По словам того же Зиновьева, он буквально впился в этих солдатиков. «Пошли разговоры о земле, о войне, о новой России. Особая, достаточно хорошо известная манера Владимира Ильича подходить к рядовым рабочим и крестьянам сделала то, что через самое короткое время установилось великолепное товарищеское взаимоотношение. Беседа идет всю ночь напролет. Но солдаты-оборонцы стоят на своем. Первый вывод, который делает Владимир Ильич: оборончество — еще большая сила. В борьбе с ним нужна твердая пастойчивость. Но столь же необходимы терпение и умелый подход»³, — писал Зиновьев.

Да, призывы Временного правительства продолжать войну под видом защиты республики сделали свое дело. Владимир Ильич указывал на опасность этих призывов. Еще находясь в Швейцарии, в письме Ганецкому, отправленном 30 марта, Ленин отмечал, что лозунг оборонительной войны есть величайшее на-

¹ Цит. по.: Дашков Ю. По ленинским местам Скандинавии. С. 207.

² См.: Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 121.

³ Там же.

дувательство рабочих, ибо Гучков—Львов—Милюков и К⁰ воюют за те же грабительские цели, за которые сражался царизм¹.

Времени для разговоров в пути было предостаточно: по территории Финляндии поезд шел более суток! Если он выехал строго по расписанию, то в тот момент на часах в Торнео значилось: 16 часов 35 минут. Естественно, по тем временам вероятность задержки была существенной. Но если поезд и отправился позже, то он нагнал отставание, ведь Ленин и его спутники прибыли в Петроград с опозданием всего в шесть минут.

Как же поезд двигался по территории Финляндии? Сначала путь его лежал вдоль берега Ботнического залива. Согласно расписанию он должен был прибыть в город Оулу в 19 часов 26 минут. Далее долгий путь на юг: в Тампере состав ожидался только на следующий день, 16 апреля, в 11.03. Через несколько часов — в 14.18 поезд прибывал в Риихимяки. Это была узловая станция, там путникам предстояла пересадка. Поезд, в котором они ехали от Торнео, должен был следовать в Хельсинки, а на Петроград шел другой состав — № 12.

Из Риихимяки (опять-таки по расписанию) Ленин и другие революционеры выезжали в 14.44. В Лахти прибывали в 15.14, в Выборг — 19.13...²

Как питались политэмигранты на этом участке пути? Надо полагать, на станциях в кафе. Помните, в русском консульстве в Хапаранде Ленин получил для группы пособие в размере 300 шведских крон. Наверное, в Торнео их обменяли на рубли. Понятно, сумма не ахти какая, но что-то перекусить на нее можно было. А еще в поезде давали чай.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 418—423.

² См.: Дашков Ю. По ленинским местам Скандинавии. С. 210.

Ю. Дашков разыскал в Торнео Мери Вуокила, мать которой — Катри Саммаллахти была проводницей как раз в том вагоне, в котором ехал Ленин. Вот она-то и разносила пассажирам чай.

Катри рассказывала дочери, что Ленин показался ей очень простым и очень предупредительным человеком. Кстати, муж Катри — Херман Саммаллахти, который служил в вокзальной полиции в Торнео, просил ее не соглашаться на поездку с этим составом. Он считал, что поездка опасна и люди, которым не по душе возвращение Ленина в Россию, могут пустить поезд под откос или бросить в вагон бомбу. Но Катри все же отправилась в путь.

Зиновьев отмечал в своих воспоминаниях, что все ехавшие из Швейцарии политэмигранты были уверены в том, что в Петрограде они будут непременно арестованы. Был уверен в этом и Владимир Ильич, который «к этому готовил всю группу товарищей»¹. Все большее волнение охватывало путников.

И вот поезд останавливается в Белоострове. Что же здесь ждет тех, кто ослушался Временного правительства и решился на возвращение на родину через враждебную Германию?

Нет, ничего опасного не случилось. Более того, власти, по словам Г. Е. Зиновьева, встречают достаточно дружелюбно. Военный комендант Белоострова — керенский офицер — даже отдает рапорт Владимиру Ильичу²! Здесь же находится делегация рабочих Петрограда и Сестрорецка во главе с членами ЦК и Петербургского комитета РСДРП(б). Среди них Л. Б. Каменев, И. В. Сталин, А. Г. Шляпников, А. М. Коллонтай и другие.

Быстро организовался митинг. На нем выступил

¹ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 121.

² См. там же.

Ленин. Его краткая речь была посвящена значению революции в России для международного пролетариата.

А потом, как вспоминал Зиновьев, в тесном и полутемном купе третьего класса, освещенном огарком свечи, состоялся первый обмен мнениями с встречавшими товарищами. Ленин пытался получить у них ответ на мучивший его и других путников вопрос: «Будем ли мы арестованы в Петрограде?» Прибывшие из Петрограда товарищи определенного ответа не дали, но как-то загадочно улыбались¹.

Шляпников рассказывал, что Исполком Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов поручил ему заняться организацией встречи Ленина. Он оповестил районные организации и воинские части, заказал несколько автомобилей и «какие-то места в общежитиях». Но действительные масштабы встречи превзошли все мыслимые ожидания.

Когда поезд с Лениным приближался к Петрограду, многотысячные колонны солдат, матросов, рабочих шли к Финляндскому вокзалу. Звучали оркестры, революционные песни, на перроне выстраивались почетные шеренги матросов, членов рабочей милиции и Красной гвардии.

3(16) апреля 1917 года. 23 часа 10 минут. Поезд медленно подкатывает к перрону Финляндского вокзала в Петрограде. «Только теперь мы поняли,— писал Зиновьев,— загадочные улыбки. Владимира Ильича ждет не арест, а триумф. Вокзал и прилегающая площадь залиты огнями прожекторов. На перроне длинная цепь почетного караула всех родов войск. Вокзал, площадь и прилегающие улицы запружены десятками тысяч рабочих, восторженно встречающих своего вождя».

¹ См.: *Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию*. С. 122.

Когда Владимир Ильич вышел из пятого вагона, кронштадтские моряки взяли на караул, раздались звуки «Марсельезы». Под овации к Ленину подошел большевик И. Д. Чугурин, который приветствовал его и от имени Выборгского райкома партии вручил ему партийный билет № 600.

В сопровождении почетного караула Владимир Ильич вошел в здание вокзала. Что произошло тут? На сей счет у Зиновьева есть особо интересная зарисовка:

«В течение нескольких секунд Владимир Ильич «перестраивает ряды». В так называемой императорской комнате Владимира Ильича ждет «сам» Чхеидзе во главе целой делегации от Совета. От имени «революционной демократии» лиса-Чхеидзе приветствует Владимира Ильича, «выражает надежду» и т. д. Не моргнув бровью, Владимир Ильич отвечает коротенькой речью, которой от первого до последнего слова хлещет, как бичом, по лицу почтенной «революционной демократии». Речь кончается возгласом: «Да здравствует социалистическая революция!»¹ После этого Ленин вышел на площадь.

С этой минуты нахлынула могучая человеческая волна. Ленина подхватили и поставили на броневик. Стоя под лучами прожекторов, он начал свою знаменитую речь.

На следующий день газета «Правда» написала о речи Ленина на площади Финляндского вокзала:

«На улице, стоя на броневом автомобиле, тов. Ленин приветствовал революционный русский пролетариат и революционную русскую армию, сумевших не только Россию освободить от царского деспотизма, но и положивших начало социальной революции в международном масштабе, указав, что пролетариат

¹ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 122.

всего мира с надеждой смотрит на смелые шаги русского пролетариата»¹.

Встреча в Петрограде произвела огромное впечатление на самого Владимира Ильича. Сколько новых сил и какой заряд энергии она ему дала! Участник поездки Харитонов писал: «Вчера еще весь сосредоточенный в глубоких мыслях, сегодня он был весь в движении, в действии. Точно огромная потенциальная сила вдруг мощным толчком сразу приведена в движение, и от этого движения все вокруг зашумело и задвигалось»².

А как же с угрозой Временного правительства объявить всех участников поездки «государственными преступниками»? Грандиозная встреча, которую устроили вождю рабочие и солдаты на Финляндском вокзале, отбила охоту у министров судить революционеров.

С вокзальной площади Владимир Ильич и его соратники, окруженные народом, отправились во дворец Кшесинской: там по случаю его приезда было устроено торжественное собрание партийных работников Петрограда. Заседали до утра. Было много приветственных речей. Выступал и Владимир Ильич: и в зале, и с балкона перед делегациями рабочих и солдат.

«Рано утром, чуть брезжил свет, мы расходимся, с наслаждением вдыхая воздух родного Петербурга,— вспоминал Зиновьев.— Идем через Неву, которой не видели уже столько лет. Владимир Ильич бодр и весел. Для каждого у него находится доброе слово. Всех помнит. Со всеми завтра же встретится на начинающейся работе...

Владимир Ильич в России, в революционной Рос-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 98.

² Записки Института Ленина. Т. 2. С. 147.

сии, после долгих лет изгнания. Первая из первого ряда революций началась. Революционная Россия обрела настоящего вождя. Начинается новая глава в истории международной пролетарской революции»¹.

Прорыв из швейцарской западни состоялся!

Небольшое отступление, но существенное. Напомним, что Ленин и его соратники отдавали себе отчет в том, что их поездкой через воевавшую с Россией Германию наверняка воспользуются противники большевиков всех мастей. Казалось, Владимир Ильич предпринял все вероятные в тех условиях меры для того, чтобы избежать обвинений в сговоре с кайзером.

Тем не менее буржуазия стран Антанты пошла в наступление. В день приезда группы Ленина в Петроград посол Великобритании в России Бьюкенен передал в министерство иностранных дел Временного правительства меморандум, который имел к поездке Владимира Ильича самое прямое отношение. Вот что говорилось в этом документе:

«Германское правительство разрешило русскому социалисту Ленину проезд через Германию, и он оставил Стокгольм в последнюю пятницу вечером, направляясь в Петроград с целью предпринять самую энергичную пропаганду мира...

Во время пребывания в Швеции Ленин излил свою горечь против Англии в газетной статье, в которой он заявляет, что скоро он опубликует доказательства того, что Англия сделала все, что было в ее силах, чтобы помешать политической амнистии в России. К этому заявлению он прибавил, что в то время, как германское правительство предоставило ему и его партии особые льготы во время их путешествия через Герма-

¹ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 123.

нию, английское правительство напрямик отказало ему в пропуске»¹.

Аналогичный меморандум был передан и послом Франции в Петрограде, а еще поступило на сей счет донесение русского посланника в Швеции Неклюдова.

Надо полагать, что в Стокгольме за Лениным следили не только агенты шведской полиции, но и люди посольств Англии, Франции и России. Не исключено, что и они были на перроне «Сентрален». Это первое.

Второе и самое главное, что вытекает из этого меморандума: английский посол в России Бьюкенен, без сомнения по указанию Лондона, подбрасывал Временному правительству провокационную версию о некой «близости» Ленина и большевиков (хотя в группу политэмигрантов, как известно, входили не только большевики) к немецким властям.

Многоопытный и набивший руку на всякого рода закулисных интригах британский Форин оффис рассчитал все точно: Временное правительство тут же отреагировало на лондонско-парижскую версию так, как замыслили авторы меморандума. Ближайший сотрудник министра иностранных дел Нератов собственноручно начертал следующую резолюцию:

«Все сведения из 3 источников нужно поместить в газетах завтра же, не указывая источников, и подчеркнуть благожелательность германского правительства к Ленину и прочим. 3 апреля. А. Нератов»².

Что случилось дальше, догадаться несложно. По подсказке министерства иностранных дел Временного правительства русская буржуазная пресса уже 18 апреля шумно и крикливо начала кампанию против Ленина, используя самые грязные обвинения и

¹ Цит. по: Московский П. В., Семенов В. Г. Ленин в Швеции. М., 1972. С. 129.

² Там же. С. 130.

намеки. Чего только не писали: Ленин-де продан германцам, его, мол, вывезли в Россию в plombированном вагоне и совершал он революцию на деньги кайзера и многое другое.

Надо признать, эти удары, тиражированные миллионами экземпляров не только в России, но и в других странах, были очень чувствительными.

«Потом,— писала Н. К. Крупская,— клевета пала как-то сама собой. Не потому, чтобы появились какие-нибудь новые данные или враги отказались от клеветы, а просто рабочие и крестьяне поверили в правоту точки зрения большевиков, правду Ленина»¹.

Это доверие Ленину рабочие и солдаты выразили своим массовым участием в демонстрациях, проходивших под лозунгами большевиков.

¹ Платтен Ф., Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 7.

ГЛАВА XVII

«НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС», РЕЙТЕР И ДРУГИЕ

Стокгольм, наши дни.

Снова Королевская библиотека

...На обратном пути в Стокгольм у меня было предостаточно времени для размышлений. Нужно было преодолеть путь на юг вдоль берега Ботнического залива протяженностью более тысячи километров. Я не переоценивал результаты поиска. Все же они имели значение, особенно в части доказательств, что сведения о важных обстоятельствах возвращения Ленина в революционную Россию получили самое широкое распространение в Швеции.

На пути из Хапаранды я миновал Лулео, Шеллефтео, Умео... Какое-то беспокойство овладело мной, что-то мешало ехать спокойно. Единым махом проскочил Эрншельдсвик, Сундсваль, впереди показался Евле... И тут меня осенило: что же это я так сузил свои поиски? Почему только Швеция? Ленин был фигурой интернациональной, хотя, может быть, и не очень тогда известной среди населения зарубежных стран. Но все же о его прорыве из эмиграции (наверное, это самое правильное слово) должны были говорить. Да, была война, существовала цензура, но, может быть, о возвращении Ильича знали и в других странах?

По приезде в Стокгольм я снова отправился в Королевскую библиотеку... Нашел дежурного библиотекаря, женщину, сказал ей о цели своего посещения и попросил помочь. Она ответила, что это сделать очень просто: имеется отдельный шкаф с каталогами всех

газет, которые получала Королевская библиотека в Стокгольме. «Вот смотрите, тут периодические издания разных стран мира. Выбирайте!» — сказала она и удалилась.

Тщательно просмотрел картотеки зарубежных газет за апрель 1917 года. Подшивки были, но перечень изданий из отдельных стран оказался не очень большим. К тому же, как потом выяснилось, в них не хватало целого ряда номеров как раз за те дни, которые интересовали больше всего. Все же к работе можно было приступить. И я для начала решил заказать газеты соседних стран. Тут все-таки вероятность обнаружить то, что ищешь, была несравненно большая.

Первым в руки взял микрофильм крупной датской буржуазной газеты «Политикен». Замелькали страницы. Вот наконец появилась первая полоса газеты за 13 апреля... Ленин и его спутники в тот день находились в Стокгольме, но в датскую «Политикен», судя по всему, сведения об их проезде попасть еще не могли. Да, так оно и есть. На экране высвечиваются последние страницы: сообщений нет.

Что ж, попробуем дальше. 14 апреля. Первая страница, вторая, третья... Вот шестая, на которой публиковались международные новости, в частности сведения с фронтов первой мировой войны. И здесь, на этой странице, я нашел то, что искал!

Нашлась заметка, которая начиналась так:

«Стокгольм, пятница. Приватно для «Политикен». Сегодня в Стокгольм прибыла группа русских революционеров»¹.

Далее газета отмечала, что среди политэмигрантов находился «социалистический лидер Ленин» и что он вместе с некоторыми другими революционерами участвовал в совместном совещании со шведскими

¹ Politiken, 1917. 14.IV.

левыми социал-демократами. В информации сообщалось также:

«Во время пребывания в Стокгольме русские революционеры опубликовали коммюнике, в котором заявили, что английское правительство отклонило их просьбу о проезде на родину через Англию. Тогда русские получили разрешение на беспрепятственное передвижение через Германию».

Заметка не очень большая, в ней без заголовка и подзаголовка насчитывалось всего около 50 строк. Но она тем не менее свидетельствовала о том, что сведения о возвращении Ленина вышли все-таки за пределы Швеции! Кто их сообщал? Очевидно, человек, считавшийся корреспондентом «Политикен» в Стокгольме. Фамилия его не указана, под заметкой стояло только сокращение «К-н».

Теперь вставал другой вопрос: была ли «Политикен» единственной газетой, поместившей новость о русских революционерах? Из числа датских газет я выписал микрофильм еще и «Социал-демократен». В номере за 14 апреля на четвертой странице я тоже нашел заметку под заголовком «Проезд русских революционеров через Германию в Швецию»¹, причем ее текст очень напоминал по своему содержанию одну из информационных шведского телеграфного агентства «Свенска телеграмбюро»:

«Прибывшие сегодня в Стокгольм русские революционеры передали в социалистическую стокгольмскую газету «Политикен» коммюнике, в котором они сообщили, что Англия сделала все для того, чтобы воспрепятствовать амнистии настроенных в пользу мира революционеров...»

Далее в заметке излагалось содержание коммюнике. Оно, как и в шведском варианте, завершалось сло-

¹ Social-Demokraten. 1917. 14.IV.

вами: «Германское правительство совершенно лояльно выполнило соглашение, и русские прибыли в Швецию 12 апреля». «Социал-демократен» относилась к числу тех газет, которые не давали никаких ссылок на источник информации, однако большая близость текста к шведскому варианту позволяет предположить, что в Дании либо непосредственно получали телеграммы «Свенска телеграмбюро», либо их использовали корреспонденты датских газет в Стокгольме или датского телеграфного агентства.

В Королевской библиотеке Стокгольма оказались микрофильмы норвежских газет «Дагбладет» и «Верденс ганг». Первая, вероятно, была вечерней, потому что уже 13 апреля, то есть в день прибытия Ленина и его спутников в Стокгольм, она на своей первой странице сообщила читателям о том, что «поездом из Мальмё прибыла группа русских, которым принадлежит выдающаяся роль в революционной агитации и которые до сих пор находились в Швейцарии».

В выходных данных значилось: «Стокгольм, 13 апреля. Приватная телеграмма для «Дагбладет»¹.

На самом ли деле это сообщение было специально передано для «Дагбладет», или редакция газеты слегка переделала информацию агентства, но другая норвежская газета — «Верденс ганг», кажется, действительно имела своего корреспондента в Швеции. В этой газете не раз встречались материалы из шведской столицы, снабженные ссылкой «От корреспондента «Верденс ганг» и подписанные инициалами «Ю. Х.».

Сообщение о русских революционерах было подписано точно так же. В нем Ю. Х. весьма добросовестно изложил содержание коммюнике, которое Ленин передал «Политикен» по прибытии в Стокгольм. Теле-

¹ Dagbladet. 1917. 13.IV.

грамма тоже начиналась знакомыми по коммунике словами:

«Англия, официально «с радостью в сердце» приветствовавшая русскую революцию, сделала все, чтобы тотчас же свести на нет один из результатов революции — политическую амнистию»¹.

Характерно, что в этом номере норвежской газеты появилась заметка, в которой содержалась выдумка шведской «Дагенс нюхетер» о том, что Ленин-де обсуждал в Стокгольме с левыми социал-демократами планы «русско-немецкого сепаратного мира». Помните, в главе, посвященной анализу сообщений шведских газет, говорилось о том, что со страниц «Дагенс нюхетер», на которую тогда ссылались не меньше, чем на телеграфное агентство, эта выдумка переключивалась во многие газеты Швеции? Микрофильм «Верденс ганг» свидетельствует, что это касалось не только Швеции!

Итак, знакомство с норвежскими газетами подтвердило факт того, что новость о возвращении Ленина и других революционеров в Россию стала достоянием не только шведской общественности, а вышла за пределы страны.

Все это давало основания для дальнейших надежд, и я заказал подшивки и микрофильмы газет крупнейших стран мира.

Случилось так, что первым пришел микрофильм, на который заснята американская «Нью-Йорк таймс». Честно говоря, мало чего приходилось ждать от этой газеты. Америка! Так далеко от Европы! Но зря! В довольно подробной заметке на первой странице «Нью-Йорк таймс» 15 апреля сообщила факты о пребывании русских политэмигрантов в Швеции, отметив, что группа «русских сторонников установления

¹ Verdens Gang. 1917. 14.IV.

мира, главным образом экстремистов-социалистов», получила разрешение на проезд из Швейцарии через Германию, что они в пятницу, 13 апреля, были в Стокгольме, где их встречали, в частности, губернатор города Линдхаген и некоторые другие шведские радикальные социалисты, а «теперь находятся на пути к Петрограду»¹.

«Нью-Йорк таймс» отметила, что среди принципиальных членов группы «радикальный социалистический лидер Николай Ленин (как видим, газета использовала один из псевдонимов Владимира Ильича) и другой радикал — Зиновьев». Газета сообщила, что оба они «являются членами Центрального Комитета своей партии и редакторами партийных газет в Женеве, а также видными деятелями конференции в Циммервальде».

Газета назвала еще одного члена группы. Это «Миша Цхакая, один из основателей партии на Кавказе».

Важно при этом, что «Нью-Йорк таймс» написала: «Будучи в Стокгольме, русские опубликовали заявление, обвиняющее Англию в том, что она пытается уничтожить один из результатов революции в России — политическую амнистию».

Внимание заокеанской печати к личности В. И. Ленина отчетливо свидетельствует о том, насколько велика была уже в то время его известность. Мировая общественность внимательно следила за его действиями и связывала с ним новые революционные события в России.

Далее «Нью-Йорк таймс» писала, что в заявлении, то есть коммюнике русских революционеров, давался обзор переговоров с правительством Германии о разрешении на проезд и сообщалось, что немецкая сторона лояльно выполнила соглашение. Приводились так-

¹ New-York Times. 1917. 15.IV.

же сведения о совещании со «шведскими радикальными социалистами», состоявшемся в Стокгольме.

В этой заметке правдивая информация чередовалась и с вымыслом. Заголовок к ней, например, был предпослан вот какой: «Миссия мира, направляемая Берлином». В заметке к тому же упоминался «пломбированный вагон». До сих пор этот термин не встречался в газетах!

Сообщение в «Нью-Йорк таймс» было помечено: «Стокгольм, 14 апреля (через Лондон)».

Через Лондон?

Неужели коммюнике русских революционеров распространялось и в Англии, власти которой были активными противниками возвращения Ленина в Россию? Или, может быть, оно там соответствующим образом препарировалось? Если так, то понятными становятся и заголовок в «Нью-Йорк таймс», и акцент на «пломбированный вагон».

Ну а сами британские газеты, писали ли они что-нибудь о поездке Ленина? Я нашел краткое сообщение в лондонской «Таймс». Оно гласило:

«В Стокгольм из Швейцарии по пути в Петроград прибыли 30 русских революционеров-пацифистов, после того как они получили разрешение на проезд через Германию»¹.

Это сообщение было помещено в сводной заметке, полученной корреспондентом газеты из Копенгагена. В ней упор делался на «мирные переговоры», которые якобы имели место и которые поощрялись германским правительством. К этому выводу газета приходила как раз на основе сообщения о том, что русским революционерам было дано разрешение проехать через Германию. Лондонская линия здесь, как видим, выра-

¹ Times. 1917. 16.IV.

жена примерно так же, как и в варианте с «Нью-Йорк таймс».

С английской «Дейли кроникл» не повезло. 14 апреля она не поместила никаких сообщений о группе русских политэмигрантов, номера же за 15 апреля в подшивке не оказалось. А вот в газете «Дейли ньюс энд лидер» нашлась довольно развернутая информация. Со ссылкой на «Дагенс нюхетер» в ней говорилось: «Хорошо известный радикальный социалистический лидер Ленин... опубликовал заявление о том, что британское правительство не разрешило революционерам проехать через Англию, но что правительство Германии позволило им проследовать по своей территории в закрытом железнодорожном вагоне»¹.

И здесь, как видим, проявлено весьма вольное обращение с термином: в «Коммюнике группы» речь шла об экстерриториальности поезда, а тут говорится о «закрытом вагоне». Чувствуете разницу?

В этой газете была любопытная деталь: «Берлингске тиденде» сообщает из Стокгольма о том, что 30 русских революционеров, возвращающихся из Швейцарии, проследовали шведскую столицу и продолжают свой путь к Петрограду.

«Берлингске тиденде» — это влиятельная датская газета, подшивку которой посмотреть в Королевской библиотеке не удалось. Значит, и она публиковала новости о проезде Ленина!

Эта датская газета, судя по заметке в «Дейли ньюс энд лидер», сообщила и такую подробность: германское правительство согласилось не распространять на русских революционеров обычную практику проверки паспортов и проверки багажа на условии, что они не будут покидать вагон во время путешествия по Германии.

¹ Daily News and Leader. 1917. 16.IV.

Следует обратить внимание на следующую деталь. Сообщение в «Дейли ньюс энд лидер» принадлежало агентству Рейтер. А это означало, что в дело вступили крупнейшие информационные центры мира!

Нет сомнений, возвращение Ленина в Россию стало новостью для всех ведущих изданий Запада... Изложение коммунике Ленина и его спутников со ссылкой на шведскую «Политикен» обнаружил на первой странице немецкой газеты «Дойче кринг цайтунг» (14 апреля). На следующий день оно появилось в «Берлинер тагеблатт», а 16 апреля в выходившей в Вене газете «Нойе фрайе прессе».

Наряду с информацией о пребывании русских революционеров в Стокгольме «Нойе фрайе прессе» поместила сообщение о том, что печать стран Антанты выступает с нападками на Ленина и его спутников.

Материал о группе русских политэмигрантов был помещен и во влиятельной в то время французской газете «Тан». Она не решилась сказать читателям правду о том, почему Ленин и его спутники вынуждены были решиться на поездку через Германию. Газета больше напирала на сам факт путешествия по немецкой территории.

Подведем итоги.

О чем говорят все эти газетные публикации? Прежде всего о том, что возвращение Владимира Ильича Ленина из эмиграции в революционную Россию стало новостью для всего мира.

Конечно, удалось изучить подшивки далеко не всех стран планеты, а только семи (помимо Швеции): Англии, Франции, Германии, Австро-Венгрии, США, Дании и Норвегии, то есть пяти воевавших государств и двух нейтральных, но нетрудно теперь уже предположить, что примерно такие же публикации были характерны и для газет многих других развитых стран мира.

Не только революционное крыло международного рабочего движения, безусловно одоблившее ленинский план возвращения в Россию, но и мировая общественность в целом сразу же (!) оказалась осведомленной об истинных причинах, которые побудили Ленина отправиться в опасный путь через враждебную Германию.

Ни громы империалистической бойни, ни, казалось бы, всевластная в ту пору буржуазная пресса, ни допущенные искажения фактов не смогли заглушить или замолчать действительного события международной жизни — прорыва Ленина из эмиграции в революционную Россию.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ. Два вводных момента	3
Глава I «ШВЕЙЦАРСКАЯ ЗАПАДНЯ». Март — апрель 1917 года	7
Глава II МИССИЯ ФРИЦА ПЛАТТЕНА. 2—9 апреля 1917 года	35
Глава III ПУТЬ ЧЕРЕЗ ШВЕЙЦАРИЮ И ГЕРМАНИЮ. 9—12 апреля 1917 года	51
Глава IV ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ БАЛТИКУ. 12 апреля 1917 года	62
Глава V ТРЕЛЛЕБОРГ — МАЛЬМЕ — СТОКГОЛЬМ. Вечер 12 апреля — утро 13 апреля 1917 года	67
Глава VI ПОСОЛЬСКИЕ ДЕПЕШИ. Стокгольм, наши дни. Поиск ведется в архивах	76
Глава VII ВСТРЕЧА НА ВОКЗАЛЕ «СЕНТРАЛЕН». Стокгольм. Утро 13 апреля 1917 года	86
Глава VIII «ПОЛИТИКЕН», «СВЕНСКА ТЕЛЕГРАМБЮРО» И ДРУГИЕ. Стокгольм, наши дни	94

Глава IX	
ВСТРЕЧИ В ОТЕЛЕ «РЕГИНА». Стокгольм. 13 апреля (первая половина дня) 1917 года	111
Глава X	
ПОСЛЕДНИЕ ЧАСЫ В СТОКГОЛЬМЕ. Стокгольм. 13 апреля (вторая половина дня) 1917 года	123
Глава XI	
О ФОТОГРАФИЯХ И КИНОХРОНИКЕ. Стокгольм, наши дни. Поиск ведется в газетах и на «Шведском радио»	134
Глава XII	
ВЕРСИЯ: БЫЛА ЛИ У ЛЕНИНА ОХРАНА В СТОК- ГОЛЬМЕ?	145
Глава XIII	
РЫВОК НА СЕВЕР. Путь от Стокгольма до Хапаранды. Вечер 13 апреля — утро 15 апреля 1917 года. Там же, наши дни	151
Глава XIV	
ЗАГАДКИ ОСТАЮТСЯ. Хапаранда, наши дни	167
Глава XV	
НА ГРАНИЦЕ. Хапаранда — Торнео. 15—16 апреля 1917 года	177
Глава XVI	
ВПЕРЕДИ ПЕТРОГРАД! Путь через Финляндию. 15—16 апреля 1917 года	186
Глава XVII	
«НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС», РЕЙТЕР И ДРУГИЕ. Стокгольм, наши дни. Снова Королевская библиотека	196

Марат Васильевич Зубко
ШВЕДСКАЯ ВЕРТИКАЛЬ

Заведующий редакцией *В. М. Подугольников*

Редактор *З. У. Устенова*

Младший редактор *Н. С. Коблякова*

Художник *О. А. Карелина*

Художественный редактор *А. Я. Гладышев*

Технический редактор *И. А. Золотарева*

ИБ № 7269

Сдано в набор 14.02.89. Подписано в печать 06.06.89. А04838.
Формат 70×108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура
«Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 9,10. Усл.
кр.-отт. 9,63. Уч.-изд. л. 8,77. Тираж 75 тыс. экз. Заказ
№ 2526. Цена 45 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.
Ордена Трудового Красного Знамени
типография изд-ва «Звезда», 614600, г. Пермь, ГСП-131,
ул. Дружбы, 34.

В. И. Ленин в Стокгольме с группой русских политэмигрантов по пути из Швейцарии в Россию.
31 марта (13 апреля) 1917 г.

45 к.

Марат
ЗУБКОВ

ШВЕДСКАЯ

ЕРТИКАЛЬ

Политиздат